

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

16+

Регионология

Том 32, № 2. 2024 (апрель – июнь)

Сквозной номер выпуска – 127

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 32, no. 2. 2024 (April – June)

Continuous issue 127

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножка Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор, и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cf@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Cand.Sci. (Ped.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolyubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolyubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fns.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая регионалистика. Этнополитика

Г. С. Денисова, Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтального северокавказского региона 198

А. А. Максименко, А. В. Зайцев, О. С. Дейнека, А. В. Зябликов, Ф. Т. Ахунзянова. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество» 217

В. Ю. Пашкус, В. Терехов, М. Ю. Щеглов, А. В. Кошкин. Анализ региональной патентной политики в России (на англ. яз.) 242

Социальная структура, социальные институты и процессы

Б. Джасротия, Р. Шарма. Условия труда и профессиональные риски женщин-мигрантов (на примере текстильной фабрики СТМ) (на англ. яз.) 263

С. В. Мурафа, М. Р. Нгетобай. Доступность образования в странах Центральной Африки (Камерун, Центральноафриканская Республика, Конго, Габон и Чад) 278

Е. Н. Заборова. Практика применения некоторых форм электронного взаимодействия власти и населения в Свердловской области 290

Экономика и управление народным хозяйством

В. В. Перская, Ф. И. Аржаев, Я. Ван. Системная оценка Транскаспийского маршрута международного транспортного коридора «Север – Юг» методом динамического норматива 308

С. М. Никоноров, А. И. Кривичев, А. Н. Насонов, И. В. Цветков. Методика оценки и ранжирования социально-экономического развития моногородов на основе многофакторного анализа фрактальных показателей 326

Экономическая социология и демография

С. Я. Суший. Северное Причерноморье – Приазовье: демографо-экономический потенциал и перспективы хозяйственного развития новых регионов России 345

И. В. Киреева, Е. С. Куква, С. А. Ляужева, З. А. Жаде, Н. А. Ильинова. Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана) 368

Информация для авторов и читателей 388

CONTENTS**Political Regional Studies. Ethnopolitics**

G. S. Denisova, E. A. Avdeev, S. M. Vorobev. Conflict-Generating Risks of the Ethnocultural Foundations of the Student Youth Identity: The Case of the Frontier North Caucasus Region 198

A. A. Maksimenko, A.V. Zaitsev, O. S. Deyneka, A. V. Zyablikov, F. T. Akhunzyanova. Assessment by the Population of the Effectiveness of Digital Communication of the Heads of Regions in the Internet Dialogue “Power – Society” 217

V. Yu. Pashkus, V. Terekhov, M. Yu. Shcheglov, A. V. Koshkin. Regional Patent Policy Analysis in Russia 242

Social Structure, Social Institutions and Processes

B. Jasrotia, R. Sharma. Working Conditions and Occupational Risks of Migrant Women (CTM Textile Factory Case Study) 263

S. V. Murafa, M. R. Nguetobaye. Access to Education in Central African Countries (Cameroon, Central African Republic, Congo, Gabon and Chad) 278

E. N. Zaborova. Practice of Electronic Interaction between the Government and the Population in the Sverdlovsk Region 290

Economics and Management of National Economy

V. V. Perskaya, F. I. Arzhaev, Ya. Wang. System Assessment of the International “North-South” Transport Corridor’ Trans-Caspian Route Based on Dynamic Standard Model 308

S. M. Nikonorov, A. I. Krivichev, A. N. Nasonov, I. V. Tsvetkov. Methodology for Assessing and Ranking of the Socio-Economic Development of Single-Industry Towns Based on Multifactor Analysis of Fractal Indicators 326

Economic Sociology and Demography

S. Ya. Suschiy. Northern Black – Azov Sea Region: Demographic and Economic Potential and Prospects of Economic Development of New Regions of Russia 345

I. V. Kireeva, E. S. Kukva, S. A. Lyausheva, Z. A. Zhade, N. A. Ilyinova. The Potential of Regional Branding in Strengthening Russian National Identity (Cases of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan) 368

Information for Authors and Readers of the Journal 388

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА.
ЭТНОПОЛИТИКА / POLITICAL REGIONAL STUDIES.
ETHNOPOLITICS

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216

УДК 39-048.93-057.875(470.62/.67)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Конфликтогенные риски этнокультурных оснований
идентичности студенческой молодежи:
случай фронтального северокавказского региона

Г. С. Денисова¹Е. А. Авдеев²✉С. М. Воробьев²¹ Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)² Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь, Российская Федерация)✉ ewg.avdeev@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В полиэтничных регионах, к которым относится Северный Кавказ и Юг России в целом, снижение рисков конфликта идентичности является приоритетной задачей государственного управления. Объектом такой политики в первую очередь выступает молодежь региона, из рядов которой рекрутируются активисты протестных акций. Эта ситуация обуславливает необходимость мониторинга социального самочувствия молодежи в контексте сочетания общероссийской и этноконфессиональной идентичностей. Цель исследования – выявление конфликтогенных рисков, возникающих в процессе социокультурного взаимодействия в полиэтничных молодежных сообществах фронтальных регионов.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования состояния социальной идентичности молодежи Северного Кавказа стали результаты опросов, проведенных авторами в марте – апреле 2022 и 2023 гг. среди студентов региональных вузов. Предполагалось, что обострение геополитической ситуации и специальная военная операция выступили триггером трансформации социальной идентичности молодых людей, которая имеет разную траекторию у групп молодежи, представляющей народы Северного Кавказа и русских, проживающих в регионе. Эмоциональная оценка близости с сообществами разного таксономического ряда позволила установить значимость общероссийской идентичности в сравнении с этнической, региональной и конфессиональной.

Результаты исследования. Сравнительный анализ собранного материала свидетельствует о том, что наиболее значимыми консолидирующими ценностями и символами, объединяющими молодежь региона, стали общие государство и государственная символика. По выбору этих ценностей, а также ценностей российской культуры и общего исторического прошлого молодежь, относящая себя к народам Северного Кавказа, приблизилась к ценностному профилю русской молодежи региона. Выявлено, что в сознании русской молодежи отмечается рост социокультурных ценностей, значимость которых в их представлениях приблизилась к общероссийским гражданско-политическим ценностям. Сохраняется тенденция, направленная на социокультурную интеграцию и стирание этнокультурных различий у молодежи рассматриваемых групп.

© Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Общероссийская и этническая идентичности у молодых людей, проживающих в регионе, выступают взаимодополняющими, а не конкурирующими. Вызовы, с которыми сталкивается страна, рассматриваются ими как личностные и социально значимые. Эта тенденция становится значимым фактором, снижающим конфликтные риски этнокультурных оснований идентичности в молодежных сообществах Северного Кавказа. Полученные результаты внесут вклад в понимание социокультурных угроз и рисков конфликтности в полиэтничных молодежных сообществах фронтальных регионов, будут полезны научному сообществу и органам государственного управления.

Ключевые слова: полиэтничный регион, Северный Кавказ, молодежь России, общероссийская идентичность, этничность, этнокультурное взаимодействие, конфликтные риски

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

Для цитирования: Денисова Г. С., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Конфликтные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтального северокавказского региона // Регионология. 2024. Т. 32, № 2. С. 198–216. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216>

Conflict-Generating Risks of the Ethnocultural Foundations of the Student Youth Identity: The Case of the Frontier North Caucasus Region

G. S. Denisova^a, E. A. Avdeev^b✉, S. M. Vorobev^b

^a Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

^b North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation)

✉ ewg.avdeev@yandex.ru

Abstract

Introduction. In multi-ethnic regions, which include the North Caucasus and the South of Russia in general, reducing the risks of identity conflict, in particular the conflictogenic potential of ethnic identity, is one of the priority tasks of public administration. The object of this policy, first of all, is the youth of the region, from whose ranks the activists of protest movements are recruited. This situation requires monitoring the social well-being of young people in the context of the combination of all-Russian and ethno-confessional identity. The aim of the study is to identify conflictogenic risks arising in the process of sociocultural interaction in multi-ethnic youth communities of border regions.

Materials and Methods. The empirical basis of the research state of social identity of youth in the North Caucasus was the results of surveys conducted by the authors in March – April 2022 and 2023 among students of regional universities. It was assumed that the aggravation of the geopolitical situation and a special military operation acted as a trigger for the transformation of the social identity of youth, which has a different trajectory for groups of youth representing the peoples of the North Caucasus and Russians living in the region. An emotional assessment of closeness with communities of different taxonomic series made it possible to establish the significance of all-Russian identity in comparison with ethnic, regional and confessional ones.

Results. A comparative analysis of the collected material indicates that the most significant consolidating values and symbols that unite the youth of the region are the common state and state symbols. By choosing these values, as well as the values of Russian culture and the general historical past, young people who consider themselves to be the peoples of the North Caucasus have come closer to the value profile of Russian youth in the region. In the consciousness of Russian youth, there is a growth in sociocultural values, the significance of which in their ideas has approached all-Russian civil and political values. There continues to be a trend aimed at sociocultural integration and erasing ethnocultural differences among the youth of the groups under consideration.

Discussion and Conclusion. All-Russian and ethnic identities among young people living in the region are complementary, not competitive. The challenges the country faces are viewed by them as personal and socially significant. This trend is becoming a significant factor that reduces the conflict-generating risks of ethnocultural foundations of identity in youth communities of the North Caucasus. Scientific

results will contribute to the understanding of sociocultural threats and risks of conflict in multiethnic youth communities of frontier regions, and will be useful to the scientific community and government authorities.

Keywords: multi-ethnic regions, North Caucasus, Russian youth, all-Russian identity, ethnicity, ethno-cultural interaction, conflict risks

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. № 23-28-00237 “Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People’s Identity”.

For citation: Denisova G.S., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Conflict-Generating Risks of the Ethno-cultural Foundations of the Student Youth Identity: The Case of the Frontier North Caucasus Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):198–216. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216>

Введение. Северный Кавказ исторически сложился как регион межкультурного взаимодействия русского и северокавказских народов. Гармонизация этих взаимодействий прошла сложный исторический путь и включает трагические и героические страницы. Сравнительный анализ этнокультурных различий показывает, что северокавказские народы, в отличие от русского, значительно больше привержены религии и этнокультурной традиции (включающей социальную иерархию, высокую роль этнической солидарности, значимость семейно-родственных отношений). Для народов Северного Кавказа характерно то, что наряду с современной модернизацией социально-экономической сферы у них происходит реактуализация забытых традиционных этносоциальных институтов и отношений. Реисламизация характеризуется распространением новых («нетрадиционных») форм ислама. Это связано с продолжающимся геополитическим и религиозным влиянием Ближнего Востока на мусульман региона [1]. У русского населения традиционные ценности во многом размыты советским этапом модернизации экономики и социальной сферы, снижена значимость этнического и конфессионального самосознания.

Высокая степень значимости этнических и религиозных ценностей в идентичности северокавказских народов содержит скрытый потенциал конфликтогенного риска, который может быть использован в острых политических ситуациях. События в аэропорте Махачкалы 29 октября 2023 г. показывают эффективность технологии разжигания конфликта на межрелигиозной почве и перевода его в сферу межэтнических отношений. Также следует отметить, что высокий уровень консолидации и сплоченности на этноконфессиональной основе может быть достаточно быстро канализирован в различные формы протеста.

Молодежь региона в силу высокой активности, мобильности и нерешенности целого ряда экономических проблем достаточно легко становится объектом манипуляций и актором деструктивных процессов. При этом имеет место парадокс: с одной стороны, для современной молодежи снижена роль традиционных ценностей и социальных норм, что объясняется погруженностью в глобальное информационное поле, где в виртуальной среде формируются современные унифицированные ценности; с другой – в кризисных ситуациях происходит

стремительная мобилизация молодых людей по основанию приверженности устойчивым традиционным этнокультурным (включая религиозные) ценностям. Этот парадокс можно объяснить поверхностной включенностью молодежи в традиционную культуру, ориентацией лишь на ее внешние признаки, недостаточной образованностью в сфере современных социально-политических и правовых процессов.

Существующая проблемность ситуации объясняет необходимость не только контроля реализации государственной молодежной политики в республиках региона, но и постоянного мониторинга самочувствия молодежи. Его важным компонентом являются вопросы совместимости традиционных и современных идентификационных ценностей, значимости общероссийской идентичности, истории многонационального русского народа и российских традиционных ценностей, объединяющих различные народы. Заявленный ракурс анализа и особенно политический контекст современной геополитической ситуации, активным участником которой выступают мусульмане различных стран мира, обуславливают актуальность проблемы данной статьи. Цель исследования – определить уровень и основные факторы конфликтности социокультурных оснований идентичности при взаимодействии молодежи различных национальностей, а также межэтническую напряженность студенческой молодежи фронтального региона.

Обзор литературы. В ходе формирования идентичности молодых людей важную роль играют общие ценности и культурные установки, которые складываются в процессе сравнения норм и ценностей своих и чужих этнокультурных групп. При этом особое внимание уделяется ценностям и социальным нормам, значимым для «своей» этнокультурной общности, – чувству принадлежности к этой общности, имеющему общие смыслы, ценности и представления, разделяемые ее членами как в «дискурсивном», так и в «практическом сознании»¹. В ходе социального взаимодействия индивидуальные представления насыщаются социальным опытом этнокультурной группы, личность впитывает в себя общие социальные и культурные практики. Этнокультурная самоидентификация позволяет человеку определить себя и свое место в этнической группе посредством соотнесения себя с другими путем «многомерного картографирования» быстроменяющейся социальной реальности [2, с. 769]. Дж. Ротман выделяет важную роль культурной составляющей в формировании социальной идентичности. Культура всегда предполагает опору на групповые идентичности, потребности и предпочтения группы. При этом многомерность идентичности личности становится источником противоречий, которые могут носить конфликтный характер. Е. Н. Данилова и В. А. Ядов отмечают, что неустойчивое состояние социальной идентичности становится нормой современных обществ. Это превращает «кризис идентичности» в нормальное состояние индивидов и возводит контекстуально-лабильную идентификацию в ранг социальной нормы [3, с. 30]. Конфликтующие носители идентичности могут стать «персональными максимайзерами» тех или иных идентификационных ценностей, активно выступая и призывая к их защите в случае как реальных, так и мнимых угроз, раздувая тем самым межгрупповые конфликты [4, с. 651–652].

¹ Giddens A. *The Nation State and Violence*. Cambridge : Polity Press, 1985. 399 p.

В современной российской этнологии растет внимание к исследованию сложных этнокультурных идентичностей и поликультурных сообществ. В социогуманитарном знании происходит постепенный переход к пониманию наций как культурно сложных феноменов² [5, с. 85]. Формируется тенденция к изучению межэтнических конфликтов как конфликтов идентичности. При этом конфликт идентичности рассматривается в качестве этнокультурного конфликта, где наиболее значимым маркером являются ценностно-мировоззренческие различия. Они становятся определяющими в связи с возрастанием глобальной нестабильности, тенденцией к разрушению прежнего миропорядка и началом формирования основ нового мироустройства. В современном мире столкновение политических идеологий уходит в прошлое, их сменяют масштабные социокультурные конфликты (конфликты идентичности). Ценностные различия, в том числе этнокультурные и этноконфессиональные, в них выступают на первый план, становясь главной причиной конфликтов³. Предметом таких конфликтов являются не материальные ценности, политическая власть или идеология, а защита ценностей, норм и правил человеческого общежития и образа жизни своей этнокультурной группы. По мнению Д. Горовица, «в разделенных обществах этнический конфликт находится в центре политики. Этнические разногласия создают проблемы для сплоченности государств... Этнические конфликты подрывают связи, поддерживающие гражданственность, и часто лежат в основе насилия»⁴. В ряде зарубежных работ отмечается превалирование в полиэтничных государствах в период кризисов и конфликтов этнического партикуляризма над гражданским универсализмом, зависимость остроты противоречий между этнической и гражданской идентичностями от конкретных социально-исторических и политических факторов⁵ [6; 7].

В современных этнокультурных конфликтах возрастает эмоционально-психологическая составляющая, включающая социокультурные стереотипы, реально существующие или мнимые исторические претензии одних народов к другим. Довольно часто этнические антрепренеры призывают к защите этнокультурных основ идентичности, чувству этнической и религиозной солидарности. Важными факторами возрастания этнокультурной конфликтности являются возможные или предполагаемые угрозы этнической культуре и языку, высокие социальные ожидания, которые не совпадают с возможностями этнических общностей, и рост этносоциального неравенства. Полиэтнические регионы могут быть социально и политически нестабильными в связи с высоким уровнем политизации этничности. Конфликтности способствуют и неэффективность государственного управления, коррумпированность власти и несформированность гражданского общества [8]. Этнические акторы стремятся усилить социально-политическую роль этнической идентичности

² Тишков В. А., Филиппова Е. И. Культурная сложность современных наций. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.

³ Brubaker R., Laitin D. Ethnic and Nationalist Violence // *Annual Review of Sociology*. 1998. No. 24. Pp. 423–452.

⁴ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley : University of California Press, 1985. P. 12.

⁵ Brubaker R. *The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between “Civic” and “Ethnic” Nationalism* // *Nation and National Identity: The European Experience in Perspective* / eds. by H. Kriesl [et al.]. Zurich : Verlag Ruediger, 1999. Pp. 55–71.

и этногрупповой солидарности как правило через призывы к защите языка, культуры и ценностей этнической группы, что переводит межэтнические конфликты из плоскости столкновения интересов в сферу конфликта идентичностей [9]. К регионам, находящимся в зоне повышенного риска, относится и Северный Кавказ. При этом в последние полтора десятилетия сложился тренд к стабилизации и снижению конфликтности. Некоторые зарубежные исследователи отмечают снижение остроты этнополитических противоречий и уровня насилия на Северном Кавказе в 2010-х гг., связанное с силовыми мерами обеспечения безопасности и укреплением вертикали власти [10].

В полиэтничных регионах имеет место переход от экономических или политических конфликтов к конфликтам ради защиты культуры группы, ее статуса и идентичности. Важную роль при этом играют этнокультурные стереотипы, исторические обиды и мифологизация представлений о других народах [11, с. 50, 52]. Обращение сторон конфликта к идентификационным ценностям ведет к их аксиологической иррационализации [12, с. 15]. Данные процессы усиливают межэтническую нетерпимость и этногрупповую конкуренцию, увеличивают степень взаимного неприятия. Этнокультурные конфликты формируют новые негативные стереотипы и актуализируют прежние. Рациональные политические механизмы разрешения таких конфликтов часто оказываются неэффективными, поскольку в основе конфликта лежит иррациональный принцип⁶.

Значимость этнокультурных различий в этнополитических конфликтах отмечается многими российскими учеными. В частности, В. А. Ачкасов подчеркивает, что этнополитические конфликты – это не только и не столько конфликты интересов, сколько конфликты идентичностей. Он акцентирует внимание на многофакторном характере этнополитических конфликтов [11, с. 50; 13, с. 34–35]. Истинным источником таких конфликтов выступают не какие-то материальные ресурсы, а идентификационные ценности⁷. Остроту и сложность этнополитических конфликтов В. В. Лапкин и В. И. Пантин объясняют тем, что это конфликты не только интересов, но и различных систем ценностей, разных мировоззрений [14, с. 92]. В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов и Г. Д. Гриценко отмечают, что этнополитическая конфликтность характеризуется тем, что этнические противоречия переходят в область политического противостояния [15, с. 77].

Концептуальные подходы к исследованию общероссийской идентичности, ее смыслов, способных объединять и обеспечивать взаимопонимание, доверие и общность интересов россиян, были сформулированы в рамках московской этносоциологической школы. Большой вклад внесли работы ее основателей: Л. М. Дробижевой и Ю. В. Арутюняна. Количественные исследования, проведенные под руководством Л. М. Дробижевой, показали, что у респондентов нет единого понимания смыслового наполнения объединяющей россиян идентичности. При этом представление об общей государственности остается наиболее

⁶ Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 205.

⁷ Калинина Е. Ю., Мухудадаев М. О., Сморгунова В. Ю. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей: кризис современного правосознания // Правозащитник. 2017. № 4. С. 14.

влиятельным интегрирующим фактором. Среди других консолидаторов выделяются ценности «родная земля», «историческое прошлое», «русский язык»⁸.

Анализ межэтнических конфликтов на Юге России в целом, и в Северо-Кавказском макрорегионе в частности, показал многоуровневость идентичности и перспективность укрепления ее общероссийского уровня для снижения межэтнической конфликтности⁹. В настоящее время межэтнические конфликты на Северном Кавказе в основном перешли в латентное или замороженное состояние. Наметилась тенденция к умеренному конфликтологическому сценарию межэтнических отношений [16, с. 88–89]. Этот вывод подтверждается эмпирическими исследованиями уровня этнической и религиозной толерантности молодежи к мигрантам¹⁰. Анализируя конфликтогенный потенциал Северного Кавказа на рубеже 2020-х гг., С. Я. Суций заключает, что несмотря на сохраняющиеся в регионе долгосрочные риски, накопленный в 2010-х гг. положительный потенциал может способствовать инновационному развитию и системной модернизации [17]. Вместе с тем события в Карачаево-Черкесии и Дагестане (октябрь 2023 г.), спровоцированные на почве палестино-израильского конфликта, показывают риск конфликтогенности этнорелигиозного основания идентичности северокавказской молодежи. Рациональные политические механизмы разрешения таких конфликтов часто оказываются неэффективными, поскольку в основе конфликта лежат иррациональные мотивы.

В современном научном дискурсе преобладает рассмотрение межэтнических конфликтов как конфликтов идентичности, при этом этнокультурные основания являются важным маркером ценностно-мировоззренческих различий. В этой связи актуализируются конфликтогенные риски социокультурных оснований идентичности современной молодежи, особенно во фронтальных регионах, являющихся территориями взаимодействия различных народов и конфессий.

Материалы и методы. Резкое обострение геополитического противостояния между Россией и Западом, вызванное вооруженным конфликтом на Украине, а также политика укрепления общероссийской гражданской идентичности оказали большое влияние на консолидацию российского общества. Вместе с тем специальная военная операция России на территории Украины (далее – СВО) стала основанием ценностно-мировоззренческого размежевания среди молодежи. Эти наблюдения легли в основу предположения о том, что динамика военно-политической конфронтации будет оказывать влияние на идентификационную определенность молодых людей, отличающуюся по этноконфессиональному признаку. Данный концепт определил цель социологических опросов в 2022 и 2023 гг.: выявить влияние этих факторов на трансформацию идентификационных характеристик молодежи региона, сегментированной по этнокультурному основанию на русских и народы Северного Кавказа. Место проведения исследования – Ставропольский край, который рассматривается

⁸ Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Л. М. Дробижина [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 262. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022>

⁹ Российская идентичность на Северном Кавказе / З. А. Жаде [и др.]. Майкоп, 2010. 248 с.

¹⁰ Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне Всероссийской переписи населения в регионах Южного федерального округа: экспертный доклад 2019 / С. Д. Гаврилов [и др.]. Ростов н/Д, 2020. 204 с.

как регион фронта, в пространстве которого на протяжении более чем двух столетий происходит взаимодействие русских и народов Северного Кавказа, сопровождающееся периодически возникающими ситуациями межэтнической напряженности и взаимным проникновением культур. Этот контекст позволяет рассматривать ситуацию в Ставрополье как маркер межэтнических отношений в полиэтничных регионах России.

Основные гипотезы исследования:

- рискогенными факторами при взаимодействии молодежи различных национальностей являются этнокультурные и мировоззренческие различия;
- уровень межэтнической напряженности в представлениях активной части молодежи является незначительным, что снижает риски этнокультурной конфликтности;
- у абсолютного большинства молодых людей региона, получающих высшее образование, сформирована общероссийская идентичность. Фактор СВО усилил ее выраженность у большей части студентов.

В качестве объекта наблюдений выступили студенты, что определялось их значительной долей в когорте молодежи 18–24 лет, высоким уровнем образованности и социальной активности. В опросах участвовали студенты в возрасте 18–24 лет ведущих вузов Северного Кавказа (Северо-Кавказский федеральный университет (далее – СКФУ), Ставропольский медицинский университет, Ставропольский аграрный университет, Пятигорский государственный университет). Эти вузы являются ведущими в регионе, привлекая активную молодежь из северокавказских республик. Только в СКФУ более 25 % студентов приехали на учебу из соседних регионов Северного Кавказа. Важным индикатором выборки в соответствии с задачами исследования был этнический и конфессиональный состав респондентов. Студенты сами определяли свою этническую и религиозную принадлежность. Затем из собранного материала отбирались примерно равные квоты респондентов из числа русского и северокавказских народов: 45 % русских респондентов, 45 – относящих себя к народам Северного Кавказа, 10 % составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам; по религиозному составу: 43 % – православные, 33 – мусульмане и 20 % – не относящие себя ни к какому вероисповеданию. Удалялись анкеты методом случайной выборки из числа русских респондентов, которых было в три раза больше, чем всех остальных. Определение квотной выборки объяснялось тем, что в межэтнических взаимодействиях играет роль не пропорциональная численность групп, а их консолидированность на базе общих ценностей. Квотный метод позволяет сравнивать ценностный профиль примерно равных по численности групп. В 2022 г. объем выборки после отбраковки анкет составил 1 300, в 2023 г. – 1 400 респондентов. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. Опросы проводились в онлайн-форме, собранный материал был обработан с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics.

Авторами были рассмотрены социокультурная и эмоционально-психологическая составляющие общероссийской идентичности. Респондентам было предложено оценить значимость основных консолидирующих ценностей

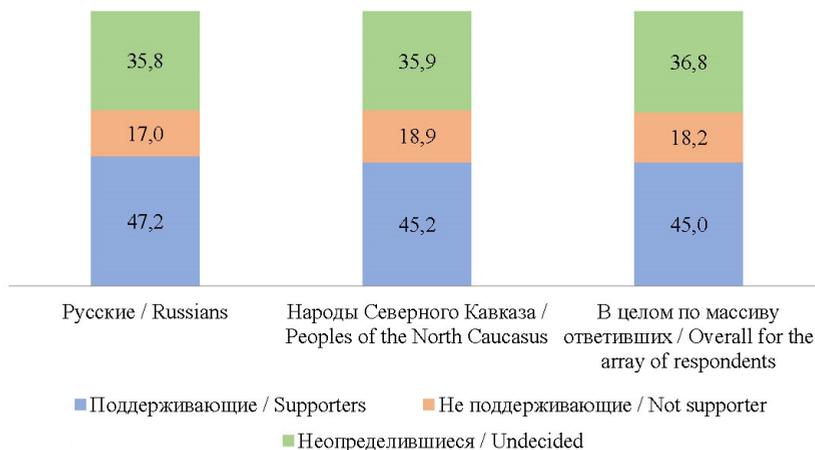

общероссийской идентичности, таких как общее государство, русский язык, родная земля и ответственность за судьбу России, общее историческое прошлое и общие символы по 5-балльной шкале: «объединяет (5 баллов) – скорее объединяет – затрудняюсь ответить – скорее не объединяет – не объединяет (1 балл)». Это позволило выявить основания, по которым молодые люди идентифицируют себя с гражданами России. Оценка чувства эмоциональной близости (общности) по шкале «постоянно ощущаю – часто ощущаю – затрудняюсь ответить – редко ощущаю – никогда не ощущаю» позволила установить значимость общероссийской идентичности в сравнении с этнической, региональной (край, республика) и конфессиональной. Измерение напряженности межэтнических отношений проводилось по 5-балльной шкале (1 балл – напряженность очень низкая, 5 баллов – очень высокая). Респонденты также определяли наличие/отсутствие в регионе проблемы в общении, взаимодействии людей разных национальностей и основную причину межнациональных конфликтов.

Результаты исследования. Изучение реальных и потенциальных конфликтно-генных рисков этнокультурных основ самосознания предполагает измерение сформированности и выраженности основных групповых идентичностей. Анализ собранного материала позволил выявить взаимосвязь индивидуальных и групповых особенностей мировоззрения полиэтничной молодежи, раскрыть роль и значение основных идентификационных характеристик социальных групп и общностей.

СВО стала основным фактором общенациональной консолидации и линией ценностно-мировоззренческого размежевания. Она является своеобразным маркером патриотичности, определяет степень поддержки политики российского государства и значимость традиционных ценностных основ российского патриотизма. Респондентам было предложено оценить свой уровень поддержки военных действий, которые ведутся Россией в целях обеспечения суверенитета и безопасности, по следующей шкале: определенно поддерживаю, скорее поддерживаю, скорее не поддерживаю, определенно не поддерживаю и затрудняюсь ответить. Результаты показали, что 45,0 % опрошенных поддерживают военные действия (ответы «определенно поддерживаю» (24,6 %) и «скорее поддерживаю» (20,4 %)), 18,2 – не поддерживают («скорее не поддерживаю» (7,5 %) и «определенно не поддерживаю» (10,7 %)) и 36,8 % не определились с ответом (затруднившиеся ответить). Различия в ответах между русской и северокавказской молодежью, православными и мусульманами незначительны (рис. 1). Это свидетельствует о том, что уровень поддержки в малой степени зависит от национальной принадлежности.

Результаты исследования показали рост ощущения общности, близости с малой Родиной, людьми, проживающими на Северном Кавказе, и гражданами России в 2023 г. Если в 2022 г. близость с малой Родиной ощущали 70,4 %, то в 2023 г. – 79,8 % респондентов С 61,0 до 74,9 % возросло и ощущение близости с людьми, проживающими в регионе. В течение года увеличился уровень гражданской консолидации. Ощущение близости с гражданами России увеличилось с 55,5 до 65,4 %. При этом ощущение общности с людьми своей национальности и вероисповедания почти не изменилось (табл. 1).

Р и с. 1. Уровень поддержки военных действий, которые ведутся Россией в целях обеспечения суверенитета и безопасности (СКФО, февраль – март 2023 г., n = 1 400), % от числа опрошенных¹¹
 F i g. 1. Level of support for military actions conducted by Russia to ensure sovereignty and security (NCFD, February – March 2023, n = 1 400), % of the number of respondents

Возрастающие глобальные угрозы и геополитические вызовы, конфронтация между Россией и коллективным Западом могут увеличивать риски этнокультурной конфликтности и усиливать социальную напряженность в российском обществе. Последствиями этого может стать усиление дезинтеграционных процессов, потеря внутреннего национального единства, фрагментация и сужение идентичности, политизация этничности [18]. Наиболее чувствительна к этим процессам молодежь, идентичность которой проходит процесс трансформации. В этой связи респондентам было предложено оценить объединяющую роль основных интегрирующих ценностей общероссийской идентичности. Наиболее значимой консолидирующей социально-политической ценностью, объединяющей всех граждан страны, стало общее государство. Опросы показали, что его роль возросла с 82,7 % в 2022 г. до 86,3 % в 2023 г. Наиболее значительный рост оценок выявлен среди северокавказской молодежи – с 82,3 % в 2022 г. до 88,0 % в 2023 г. Объединяющая роль государства в оценках русской молодежи практически не увеличилась. Возросло значение объединяющих государственных символов (герб, гимн и флаг) – с 72,5 % в 2022 г. до 78,8 % в 2023 г. С 67,7 до 79,9 % увеличилось их значение для северокавказской молодежи. Значимой ценностью-интегратором для молодежи является и ответственность за судьбу России. Она также возросла с 74,3 % в 2022 г. до 77,4 % в 2023 г.; для северокавказской молодежи – с 72,9 до 80,5 %. Можно говорить о том, что продолжающийся военный конфликт на Украине привел к повышению роли и значения основных ценностей общероссийской идентичности в представлениях северокавказской молодежи.

Не меньшее значение для опрошенных студентов имеют и социокультурные ценности, объединяющие их с гражданами России. Среди них наибольшее значение для респондентов имеет русский язык как государственный. Если в 2022 г. его объединяющую роль отмечали 82,7 %, то в 2023 г. – 86,3 %.

¹¹ Рисунки и таблицы составлены авторами статьи по материалам проведенного исследования.

Таблица 1. Уровень эмоциональной близости с социальными общностями (совокупность ответов «постоянно ощущаю» и «часто ощущаю»), %
 Table 1. Level of emotional closeness with social communities (combination of answers “I constantly feel” and “I often feel”), %

Вариант ответа на вопрос «Как часто Вы ощущаете свою общность, близость...?» / Question answer option “How often do you feel your community, closeness...?”	2022 (n = 1 300)			2023 (n = 1 400)		
	Русские / Russians	Народы Северного Кавказа / Peoples of the North Caucasus	В целом по массиву ответивших / Overall for the array of respondents	Русские / Russians	Народы Северного Кавказа / Peoples of the North Caucasus	В целом по массиву ответивших / Overall for the array of respondents
С малой Родиной (место, в котором прошло Ваше детство и с которым Вы эмоционально связаны) / With your small homeland (a place where you spent your childhood and to with which you are emotionally connected)	69,0	75,8	70,4	78,9	83,4	79,8
С людьми, проживающими на Северном Кавказе / With people living in the North Caucasus	56,3	70,8	61,0	70,2	82,2	74,9
С людьми той же национальности, что и Ваша / With people of the same nationality as yours	66,9	78,0	70,4	68,5	80,0	73,9
С гражданами России / With Russian citizens	58,1	51,2	55,5	64,3	68,3	65,4
С людьми Вашей веры, вероисповедания / With people of your faith, religion	47,1	72,1	59,8	55,3	72,9	63,2

Для русской молодежи русский язык более значим, чем для северокавказской, в связи с тем, что он выступает одновременно в статусе государственного и этнокультурного (родного) языка. Следующей по значимости ценностью стала родная земля (78,9 % в 2022 г. и 82,5 % в 2023 г.). Для русской молодежи она имеет большее значение (русские: 83,8 % в 2022 г. и 87,4 % в 2023 г.; северокавказские народы: 75,2 % в 2022 г. и 80,6 % в 2023 г.). В 2023 г. значительно возросла интегративная роль российской культуры и общего исторического прошлого в основном для северокавказской молодежи. Значение этих объединяющих ценностей для русской молодежи изменилось незначительно (табл. 2). Можно предположить, что военный конфликт на Украине привел к возрастанию объединяющей роли общероссийских ценностей и символов для северокавказской молодежи. Для русской молодежи их роль остается стабильно высокой. Эти данные свидетельствуют о консолидации вокруг этих ценностей и высоком уровне сформированности общероссийской идентичности в полиэтничной молодежной студенческой среде. Вызовы, с которыми сталкивается страна, рассматриваются молодежью как общая угроза. Это объясняет усиление в их сознании объединяющей роли общероссийских ценностей и символов.

Низкий уровень социальной дистанции и устойчивая положительная комплиментарность подтверждаются оценками коммуникативной открытости во взаимодействии людей разных национальностей. Так, 25,9 % респондентов в 2022 г. и 30,8 % в 2023 г. считали, что этнокультурных барьеров в коммуникациях не существует. Лишь 10,3 % в 2022 г. и 11,9 % в 2023 г. отметили их серьезное значение (табл. 3).

Для оценки состояния межнациональной напряженности на Северном Кавказе респондентам была предложена 5-балльная шкала (1 балл – напряженность минимальная, 5 баллов – максимальная). Средний балл в 2022 г. – 2,9, в 2023 г. – 2,16. Оценки межнациональной напряженности русской молодежи не изменились, а оценки северокавказской молодежи в 2023 г. снизились с 2,7 до 2,13 балла (рис. 2).

Результаты исследования показали: абсолютное большинство респондентов считают, что проблемы в общении, взаимодействии людей разных национальностей на Северном Кавказе являются крайне незначительными. Уровень межнациональной напряженности оценивается как низкий.

Обсуждение и заключение. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности и выраженность общероссийского самосознания молодежи Северного Кавказа стали предметом ряда исследований. Так, рассмотрению содержания и динамики трансформации общероссийской идентичности были посвящены исследования В. А. Авксентьева и Б. В. Аксюмова. В них отмечалось, что за период с 2009 по 2022 г. значительного укрепления общероссийской идентичности не произошло, при этом в сознании респондентов, относящих себя к народам Кавказа, этническая идентичность преобладает над общероссийской [19]. Исследование студенческой молодежи Северного Кавказа, проведенное в 2022 г. С. Ю. Ивановой и М. М. Шульгой, показало, что 77,4 % участников опроса убеждены – в повседневной жизни национальность человека значения не имеет. В идентификационной матрице опрошенных студентов превалирует отождествление себя с гражданами России.

Т а б л и ц а 2. Отношение молодежи Северного Кавказа к общероссийским ценностям и символам (совокупность ответов «объединяет» и «скорее объединяет»), %
 T a b l e 2. Attitude of the youth of the North Caucasus to all-Russian values and symbols (set of answers “unites” and “rather unites”), %

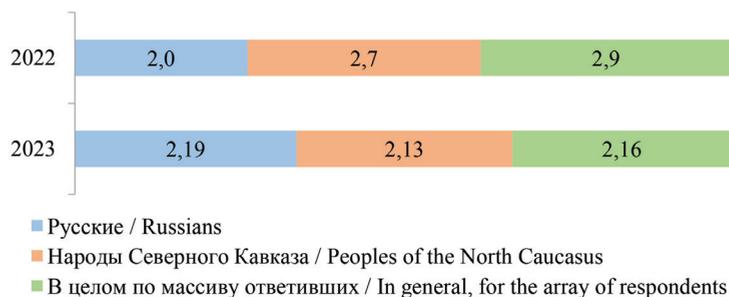
Вариант ответа на вопрос «Объединяет ли Вас с гражданами России...?» / Question answer option “Does it unite you with the citizens of Russia...?”	2022 (n = 1 300)			2023 (n = 1 400)		
	Русские / Russians	Народы Северного Кавказа / Peoples of the North Caucasus	В целом по массиву ответивших / Overall for the array of respondents	Русские / Russians	Народы Северного Кавказа / Peoples of the North Caucasus	В целом по массиву ответивших / Overall for the array of respondents
<i>Социально-политические ценности и символы / Socio-political values and symbols</i>						
Общее государство / Common State	86,6	82,3	82,7	87,5	88,0	86,3
Государственные символы (герб, гимн и флаг) / State symbols (coat of arms, anthem and flag)	81,4	67,7	72,5	81,2	79,9	78,8
Ответственность за судьбу России / Responsibility for the destiny of Russia	78,3	72,9	74,3	77,9	80,5	77,4
<i>Социокультурные ценности и символы / Sociocultural values and symbols</i>						
Русский язык как государственный / Russian as a state language	88,6	77,8	82,3	90,7	82,5	86,3
Родная земля / Motherland	83,8	75,2	78,9	87,4	80,6	82,5
Российская культура / Russian culture	82,5	42,9	65,1	88,4	76,0	81,7
Общее историческое прошлое / General historical background	82,9	67,1	75,3	84,1	76,0	79,2

Таблица 3. Оценка респондентами наличия проблемы в общении, взаимодействии людей разных национальностей, %

Table 3. Respondents' assessment of the presence of problems in communication and interaction between people of different nationalities, %

Вариант ответа на вопрос «Как Вы считаете, существует ли в Вашем регионе (республике) проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей?» / Question answer option “Do you think there is a problem in communication and interaction between people of different nationalities in your region (republic)?”	Русские / Russians	Народы Северного Кавказа / Peoples North of the Caucasus	В целом по массиву ответивших / Overall for the array of respondents
<i>2022 (n = 1 300)</i>			
Этой проблемы не существует / This problem doesn't exist	19,6	39,6	25,9
Это незначительная проблема / This is a minor problem	45,3	34,2	39,3
Это серьезная проблема / This is a serious problem	13,5	6,5	10,3
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	21,6	19,7	24,5
<i>2023 (n = 1 400)</i>			
Этой проблемы не существует / This problem doesn't exist	27,6	35,0	30,8
Это незначительная проблема / This is a minor problem	47,5	45,7	46,5
Это серьезная проблема / This is a serious problem	13,8	10,2	11,9
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	11,1	9,1	10,8

Р и с. 2. Оценка респондентами состояния межнациональной напряженности на Северном Кавказе, средний балл

F i g. 2. Respondents' assessment of the state of interethnic tension in the North Caucasus, average score

Доля тех, кто определяет себя как людей, которые гордятся своей Родиной – Россией, – 82,5 %, что позволяет авторам сделать вывод о сохраняющейся стабильности в сфере межэтнических отношений в молодежной среде [20]. Факторный, рискологический и статистический анализ динамики этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 2022 г. позволил сделать вывод о сохранении умеренного конфликтологического сценария развития региона до середины 30-х гг. XXI в., поскольку развернувшаяся гибридная война значительно повышает вероятность внешних попыток дестабилизации в сфере этноконфессиональных отношений [21, с. 453].

На этом фоне рост уровня консолидации студенчества на базе общероссийских ценностей в период 2022–2023 гг., уверенная поддержка половиной студенчества СВО свидетельствуют об укреплении общей ценностной платформы

для межэтнических взаимодействий. Так, частота эмоционального ощущения общности, близости со страной и регионом в 2023 г. возросла по сравнению с 2022 г. В течение года вырос и уровень гражданской консолидации, а показатели общности с людьми своей национальности и вероисповедания почти не изменились. Наиболее значимой консолидирующей социально-политической ценностью-символом, объединяющим молодежь Северного Кавказа, стало общее государство. Его интегрирующая роль возросла для северокавказской молодежи. Увеличилось и значение объединяющих государственных символов (герба, гимна и флага) и ответственности за судьбу России. Существенно усилилась значимость ответственности за страну в представлениях северокавказской молодежи. Также существенно увеличилась интегративная роль российской культуры и общего исторического прошлого в оценках молодежи из числа народов Северного Кавказа.

Низкий уровень социальной дистанции и устойчивая положительная комплиментарность подтверждаются тем, что респонденты не видят серьезных проблем в общении, взаимодействии людей разных национальностей. В полиэтничной молодежной среде региона установился баланс между «потребностью в идентичности» (Дж. Бертон) и ее реализацией, проявляющийся в степени сформированности общероссийской, региональной, национальной и религиозной идентичности в сознании молодых людей, не провоцирующий конфликтность на этнической и конфессиональной основе.

Собранный материал подтверждает тезис ученых из Адыгеи о том, что на Юге России общероссийская и этническая идентичности выступают взаимодополняющими, а не конкурирующими¹². Вызовы, с которыми сталкивается страна, рассматриваются студентами региона как общая угроза, что является значимым фактором снижения риска конфликтности межнациональных отношений в полиэтничных молодежных сообществах. Анализ собранных эмпирических данных свидетельствует о росте патриотической консолидации и внушает осторожный оптимизм. При этом интенсивная, часто трудно прогнозируемая динамика геополитического противостояния в сочетании с сохраняющимися в регионе негативными факторами, связанными с недостаточной эффективностью управления, клановостью и коррупцией, проблемами экономики и социальной жизни, по-прежнему актуализируют риски конфликтности этнокультурных оснований идентичности молодежи. Нерешенной остается также проблема сложившегося в 1990-е гг. в республиках Северного Кавказа неформального этнического контракта – этнического представительства в законодательных и исполнительных органах власти [22]. Снижение конфликтного потенциала этничности во многом определяется эффективностью государственного управления, в том числе в молодежной политике. Значительную позитивную роль играют и оживление и развитие социально-экономических процессов на Северном Кавказе. Также эффективным инструментом в укреплении межэтнических взаимодействий в молодежной среде может стать активная просветительская работа, направленная на объяснение причин, характера и смысла СВО. Ее целевой группой выступает почти 37 % молодежи (независимо от этнической идентичности), неопределившейся в вопросах поддержки СВО.

¹² Российская идентичность на Северном Кавказе / З. А. Жаде [и др.].

В условиях растущих геополитических вызовов для молодежи полиэтничных регионов России большое значение имеют совместимость различных ценностных и мировоззренческих систем, формирование установок на межнациональное согласие, терпимость, взаимодействие и интеграцию. Актуальность этого направления работы с молодежью определяет необходимость дальнейшего мониторинга социального самочувствия молодежи региона, отслеживания тенденции сближения идентификационного профиля различных этнических групп и выявления возможных конфликтогенных рисков на почве межэтнических взаимодействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярлыкапов А. А., Адиев А. З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4 (50). С. 59–74. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74>
2. Jenkins R. Society and Social Identity // Encyclopedia of Identity / eds. by R. L. II Jackson, M. A. Hogg. Thousand Oaks CA : Sage Publications, 2010. Vol. 2. Pp. 766–773. <https://doi.org/10.4135/9781412979306>
3. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10 (246). С. 27–30. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-10/danilova_yadov.pdf (дата обращения: 12.11.2023).
4. Rothman J., Alberstein M. Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity. Conflict and its Creative Engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. Vol. 28, issue 3. Pp. 631–657. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273330>
5. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе / В. А. Тишков [и др.] // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
6. Kuzio T. The Myth of the Civic State: A Critical Survey of Hans Kohn's Framework for Understanding Nationalism // Ethnic and Racial Studies. 2002. Vol. 25, issue 1. Pp. 20–39. <https://doi.org/10.1080/01419870120112049>
7. Coakley J. National Identity and the “Kohn Dichotomy” // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2018. Vol. 46, issue 2. Pp. 252–271. <https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1360267>
8. Weber A., Hiers W., Flesken A. Politicized Ethnicity. Perspectives in Comparative Politics. New York : Palgrave, 2016. 187 p. <https://doi.org/10.1057/9781137349453>
9. Maksic A. Ethnic Mobilization, Violence, and the Politics of Affect. The Serb Democratic Party and the Bosnian War. New York : Palgrave Macmillan, 2017. 264 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-48293-4>
10. Holland E. C., Witmer F. D. W., O'Loughlin J. The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016 // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58, issue 6. Pp. 613–641. <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1438905>
11. Ачкасов В. А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 2. С. 41–61. EDN: RTDAZZ
12. Blagojevic B. Causes of Ethnic Conflict: a Conceptual Framework // Journal of Global Change and Governance. 2009. Vol. 3, no. 1. Pp. 3–18. URL: <https://peaceprognosis.files.wordpress.com/2014/01/causesofethnicconflict.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).
13. Ачкасов В. А. Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 1. С. 33–48. EDN: HVKZKL
14. Лапкин В. В., Пантин В. И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 12. С. 92–103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103>
15. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Грищенко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>

16. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4 (96). С. 81–91. EDN: [VR SXLE](#)
17. Суший С. Я. Конфликтогенный потенциал Северного Кавказа на рубеже 2020-х годов: факторы и основные тренды // Научная мысль Кавказа. 2021. № 1 (105). С. 72–78. EDN: [WRUHER](#)
18. Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101>
19. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2>
20. Иванова С. Ю., Шульга М. М. Современное состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде СКФО // Теория и практика общественного развития. 2023. № 9 (185). С. 24–30. <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.9.2>
21. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3 (124). С. 442–458. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>
22. Денисова Г. С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11, № 4. <https://doi.org/10.15862/27SCSK420>

REFERENCES

1. Yarlykapov A.A., Adiev A.Z. Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, Mosaicization, and the Problem of “Traditionality”. *Islamovedenie*. 2021;12(4):59–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74>
2. Jenkins R. Society and Social Identity. In: Jackson II R.L., Hogg M.A., editors. *Encyclopedia of Identity*. Thousand Oaks CA: Sage Publications; 2010. Vol. 2. p. 766–773. <https://doi.org/10.4135/9781412979306>
3. Danilova E.N., Jadov V.A. [Unstable Social Identity as a Norm in Modern Societies]. *Sociological Studies*. 2004;(10):27–30. (In Russ.) Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-10/danilova_yadov.pdf (accessed 12.11.2023).
4. Rothman J., Alberstein M. Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing about the Role of Identity. Conflict and its Creative Engagement. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*. 2013;28(3):631–657. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273330>
5. Tishkov V.A., Artemova O.Yu., Anderson D.J., Arzyutov D., Balzer M.M., Golovnev A., et al. From Where is Russian Ethnology and Where is it Going? A Personal View in Global Perspective. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2020;(2):72–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
6. Kuzio T. The Myth of the Civic State: A Critical Survey of Hans Kohn’s Framework for Understanding Nationalism. *Ethnic and Racial Studies*. 2002;25(1):20–39. <https://doi.org/10.1080/01419870120112049>
7. Coakley J. National Identity and the “Kohn Dichotomy”. *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2018;46(2):252–271. <https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1360267>
8. Weber A., Hiers W., Flesken A. Politicized Ethnicity. Perspectives in Comparative Politics. New York: Palgrave; 2016. <https://doi.org/10.1057/9781137349453>
9. Maksic A. Ethnic Mobilization, Violence, and the Politics of Affect. The Serb Democratic Party and the Bosnian War. New York: Palgrave Macmillan; 2017. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-48293-4>
10. Holland E.C., Witmer F.D.W., O’Loughlin J. The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia’s North Caucasus, 2010–2016. *Eurasian Geography and Economics*. 2017;58(6):613–641. <https://doi.org/10.1080/15387216.2018.1438905>
11. Achkasov V.A. Ethnopolitical Conflict as a Result of Social Problems’ Ethnisation. *Political Expertise: POLITEX*. 2013;9(2):41–61. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [RTDAZZ](#)
12. Blagojevic B. Causes of Ethnic Conflict: A Conceptual Framework. *Journal of Global Change and Governance*. 2009;3(1):3–18. Available at: <https://peaceprognosis.files.wordpress.com/2014/01/causesofethnicconflict.pdf> (accessed 12.11.2023).
13. Achkasov V.A. North Caucasus: Multifactoral Ethnopolitical Tension. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*. 2021;(1): 33–48. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [HVKZKL](#)

14. Lapkin V.V., Pantin V.I. Ethno-Political Conflicts in the Post-Soviet Space: The Role of Foreign Policy Factors. *World Economy and International Relations*. 2016;60(12):92–103. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103>
15. Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D. Ethnicity in Political Conflicts: Ethnicization of Politics and Politicization of Ethnicity. *Political Science*. 2020;(3):74–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
16. Avksentev V.A., Gritsenko G.D. Risk Factors and Situations in the Ethnopolitical Sphere of the North Caucasus. *Scientific Thought of Caucasus*. 2018;(4):81–91. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VRSXLE
17. Suschiy S.Ya. The Conflict-Prone Potential of the North Caucasus at the Turn of the 2020s: Factors and Major Trends. *Scientific Thought of Caucasus*. 2021;(1):72–78. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: WRUHER
18. Avdeev E.A., Vorobev S.M. Socio-Cultural Bases of the North Caucasus Student Youth Identity: Risks of Conflict in Inter-Ethnic Relations. *Political Expertise: POLITEX*. 2023;19(1):4–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101>
19. Avksentiev V.A., Aksiumov B.V. “Identities Portfolio” of the Youth of the Southern Russia after 12 Years. *Sociological Studies*. 2022;(7):76–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2>
20. Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Current State of Interethnic and Interfaith Relations in the Youth Environment of the North Caucasus Federal District. *Theory and Practice of Social Development*. 2023;(9):24–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.9.2>
21. Avksentev V.A., Gritsenko G.D. The North Caucasus: Factor Analysis and Forecasts of the Regional Situation Dynamics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):442–458. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>
22. Denisova G.S. Social Justice in Inter-Ethnic Relations. *World of Science. Series: Sociology, Philosophy, Cultural Studies*. 2020;11(4). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/27SCSK420>

Об авторах:

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков Южного федерального университета (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-9602>, Researcher ID: M-1548-2016, Scopus ID: 7006195531, dgsrostov2013@gmail.com

Авдеев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>, Researcher ID: ABA-9634-2021, Scopus ID: 57217380810, ewg.avdeev@yandex.ru

Воробьев Сергей Михайлович, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>, Researcher ID: ABB-4151-2021, Scopus ID: 57217390630, sergey_vorobev_54@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Г. С. Денисова – анализ результатов социологических исследований; анализ отечественных исследований этнокультурной конфликтности; анализ конфликтогенных рисков этнокультурных оснований идентичности молодежи региона; критический анализ и доработка текста.

Е. А. Авдеев – разработка концепции статьи; анализ результатов социологических исследований; анализ зарубежных исследований этнокультурной конфликтности; анализ конфликтогенных рисков этнокультурных оснований идентичности молодежи региона; доработка текста.

С. М. Воробьев – доработка концепции статьи; анализ результатов социологических исследований; анализ конфликтогенных рисков этнокультурных оснований идентичности молодежи региона; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 11.11.2023; поступила после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

About the authors:

Galina S. Denisova, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Professor of the Chair of Russian History of the 20th–21st Centuries of the Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-9602>, Researcher ID: M-1548-2016, Scopus ID: 7006195531, dgsrostov2013@gmail.com

Evgeniy A. Avdeev, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University (1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>, Researcher ID: ABA-9634-2021, Scopus ID: 57217380810, ewg.avdeev@yandex.ru

Sergey M. Vorobev, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Ethnology of the North Caucasus Federal University (1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>, Researcher ID: ABB-4151-2021, Scopus ID: 57217390630, sergey_vorobev_54@mail.ru

Contribution of the authors:

G. S. Denisova – analysis of the results of sociological research; analysis of domestic studies of ethnocultural conflict; analysis of conflict-generating risks of the ethnocultural foundations of the identity of youth in the region; critical analysis and revision of the text.

E. A. Avdeev – development of the concept of the article; analysis of the results of sociological research; analysis of foreign studies of ethnocultural conflict; analysis of conflict-generating risks of the ethnocultural foundations of the identity of youth in the region; revision of the text.

S. M. Vorobev – finalization of the article concept; analysis of the results of sociological research; analysis of conflict-generating risks of the ethnocultural foundations of the identity of youth in the region; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 11.11.2023; revised 22.02.2024; accepted 05.03.2024.

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241

УДК 004.9:004.738.5:32

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество»

А. А. Максименко¹✉А. В. Зайцев²О. С. Дейнека³А. В. Зябликов²Ф. Т. Ахунзянова²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Российская Федерация)

² Костромской государственный университет (г. Кострома, Российская Федерация)

³ Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

✉ Maximenko.AI@gmail.com

Аннотация

Введение. Проблема эффективности цифровой коммуникации губернаторского корпуса с обществом привлекает внимание многих ученых, однако работ с эмпирической верификацией предложенных различными авторами исследований моделей крайне мало, обоснование и научное осмысление объективной оценки эффективности цифрового диалога отсутствуют. Цель исследования – на основе эмпирических данных проанализировать и сравнить эффективность цифровой коммуникации глав регионов Центрального федерального округа и выявить ее сильные и слабые стороны.

Материалы и методы. Для оценки населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов было проведено исследование, включающее 2 этапа. На первом этапе методом онлайн-опроса была произведена оценка респонзивности власти на запросы населения; второй этап реализован посредством мониторинга социальных сетей глав регионов Центрального федерального округа. В задачи второго этапа входил поиск ответов на вопросы о популярности региональной политики у населения, о соответствии информационной повестки глав регионов потребностям, которые артикулируются в региональных социальных публичах, а также об оперативности реагирования на те или иные проблемные ситуации, возникающие на местах.

© Максименко А. А., Зайцев А. В., Дейнека О. С., Зябликов А. В., Ахунзянова Ф. Т., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено, что в адрес руководителей регионов обращалась через социальные сети с жалобами и предложениями пятая часть респондентов. Определено, что примерно половина опрошенных затруднились оценить свою удовлетворенность направленным запросом; почти треть респондентов выразила удовлетворенность реакцией служб губернаторского корпуса. Опрошенные оценили работу губернаторов с преобладанием позитивных оценок по шкалам открытости и эффективности, а также оперативности. В то же время работа губернаторского корпуса в большей степени осуществляется по своей повестке (а не исходя из проблем простых людей), выполняется часто для галочки и с элементами имитации деятельности.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты позволяют отнести к числу наиболее важных компетенций губернатора включенность в современную онлайн-коммуникацию, его умение наладить постоянную и эффективную обратную связь с населением. Проведенный анализ демонстрирует, что названные качества пока выпадают из личностных приоритетов некоторых региональных руководителей. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов сравнительной оценки конструктивности интернет-коммуникации губернаторов регионов Центрального федерального округа с населением, слабые стороны и потенциал такого диалога.

Ключевые слова: диалог власти и общества, цифровое пространство, публичный диалог, открытость власти, респонзивность власти, цифровые коммуникации, социальная сеть

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZEW-2023-0007.

Для цитирования: Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество» / А. А. Максименко [и др.] // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2. С. 217–241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>

Assessment by the Population of the Effectiveness of Digital Communication of the Heads of Regions in the Internet Dialogue “Power – Society”

A. A. Maksimenko^a✉, A. V. Zaitsev^b, O. S. Deyneka^c,

A. V. Zyablikov^b, F. T. Akhunzyanova^b

^a HSE University (Moscow, Russian Federation)

^b Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)

^c Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

✉ Maximenko.AI@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the effectiveness of digital communication of the governor's corps with the society. This problem attracts the attention of many scholars, but there are very few works with empirical verification of the models proposed by various research authors, and there is a lack of substantiation and scientific understanding of the objective assessment of the effectiveness of digital dialog. The purpose of the study is to analyze and compare the effectiveness of digital communication of regional heads of the Central Federal District on the basis of empirical data and identify its strengths and weaknesses

Materials and Methods. To assess the effectiveness of digital communication of regional heads with the population, a study was conducted, which included 2 stages. At the first stage of the research the responsiveness of the authorities to the needs of the population was assessed by means of an online survey. The second stage of the research was realized through monitoring of social networks of the heads of regions of the Central Federal District. The tasks of the second stage included the search for answers to the questions about the popularity of regional policy among the population, about the compliance of the information agenda of the regional heads with the needs articulated in the regional social media, as well as about the effectiveness of response to certain problematic situations arising on the ground.

Results. One fifth of respondents addressed to the heads of regions via social networks with complaints and suggestions. About half of the respondents found it difficult to assess their satisfaction with the request sent. Almost a third of respondents expressed satisfaction with the response of the governor's

services. Respondents assessed the work of governors with a predominance of positive assessments on the scales of openness and efficiency, as well as effectiveness. At the same time, according to the profile of citizens' assessments, the work of the governor's corps is conducted more according to its own agenda (rather than based on the problems of ordinary people), it is often performed in an ostentatious manner and with elements of imitation of activity.

Discussion and Conclusion. The results obtained allow us to attribute involvement in modern online communications, the ability to establish constant and effective feedback with the population to one of the most important competencies of the governor. The analysis shows that these qualities have so far fallen out of the personal priorities of some regional leaders. The practical significance of the study lies in the possibility of using the results of a comparative assessment of the constructiveness of online communication of governors of the regions of the Central Federal District with the population, weaknesses and potential of such a dialog.

Keywords: dialogue between government and society, digital space, public dialogue, openness of government, responsiveness of government, digital communications, social media

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under Project No. FZEW-2023-0007.

For citation: Maksimenko A.A., Zaitsev A.V., Deyneka O.S., Zyablikov A.V., Akhunzyanova F.T. Assessment by the Population of the Effectiveness of Digital Communication of the Heads of Regions in the Internet Dialogue "Power – Society". *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):217–241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>

Введение. Интернет-диалог «власть – общество» является одной из разновидностей intersubjectной цифровой коммуникации между органами государственной власти и местного самоуправления, с одной стороны, и отдельными гражданами, общественными организациями и институтами гражданского общества – с другой. Такой диалог протекает в виртуальной публичной сфере, опосредованной цифровыми технологиями, и обеспечивает обратную связь между управляющей и управляемой подсистемами политической системы современного информационного общества. При этом, несмотря на имеющийся в научном пространстве устойчивый интерес как к интернет-диалогу власти и общества, так и к цифровым коммуникациям, поднимаемая в настоящей статье проблема пока еще объективно не описана, до сих пор существует лакуна в комплексе уже проведенных политических, социологических, психологических и коммуникативных исследований. Подавляющее большинство из них носит описательный характер, в то время как эмпирические данные основываются на субъективных оценках авторов, сделанных без учета мнения населения. Однако в отношении интернет-диалога общества и власти необходимо исследовать обе стороны такой коммуникации, поскольку и власть, и гражданское общество современной России в лице населения, общественных организаций и институтов являются равноправными субъектами онлайн-диалоговых интеракций.

Цель исследования – репрезентация общественно-гражданской оценки эффективности цифровой коммуникации с главами субъектов Федерации в формате интернет-диалога на уровне онлайн-интеракций населения тех или иных территорий с соответствующими руководителями регионов Российской Федерации. Задачи исследования заключались, во-первых, в осмыслении причин существования неэффективных диалогических (парадиалогических, псевдодиалогических) форм взаимодействия глав региональной исполнительной власти с гражданами

и региональным гражданским обществом, во-вторых, в выработке наиболее эффективных и действенных механизмов интернет-диалога в региональных цифровых публичных сферах.

Обзор литературы. Изучение тех или иных аспектов интернет-диалога власти и общества уже несколько лет находится в сфере внимания ряда российских исследователей¹ [1–4]. Для осмысления инновационного коммуникативного тренда цифровой интеракции «власть – общество» в теоретико-методологическом аспекте большой вклад внесли работы Д. А. Войнова². Интернет-диалог власти и общества, по мнению ученого, – «это форма политического участия, характеризующаяся (в отличие от традиционных) неограниченным во времени сроком участия и непрерывностью самого процесса участия гражданина, а также разнообразием возможностей в средствах выражения своего мнения»³.

Особое место в контексте диалога «власть – общество» принадлежит интернет-субъектным интернет-коммуникациям на уровне региональной исполнительной власти субъектов Федерации. Следует отметить, что исследователи фиксируют не только теоретический, но и практический аспект подобных интеракций. Так, например, в Северокавказском федеральном округе анализировался процесс диалогизации общения между представителями региональной власти и гражданским обществом с учетом специфики современного информационно-коммуникативного пространства⁴. В субъектах Центрального федерального округа (далее – ЦФО) с помощью дискурс-анализа изучалась роль социальных медиа как региональных диалоговых площадок в коммуникации граждан и органов власти [5]. Л. Г. Камалян и М. А. Бахтина проанализировали роль и место социальных сетей в инфокоммуникативной деятельности органов власти Воронежской области⁵, а О. Ю. Голуб исследовала социальный диалог администраций муниципальных образований и представителей региональной власти Саратовской области с населением региона с использованием каналов электронной коммуникации [6]. Также отметим пилотное исследование П. А. Ефимовой, акцентировавшей свое внимание на изучении интернет-коммуникаций в деятельности органов

¹ Василенко Л. А., Василенко В. И. Инновационные модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях: совместный поиск путей развития // Имидж в стратегии инновационного развития регионов России : сб. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. Волгоград, 2014. С. 7–11.

² Войнов Д. А. Технологии политического диалога в интернет-пространстве // Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии : сб. науч. тр. М., 2015. С. 4–22; Войнов Д. А. Диалоговые технологии интернет-коммуникаций как основа политической стабильности в обществе // Безопасность и качество в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) : сб. материалов XXIX Конгресса «Безопасность и качество в сфере ИКТ». 2016. С. 174–182; Войнов Д. А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической жизни России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 22 с.; Войнов Д. А. Интернет-диалог власти и общества в современной России : моногр. Шуя : Весть, 2007. 130 с.

³ Войнов Д. А. Интернет-диалог власти и общества в современной России. С. 103.

⁴ Баташева Ф. Б. Диалогизация общения между представителями региональной власти СКФ и гражданским обществом в условиях современного информационно-коммуникативного пространства // Совместные проблемы лингвистики и лингводидактики: от классической методики к цифровым практикам : материалы науч.-практ. конф. Ставрополь, 2022. С. 33–39.

⁵ Камалян Л. Г., Бахтина М. А. Социальные сети в деятельности органов власти Воронежской области // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : материалы IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 118–120.

государственной власти и местного самоуправления⁶, и статью А. Ю. Красноперова, где представлен обстоятельный сравнительный анализ цифровых платформ, используемых властями 173 российских городов с учетом охвата населения и функциональных возможностей данных ресурсов [7].

А. В. Соколов и Е. А. Исаева, анализирующие трансформацию диалога власти и общества на примере Ярославской области, отмечают усиливающийся скепсис граждан в отношении цифровизации как эффективного инструмента в решении повседневных жизненных проблем, как способа добиться большей открытости и публичности власти [8]. Представляется, что речь в данном случае идет не о технологических трудностях, сопровождающих обновление публичной сферы, а о рецидивах российского бюрократического мышления: чиновник не всегда заинтересован в прозрачности своей деятельности, а цифровая реальность оставляет ему простор для различного рода вариантов «прикрытия».

Отдельную тематическую группу составляют публикации, направленные на выявление и идентификацию персональной роли глав тех или иных субъектов Федерации в их цифровой коммуникации и взаимодействии с населением региона. Таких исследований пока немного, но они обладают несомненной эвристической ценностью и определенным креативным потенциалом. С этой точки зрения особый интерес вызывает статья А. В. Чугунова, Б. А. Низомутдинова и А. А. Будняка, в которой предпринимается попытка мониторинга телеграм-каналов глав субъектов Российской Федерации с тем, чтобы выстроить эмпирически обоснованный рейтинг и определить тематические предпочтения пользователей данного механизма интернет-диалога власти и общества [9], а также публикация Т. А. Васильевой с соавторами, посвященная сравнительному анализу медиainдексов глав субъектов Дальневосточного федерального округа в контексте диалога гражданского общества и власти [10].

Виртуальная активность губернаторов в блогосфере становится предметом исследования Е. Г. Моисеевой [11] и О. Г. Филатовой [12; 13]. Сравнительный анализ контента в личных аккаунтах глав г. Москвы и Московской области проведен в исследовании И. Е. Ситник⁷. Социологическое исследование О. В. Поповой, Н. В. Гришина и М. Я. Погодиной посвящено изучению коммуникации молодежи с главами исполнительной власти регионов России в социальной сети «ВКонтакте» в 2022 г. [14].

Серия публикаций акцентирует внимание на использовании цифровых интернет-коммуникаций в PR-диалоге глав субъектов Федерации с населением регионов. Так, статьи Д. И. Каминченко посвящены осмыслению практик формирования имиджа региональных лидеров в цифровом политико-коммуникативном пространстве интернета [15–18], Ю. А. Митяева и Ю. Г. Чернышев сфокусировали свое внимание на использовании социальных сетей и блогов в формировании

⁶ Ефимова П. А. Специфика цифрового взаимодействия глав регионов с гражданами: пилотное исследование // Интернет-коммуникации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: практики и стратегии развития : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2023. С. 49–53.

⁷ Ситник И. Е. Сравнительный анализ контентной политики личных аккаунтов глав регионов в социальных сетях (на примере Москвы и Московской области) // Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2023. С. 127–129.

имиджа губернаторов юго-западной Сибири [19], Е. В. Кадышева исследует социальные сети как инструмент формирования имиджа глав регионов Приволжского федерального округа [20]. Также ученые изучают конфликтогенный аспект виртуальных интернет-коммуникаций глав регионов⁸ [21; 22] и подчеркивают, что использование интернет-технологий – это фактор формирования новой диалоговой культуры в дискурсе власти и общества [23].

Анализ зарубежных исследований показывает, что в области заявленной проблематики существует целый ряд актуальных работ. Наиболее широкий взгляд на проблему прослеживается в публикации С. Виссерс и Д. Штолле, где авторы размышляют об обусловленных интернет-пространством новых способах политического участия, в том числе взаимодействия между властью и гражданским обществом, и пытаются понять, как офлайн-участие определяет степень онлайн-участия в политической жизни [24]. В 2014–2019 гг. учеными активно исследовались конкретные виды взаимодействия органов власти и населения в интернет-пространстве [25–28].

Прикладные исследования зарубежных ученых направлены на определение гражданской активности населения при взаимодействии с властью сквозь призму участия граждан в жизни сообщества с целью улучшения условий и формирования будущего [29]. Э. Уилсон выделяет возможности и ограничения при использовании в политическом взаимодействии информационных и коммуникационных технологий [30], К. Эггелинг и Л. Верслоот подчеркивают особую роль социального доверия в цифровом взаимодействии власти и общества и дают рекомендации по выработке онлайн-доверия [31].

В русле поднимаемой нами проблемы важную мысль высказывает Т. О’Брайен. Он справедливо утверждает, что наряду с потенциалом цифровых технологий, позволяющим субъектам гражданского общества организовываться и мобилизовываться, обязательно необходимо учитывать роль государства [32]. В разных политических режимах и медиасистемах институты государства действуют по-разному, следовательно, субъекты гражданского общества должны ориентироваться в сложной и меняющейся среде по мере того, как цифровые технологии не только интегрируются, но и вступают в противоречие с тем, что существует в реальности.

При крайне незначительном количестве работ, посвященных цифровой коммуникации зарубежных глав регионов со своим населением, некоторые иностранные исследователи обращают внимание на то, как данный процесс протекает в России, ожидаемо представляя его в весьма утрированном свете [33].

Таким образом, анализируемая нами проблема привлекает внимание большого количества ученых, работающих в различных областях социогуманитарного знания. В то же время, несмотря на относительное обилие различного рода публикаций, освещающих те или иные аспекты цифровой коммуникации глав субъектов Федерации в формате интернет-диалога, эмпирическое обоснование и научное осмысление объективной оценки эффективности этих интеракций со

⁸ Холецкая А., Карапетян Е. Использование виртуального общения главами регионов для решения конфликтов // Проблемы конфликто разрешения в современном обществе : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Курск, 2020. С. 382–385.

стороны населения в настоящее время полностью отсутствуют. Без подобной оценки, выполняющей в контексте диалога власти и населения функцию обратной связи, управление процессами цифровой коммуникации представляется невозможным. Отсюда вытекает особая актуальность заявленной темы настоящего исследования, заключающаяся в репрезентации оценки со стороны населения степени эффективности цифровых интеракций глав регионов Центрального федерального округа в сфере интернет-диалога власти и общества.

Материалы и методы. Теоретическая рамка эмпирического исследования построена на следующих концептуальных опорах. По мнению исследователей, эффективность информационного взаимодействия между органами власти любого уровня и их целевыми аудиториями требует наличия трех составляющих: проработанной и реализуемой информационной политики, эффективной деятельности PR-служб и развитых информационных технологий [34], поэтому в эмпирической части нашего исследования на первом этапе предусматривалась оценка населением характеристик текущей информационной политики как наиболее емкого и обобщенного критерия оценки коммуникации в диалоге «власть – общество». На втором этапе эффективность коммуникации была операционализирована прежде всего с опорой на классификацию видов и факторов коммуникации Б. А. Тхорикова и В. В. Корнева [35], причем в качестве ведущих критериев в сравнительном анализе регионов выступили наличие регулярной обратной связи, общность тем в официальных и социальных пабликах региона, а также объем негативных реакций (претензий) граждан в комментариях. Выбранные нами критерии корреспондируют со следующими мнениями специалистов: 1) главной причиной невысокого качества электронного участия является отсутствие обратной связи на большинстве порталов и, как результат, их низкая интерактивность [36; 37]; 2) эффективность коммуникаций воплощается в заинтересованности в решении проблем: для населения – в решении проблем властей, а для власти – в решении проблем населения [38]. Таким образом, фокус исследования был сосредоточен на вертикальных цифровых коммуникациях, предполагающих равный доступ к ИКТ и доверие.

Для оценки населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов было выполнено исследование, включающее два этапа. В рамках первого этапа методом онлайн-опроса была произведена оценка респонзивности власти на запросы населения. Второй этап исследования, реализованный посредством мониторинга социальных сетей глав регионов Центрального федерального округа, имел своей целью ответ на вопрос о популярности региональной политики у населения, о соответствии информационной повестки глав регионов тем потребностям, которые артикулируются в региональных социальных пабликах, а также об оперативности реагирования на те или иные проблемные ситуации, возникающие на местах.

Дизайн первого этапа исследования. В качестве инструмента для исследования был использован разработанный нами в 2023 г. вопросник. Респондентам был задан вопрос-фильтр на факт обращения в социальных сетях с жалобой или предложением в адрес губернатора⁹, предполагающий 2 варианта ответа (да/нет),

⁹ В настоящей статье понятия «губернатор» и «глава региона» для авторов синонимичны.

а в случае положительного ответа – следующий вопрос на оценку удовлетворенности ответом губернатора (по 5-балльной шкале).

Кроме того, использовался метод модифицированного семантического дифференциала для оценки коммуникационной политики губернатора региона, который позволял измерить ее отражение респондентами с помощью биполярных шкал, полюса которых были заданы следующими антонимами: «открытая – закрытая», «неэффективная – эффективная», «отзывчивая – неотзывчивая», «неоперативная – оперативная», «имитирующая деятельность – ориентированная на результат», «ориентированная на диалог – не ориентированная на диалог», «выполняемая для галочки – выполняемая для людей», «безынициативная – инициативная», «близкая к народу – далекая от народа», «работающая с проблемами простых людей – работающая по своей повестке». Дополнительно для выявления отношений в системе «гражданин – государство» применялся «Опросник гражданина» О. С. Дейнека [39].

Опрос осуществлялся на условиях анонимности в период с 17 по 18 сентября 2023 г. посредством платформы anketolog.ru (конструирование анкеты) и сервиса Toloka (сбор материала с учетом фильтров). Онлайн-опросом было охвачено 662 чел. Возраст анкетироваемых – от 18 до 80 лет (средний возраст – 37,67; SD = 11,76), среди которых 51,5 % – женщины и 48,5 % – мужчины. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

Также измерялся субъективный уровень дохода респондентов, уровень образования и степень их религиозности, учитывался также размер населенного пункта, в котором они проживают (степень урбанизации места жительства респондента). Так, 12,6 % респондентов проживают в Москве; 26,2 – в Санкт-Петербурге и других мегаполисах и городах-миллионниках; 24,5 – в крупных городах численностью менее 1 млн чел.; 36,7 % – в районных центрах. По уровню образования основная доля приходится на людей с законченным высшим (49,8 %), со средним и незаконченным высшим образованием – 48,9 %, у 1,2 % респондентов имеется ученая степень. Субъективный уровень дохода у 50,3 % – средний, 33,9 – низкий, 9,5 – «сводят концы с концами», 5,0 – высокий, 1,4 % – очень высокий.

Дизайн второго этапа исследования. Мониторинг официальных страниц глав регионов и руководителей областных органов местного самоуправления (далее – МСУ) ЦФО в социальной сети «ВКонтакте» проводился в период с 10 сентября по 3 октября 2023 г. Основными критериями выступали: степень заинтересованности населения в данном формате коммуникации; вид коммуникации первых лиц регионов и руководителей МСУ; приоритетные, а также второстепенные темы публикаций на официальных страницах; степень совпадения тем, предлагаемых официальными пабликами с темами, волнующими региональные и местные сообщества. Для проверки материала по указанным критериям в качестве основного метода использовался упрощенный вариант контент-анализа, предполагающий тематический и частотный анализ содержания пабликов.

Степень заинтересованности населения в онлайн-коммуникации измерялась посредством подсчета среднего количества лайков, комментариев и просмотров

всех публикаций каждого официального сообщества с помощью сайта popsters.ru за последний год. Отдельно фиксировалось количество негативных комментариев подписчиков сообществ. Для определения степени совпадения тем, предлагаемых официальными пабликами, с темами, волнующими региональные и местные сообщества, проводилось сопоставление основных тем официальных сообществ с темами, которые присутствовали в комментариях, а также в альтернативных пабликах. Вид коммуникации первых лиц регионов и руководителей МСУ устанавливался с помощью классификации Б. А. Тхорикова и В. В. Корнева: информирование, вовлечение, опросы, лояльность/доверие, просвещение/консультирование, получение регулярной обратной связи [35].

Определение приоритетных и второстепенных тем публикаций официальных страниц производилось вручную. Временной диапазон мониторинга охватывал период с сентября 2022 г. по сентябрь 2023 г. В некоторых ситуациях, когда руководитель региона и/или областного МСУ занимал данный пост меньшее количество времени, то диапазон корректировался с учетом периода его полномочий. При этом корректировалась также и частота появления данной темы в разных ее аспектах в рассматриваемом периоде. Информация об основных поднимаемых в пабликах темах собиралась также вручную посредством просмотра контента всех пабликов, в названиях которых присутствовали слова-маркеры: название соответствующего города и/или региона, а также оригинальное или измененное имя руководителя региона или МСУ. В результате выявлялись паблики, которые напрямую или опосредованно оппонировали официальным страницам региональной власти.

Наиболее успешными в мониторинговом наблюдении можно признать количественные результаты, в частности, «степень заинтересованности населения в данном формате коммуникации», ввиду того, что подсчет производился с помощью специальной платформы, гарантирующей точность полученных сведений. Также успешным можно отметить определение вида коммуникации по специализированной классификации, потому что формат ведения официальных пабликов по большей степени единообразен. Основным фактором этого является роль личности руководителя. Также удалось полностью определить формат присутствия в социальной сети «ВКонтакте» всех руководителей регионов и титульных МСУ ЦФО. Необходимо отметить, что в нескольких регионах (их меньшинство) руководители предпочли выстраивать коммуникацию с сообществом с помощью административных пабликов, а не личных страниц.

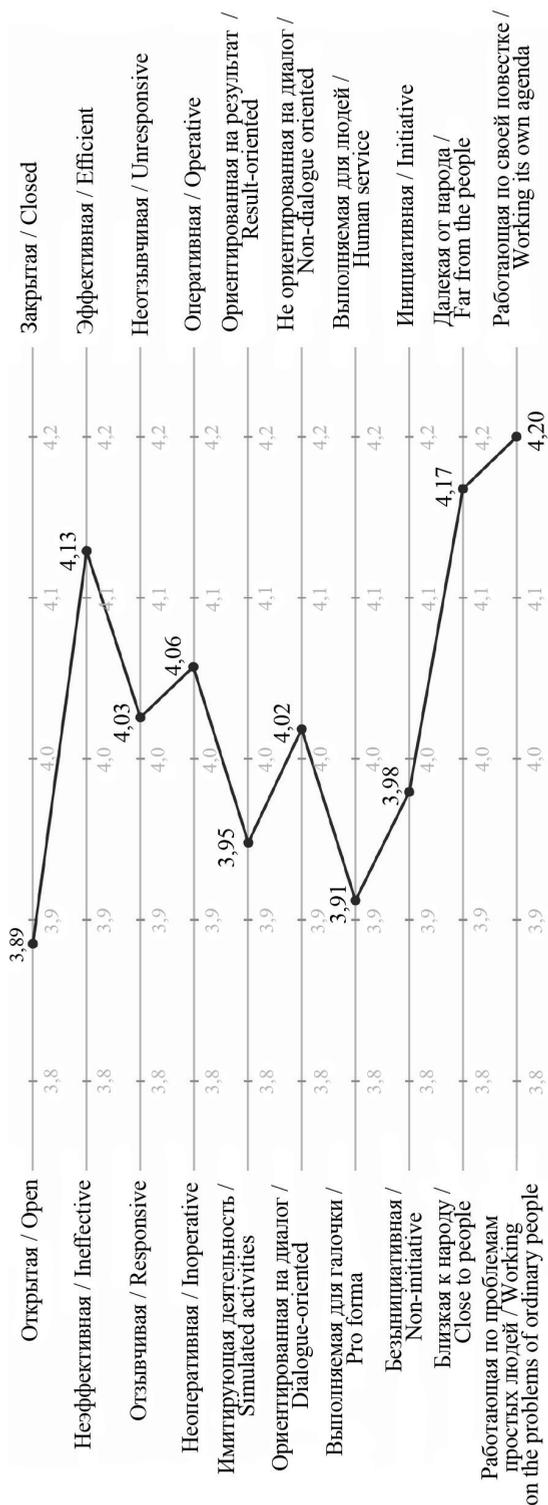
Результаты исследования. Как показал анализ результатов *первого этапа* исследования, обращалась через социальные сети с жалобами и предложениями в адрес губернатора лишь пятая часть (19,2 %) опрошенных. Из них половина (48,3 %) затруднились оценить свою удовлетворенность направленным запросом. Почти треть (31,4 %) респондентов выразила удовлетворенность реакцией служб губернаторского корпуса (сумма ответов «скорее удовлетворен» и «полностью удовлетворен»), а пятая часть – осталась не удовлетворена результатами реагирования региональной власти (19,8 % – сумма ответов «скорее не удовлетворен» и «полностью не удовлетворен»).

На рисунке 1 приведены средние значения оценок качества цифровой коммуникации губернаторов в онлайн-пространстве социальных сетей, которые свидетельствуют о некотором преобладании позитивных оценок работы губернаторов с обращениями граждан по шкалам открытости и эффективности, а также оперативности. В то же время, согласно профилю оценок граждан, работа губернаторского корпуса в большей степени осуществляется по своей повестке (а не исходя из проблем простых людей), выполняется часто для галочки и с элементами имитации деятельности. Нейтрально оценивалась ориентация на диалог и отзывчивость чиновников, что, видимо, в большей степени зависит от конкретных персоналий и личного опыта общения с ними граждан. Затруднились опрошенные с оценкой инициативности власти.

Корреляционный анализ показал, что те респонденты, которые больше удовлетворены ответами на жалобы и свои запросы в социальных сетях в адрес губернатора, считают цифровые коммуникации службы губернатора более эффективными ($r = 0,314$), оперативными ($r = 0,298$), ориентированными на результат ($r = 0,325$), инициативными ($r = 0,321$) и работающими для людей, а не для галочки ($r = 0,274$), все связи при вероятности ошибки $p < 0,001$. Женщины значимо выше оценивают онлайн-коммуникации губернатора в социальных сетях по критерию оперативности ($r = 0,106$; $p < 0,01$) и направленности на решение проблем простых людей ($r = 0,128$; $p < 0,001$), а респонденты более старшего возраста значимо чаще отмечают работу губернатора как более отдаленную от народа ($r = 0,104$; $p < 0,01$).

Для анализа отношений в системе «гражданин – государство» в контексте оценки населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге конструктивным было бы обращение к результатам, полученным с помощью «Опросника гражданина». Эксплораторный факторный анализ позволил выявить 4-факторную структуру данных «Опросника». Первый фактор «принятие политики государства» (дисперсия 22,53 %) включил веру и оптимизм граждан по поводу улучшения экономической ситуации в России (0,791), оценку порядочности государственных деятелей (0,722), наличие последовательной государственной политики развития и выбор ее приоритетов (0,706), возможность граждан ставить долгосрочные цели (0,711), чувство гордости гражданина (0,702). Второй фактор «кристаллизация социальных проблем» (13,97 %) сформировали опасения и социальные страхи, связанные с уровнем коррупции, пенсионным возрастом и расслоением в доходах. В содержании третьего фактора «цена прогресса» (8,40 %) вошли оценки, связанные с утратой ценностной идентичности нации в обмен на достижения прогресса, а также этнические проблемы – та цена, которая иногда выбирается в обмен на традиционные базовые ценности. Четвертым фактором можно пренебречь в силу низкой дисперсии (8,40 %) и наличия всего двух компонентов фактора. Сравнение нынешней факторной структуры «Опросника гражданина» с результатами факторного анализа, полученными почти двумя годами ранее [40], дает возможность утверждать, что социальная проблематика актуализируется в более целостном отражении в массовом сознании.

Р и с. 1. Средние значения оценок информационной политики губернаторов в социальных сетях (по 7-балльной шкале Р. Лайкерта)¹⁰
 F i g. 1. Average values of assessments of governors' information policy in social networks (according to the seven-point scale of R. Likert)

¹⁰ Рисунок составлен авторами на основе данных, полученных в ходе онлайн-опроса.

Корреляционный анализ данных «Опросника гражданина» и методики оценки респонзивности глав регионов в социальных сетях с помощью метода модифицированного семантического дифференциала позволил отметить следующие взаимосвязи (все при ошибке $p < 0,001$). Среди респондентов, которые больше убеждены, что власть работает по своей повестке, оказалось больше тех, у кого введение в стране новых законов почти всегда вызывает тревогу ($r = 0,163$), обеспокоенных высоким уровнем коррупции ($r = 0,191$) и, напротив, меньше тех, кто считает, что обстановка в России позволяет ставить долгосрочные цели ($r = -0,145$). Отмечающие дистанцирование власти от народа граждане чаще обвиняют власть во всех проблемах нынешнего общества ($r = 0,207$), основной из которых считают высокий уровень коррупции ($r = 0,152$), а также выражают недовольство повышением пенсионного возраста ($r = 0,203$). Более оптимистичные оценки работы государственных служащих, предполагающие ее ориентацию на интересы людей, а не на выполнение своих обязанностей для галочки, были свойственны ($r = 0,327$) тем россиянам, которые видят возможность для себя ставить долгосрочные цели и которые оценивали российских государственных деятелей как высоко порядочных и были сами готовы жертвовать личными интересами ради блага общества.

Результаты второго этапа исследования. Частотный и тематический анализ мониторинга блогов представителей региональной власти позволил выделить следующие рубрики.

1. *Первостепенные темы глав регионов и руководителей титульных МСУ Центрального федерального округа.* Согласно полученным данным, лидирующими темами в пабликах *глав регионов* являются специальная военная операция (78 %), ремонт и строительство (17 %), благоустройство региона (5 %). Можно констатировать, что подавляющее большинство руководителей регионов ЦФО, а именно 14 из 18, приоритетной темой для себя ставят специальную военную операцию России на Украине (далее – СВО) в разных аспектах ее проявления. Основными направлениями темы являются: служба по контракту в зоне СВО; мобилизационные процессы; поддержка бойцов, находящихся в зоне СВО; виды поддержки семей действующих военнослужащих, а также погибших; военные тревоги, обстрелы, атаки (для пограничных регионов). Причины таких результатов, безусловно, связаны с тем, что данная тема является наиболее острой и актуальной для России. С одной стороны, это можно рассматривать как политический механизм: правительство и администрация президента с помощью губернаторов формируют общую позицию населения страны по этому вопросу посредством цифровой коммуникации, чаще просто информирования. С другой стороны, сами руководители регионов инициируют обсуждение данной темы, в том числе с помощью социальных сетей, что связано не столько с влиянием верховной власти, сколько с конкретной обстановкой в каждом регионе. В этой связи ошибочно думать, что во всех обработанных страницах губернаторов ЦФО тема СВО представлена одинаковым количеством постов.

Безусловным лидером по СВО-риторике является руководитель Белгородской области, что можно объяснить двумя факторами: первый – непосредственная близость региона к театру военных действий на Украине и, как следствие, постоянные

атаки со стороны ВСУ и последующий за ними моральный и материальный ущерб; второй – личность губернатора, так как способ подачи, который избрал данный руководитель – видеосъемка себя, часто в неформальной обстановке и не с дежурными речами, а со словами, эмоциями, понятными населению региона, и этим обусловлена высокая популярность его страницы в социальной сети «ВКонтакте», которая выражается в различных проявлениях активности: количестве лайков, комментариев, просмотров.

В числе лидеров, наряду с руководителем Белгородской области, находятся главы Курской, Брянской, Воронежской и Смоленской областей. Фактором, обуславливающим их нахождение в этом списке, является непосредственная близость к месту ведения военных действий. Высокая степень угрозы обстрела или нападения, а также реальные примеры подобных действий побуждают данных руководителей постоянно быть в диалоге с населением по этому вопросу.

Однако у четырех региональных руководителей ЦФО тема СВО не является приоритетной, а находится в разделе второстепенных. В данных регионах, а именно в Москве, Тамбовской, Рязанской и Ярославской областях, проблемы ремонта и благоустройства стоят более остро, чем тема СВО, соответственно, и местное население в первую очередь волнуют конкретные региональные проблемы. Однако ошибочно предполагать, что данная тема не присутствует совсем, часто она занимает второе место по популярности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при формировании повестки пабликов, лидеры регионов в первую очередь опираются на общегосударственные тенденции, обозначая тем самым важность и актуальность конкретной темы, а также обеспечивая формирование в стране общенародной позиции.

В официальных страницах *руководителей главных городов и районов регионов ЦФО* подход к формированию тем первостепенной важности иной. В отличие от лидеров регионов, они в меньшей степени опираются на общегосударственные тенденции, их занимают проблемы вверенных им городов и районов. В этой связи такой однозначности в определении тем первостепенной важности нет, их набор оказался более широким: ремонт и строительство дорог (33 %), благоустройство городской среды (33 %), проблемы ЖКХ (17 %), СВО (11 %), ремонт и строительство социально-значимых объектов (6 %).

В сфере муниципалитета первостепенными темами являются ремонт и строительство дорог, а также благоустройство городской среды. Эти темы присутствуют во всех районах регионов ЦФО без исключения. Если говорить о дорогах, опираясь на комментарии местных жителей, то можно констатировать, что это связано с низким качеством асфальтного покрытия и недостаточным ремонтом, а также общей высокой загруженностью дорог, в том числе машинами с высокой грузоподъемностью. Тема благоустройства городской среды в ряде районов является преобладающей по причине ветхости, мрачности и отсутствия должного ухода за объектами городской среды, а также периодического их обновления.

С разной степенью актуальности во всех пабликах муниципальных руководителей поднимаются проблемы из сферы ЖКХ, в первую очередь вопросы

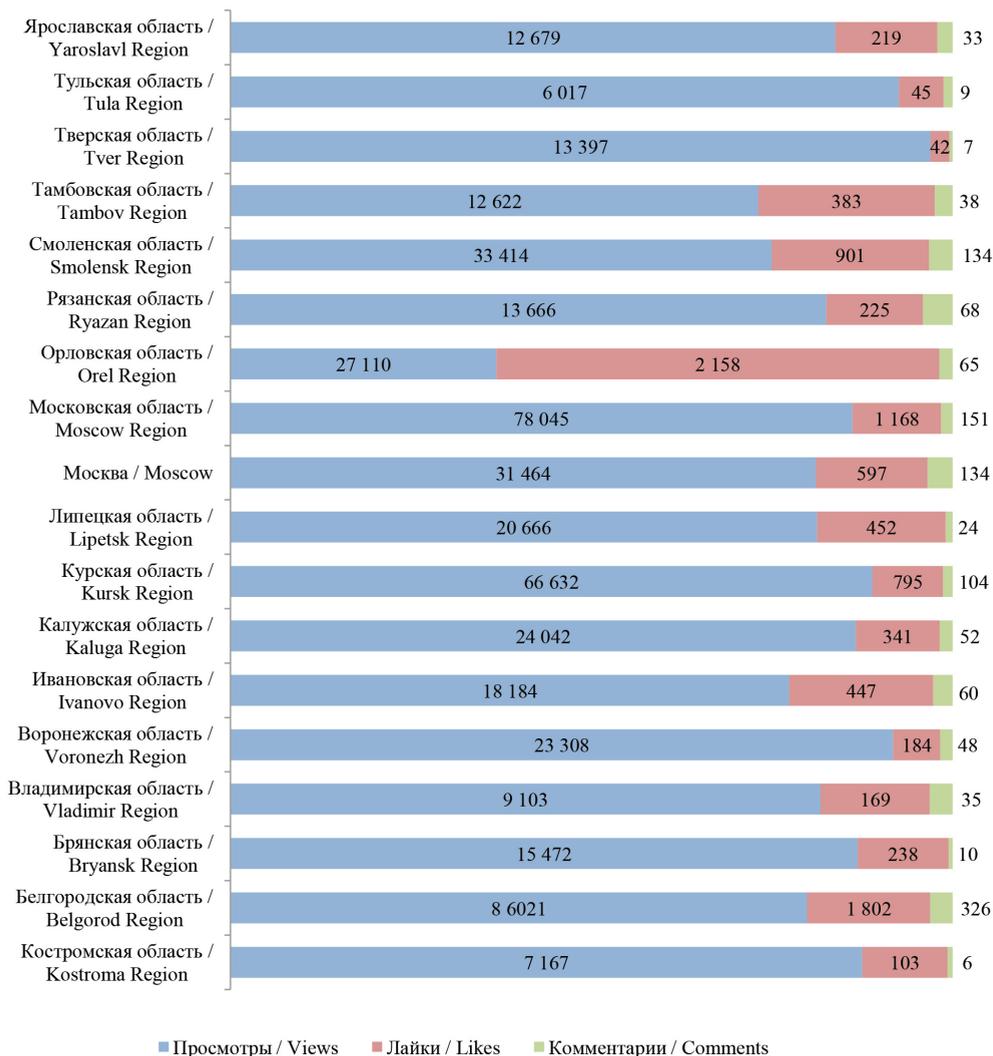

отопления и водоснабжения. Общая тенденция – устаревшее оборудование, требующее либо капитального ремонта, либо полной замены. В городах общей тенденцией является частичный, реакционный ремонт, который не способен решить проблемы полностью. Тема СВО поднимается гораздо реже, особенно ярко она выражена в тех районах и городах, которые находятся в непосредственной близости к боевым действиям. В отношении социально значимых объектов речь прежде всего идет о больницах, образовательных организациях, зонах отдыха, культурно-исторических объектах и т. д.

2. *Второстепенные темы глав регионов и руководителей титульных МСУ Центрального федерального округа.* Круг тем, которые в официальных пабликах первых лиц регионов или городов имеют второстепенное значение, весьма конкретен. Лидируют проблемы ЖКХ (29 %), ремонт и строительство социально-значимых объектов (27 %), ремонт дорог (15 %). Реже затрагиваются темы СВО (9 %), благоустройства региона (9 %), профилактики спорта и здорового образа жизни (7 %), социальной поддержки населения (4 %). Эта тенденция характерна для всех пабликов первых лиц регионов ЦФО, поскольку темы имеют весомое значение в регионах всей страны. Однако часто они являются второстепенными, уступая первенство временным, актуальным для конкретного периода темам, так как постепенно перешли в разряд «вечных», которые существуют всегда, в любой период. Конечно, они решаются главами регионов и районов, но часто поверхностно, временно, что обуславливает их «вечную» актуальность. Причиной этого в основном является финансовый вопрос, а именно выделение средств из бюджета, размер которых не позволяет произвести более качественный ремонт.

На официальных страницах руководителей главных городов и районов регионов ЦФО тематика обсуждаемых вопросов немного шире, а их частотность более ровная: проблемы ЖКХ (27 %), ремонт и строительство социально-значимых объектов (22 %), ремонт дорог (20 %), патриотизм и СВО (12 %), благоустройство городской среды (12 %), общественный транспорт (3 %), спорт (2 %) и здравоохранение (2 %).

3. *Актуальность официальных пабликов руководителей регионов ЦФО среди пользователей социальной сети «ВКонтакте».* Степень активности их ведения. Определение актуальности официальных пабликов в регионах ЦФО в количественном выражении проводилось на основании трех критериев: просмотры, эмоциональные реакции (лайки) и комментарии. Для достижения более точного результата был осуществлен анализ трех критериев одновременно, результаты отражены на рисунке 2. Как видим, наиболее высокие результаты по показателю «общее количество просмотров пабликов глав регионов» наблюдаются у руководителей Белгородской, Московской и Курской областей. Безусловным лидером в этом отношении является губернатор Белгородской области. По двум (просмотры и комментарии) из трех критериев он значительно обходит своих коллег. Это связано с форматом подачи информации, которую выбрал лидер региона: видеозапись себя в режиме реального времени, в которой он высказывает собственное мнение по актуальным вопросам («Десять вопросов губернатору»), а также отчет перед электоратом о проделанных мероприятиях.

Р и с. 2. Общее количество просмотров, лайков и комментариев в пабликах глав регионов в социальной сети «ВКонтакте», ед.¹¹

F i g. 2. Total number of views, likes and comments of the public pages of the heads of regions in the VKontakte social network

Аутсайдерами по количеству эмоциональных реакций (лайков) выступают два региона – Тверская и Тульская области (рис. 2). Причины таких результатов состоят в том, что паблики губернаторов этих регионов не персонифицированы, а вся информация транслируется подписчикам казенным, формальным языком. К тому же в этих пабликах прослеживается относительно скромное количество появлений персоналий самих губернаторов. Очевидным является дистанцирование руководителей этих регионов от цифрового диалога с населением.

¹¹ Рисунок 2 и таблица составлены авторами на основе данных, полученных в ходе мониторинга блогов представителей региональной власти.

Безусловным лидером по количеству комментариев в пабликах глав регионов ЦФО является руководитель Белгородской области. В. В. Гладков – один из немногих руководителей регионов, часто использующий для коммуникации со своей аудиторией не только одностороннее информирование (как это делают многие российские губернаторы), а активно нацеленный на получение регулярной обратной связи в форме комментариев. Еще одним фактором, способствующим столь высокому рейтингу, является разнообразие контента по темам и форматам: политические вопросы иллюстрируются ситуациями из личной жизни губернатора, что добавляет ему народной популярности.

Следует отметить, что для оценки эффективности цифрового диалога власти и общества отраженных на графиках выше количественных критериев явно недостаточно. Необходим более обстоятельный анализ, поэтому в оценке конструктивности диалога «власть – общество» в регионах ЦФО акцент сделан на наличии регулярной обратной связи, общности волнующих граждан и власть тем и негативных реакциях граждан.

Ниже в таблице представлены данные, характеризующие степень конструктивности диалога власти и регионального сообщества. Выделяются 2 паблика, в которых преобладает контент, совпадающий с темами, волнующими региональное сообщество: это Москва и Белгородская область. В этих пабликах обмен информацией построен на заинтересованном сборе мнений жителей региона, и, как следствие, в комментариях – сравнительно самый низкий процент негатива. Организацию диалога в этих пабликах необходимо распространять как успешный опыт работы с региональным сообществом в других регионах.

Т а б л и ц а. Настроенность власти на диалог и его конструктивность (по регионам Центрального федерального округа), %

Table. Authorities' attitude to dialog and its constructiveness (by Central Federal District regions), %

Регион / Region	Процент негативных реакций населения в комментариях официальных пабликов первых лиц регионов / Percentage of negative reactions of the population in the comments of the official blogs of the first persons of the regions	Вид коммуникации в официальных пабликах первых лиц регионов / Type of communication in official publications of the first persons of the regions	Степень совпадения тем официальных пабликов первых лиц регионов с темами, волнующими региональное сообщество / Degree of coincidence of the topics of the official publishers of the first persons of the regions with the topics of concern to the regional community
1	2	3	4
Костромская область / Kostroma Region	40	Информирование / получение регулярной обратной связи / Informing / receiving regular feedback	60
Белгородская область / Belgorod Region	30	Информирование / получение регулярной обратной связи / Informing / receiving regular feedback	90
Брянская область / Bryansk Region	50	Информирование / получение регулярной обратной связи / Informing / receiving regular feedback	50

Окончание таблицы / End of table

1	2	3	4
Владимирская область / Vladimir Region	50	Информирование / Informing	50
Воронежская область / Voronezh Region	40	Информирование / Informing	60
Ивановская область / Ivanovo Region	50	Информирование / получение регулярной обратной связи / Informing / receiving regular feedback	80
Калужская область / Kaluga Region	40	Информирование / Informing	80
Курская область / Kursk Region	40	Информирование / Informing	60
Липецкая область / Lipetsk Region	40	Информирование / Informing	80
Москва / Moscow	20	Информирование / получение регулярной обратной связи / Informing / receiving regular feedback	90
Московская область / Moscow Region	30	Информирование / Informing	80
Орловская область / Orel Region	30	Информирование / Informing	80
Рязанская область / Ryazan Region	60	Информирование / Informing	50
Смоленская область / Smolensk Region	40	Информирование / получение регулярной обратной связи / Informing / receiving regular feedback	80
Тамбовская область / Tambov Region	40	Информирование / Informing	80
Тверская область / Tver Region	40	Информирование / Informing	60
Тульская область / Tula Region	40	Информирование / Informing	60
Ярославская область / Yaroslavl Region	50	Информирование / Informing	80

Согласно рейтингам субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи за периоды с 1 января по 30 сентября 2022 г.¹² и с 1 января по 31 марта 2023 г.¹³, в регионах Центрального федерального округа наметилась общая тенденция на снижение результативности их деятельности. Исключением является Калужская область, которая с 4-го места в 2022 г. перешла на 1-е место в 2023 г. Такие результаты связаны с тем, что в 2023 г. рассматривался более короткий промежуток времени, чем в 2022-м, а также в 2023 г. значительно увеличены «проходные баллы» для получения 1-го, 2-го или 3-го места в рейтинге. Однако если сопоставить данные вышеуказанных рейтингов с цифровыми данными мониторинга, то можно увидеть явное несоответствие. К примеру, согласно мониторингу, явным лидером в цифровом диалоге среди всех регионов ЦФО является Белгородская область, в то же время, согласно рейтингу¹⁴, она занимает в ЦФО лишь 7-е место. Аналогичная ситуация и с Московской областью: в мониторинге – 2-е место, а в рейтинге – 5-е. Полагаем, что такая разница в результатах связана с тем, что в мониторинге учитывались цифровые показатели регионов в одной социальной сети, а рейтинг составлялся на основе более широких критериев, выходящий за рамки одной социальной сети.

4. *Анализ контента в альтернативных региональных пабликах.* Стоит отметить общую тенденцию – альтернативные паблики в регионах ЦФО либо не носят ярко выраженный оппозиционный характер, либо отсутствуют. Однако в некоторых пабликах весьма активно обсуждаются проблемы в регионе/городе в более свободной форме, упрекая действующую власть за бездействие, а порой даже очерняя ее. Так, паблик Рязанской области «Павел Малков. Контроль губернатора» заявлен как официальный паблик первого лица региона, а по факту является его прямой оппозицией. Цель большинства постов данного сообщества – очернить, раскритиковать действующую власть, в частности губернатора и его команду, а также выразить активное противодействие его преобразованиям и реформам, организовать, например, подписи в петиции, направленной против изменений в системе общественного транспорта.

Обсуждение и заключение. Общая оценка характеристик информационной политики и коммуникации власти с обществом в России показала, что она оценивается как открытая, эффективная, оперативная, но ее слабым звеном является работа губернаторского корпуса в большей степени по своей повестке, а не исходя из проблем простых людей. Около трети респондентов выразили удовлетворенность реакцией служб губернаторского корпуса на запрос.

Содержательный анализ конкретных пабликов губернаторов ЦФО позволил говорить о специфике регионов. Так, приоритетной темой у большинства губернаторов ЦФО на страницах официального контента была СВО, что связано с ориентированием глав регионов на общегосударственные тенденции и проблемы, но лидером СВО-риторики является губернатор Белгородской области, что

¹² Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению обратной связи [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/rejting.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

¹³ Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/05/rejtingsubektovrfpovnedreniyupos20231kvartalred.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

¹⁴ Там же.

обусловлено непосредственной близостью его региона к линии боевых действий. Набор второстепенных тем в официальных пабликах представлен и связан с их постоянством ввиду недостаточного количества финансирования, что впоследствии приводит лишь к частичному и порой временному решению проблем. Согласно результатам мониторинга, наиболее актуальным для пользователей социальной сети «ВКонтакте» является паблик Белгородского губернатора, что обусловлено качественным и разнообразным контентом.

Полученные результаты подтверждают необходимость повысить так называемую респонзивность, отзывчивость губернаторов, внимание к запросам граждан, своевременные и обязательные ответы на них. В регионах, в которых недостаточно внимания уделяется обратной связи (Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Липецкой, Московской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской областях), целесообразно устранить этот недостаток в цифровой коммуникации губернаторов, особенно в Рязанской области (где оказался к тому же самый высокий объем негативно окрашенных реакций населения в комментариях и низкий процент совпадения тем у регионального сообщества и в официальных пабликах). В то же время следует заботиться о разнообразии и качественном оформлении контента.

Губернатор – ключевая фигура в государственной и бюрократической иерархии, он является не только проводником и координатором политики верховной власти, но и важной креативной, деятельностной силой, должен обладать высоким уровнем респонзивности, способностью генерировать инновативные идеи. Потому внимание к фигуре губернатора столь пристально – и со стороны федеральной власти, и со стороны местных сообществ. К числу наиболее важных компетенций губернатора следует отнести включенность в современную онлайн-коммуникацию, умение наладить постоянную и эффективную обратную связь с населением. Проведенный анализ показывает, что названные качества пока выпадают из личностных приоритетов некоторых региональных руководителей. Конечно, результативность работы губернатора не измеряется только лишь цифровой активностью: количеством просмотров, эмоциональных реакций (лайков) и комментариев в социальных сетях подписчиков. Однако этот критерий (настройка широкого конструктивного цифрового диалога между государством и обществом) нельзя не учитывать при разработке социологических методик, помогающих оценить качество работы органов государственного управления.

Полученные в ходе проведенной работы практические результаты призваны внести изменения и коррективы в деятельность региональных органов исполнительной и законодательной власти, а также местного самоуправления по организации и осуществлению эффективных интернет-коммуникаций в формате цифрового диалога глав государственных и муниципальных образований с отдельными гражданами, организациями и институтами гражданского общества в публичном пространстве регионов ЦФО. В этом состоит не только новизна, но и прикладная значимость полученных результатов данного исследования, которые могут быть использованы специалистами в сфере PR- и GR-коммуникаций, пресс-службами, медиаторами и политическими технологами

в процессе корректировки, планирования и реализации тех или иных дискурсивных стратегий по наиболее эффективному и результативному сопровождению, поддержанию и продвижению имиджа глав субъектов Федерации в цифровой публичной сфере региона, укреплению степени доверия к ним со стороны населения региона и повышению степени легитимности принимаемых решений и нормативно-законодательных актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагина В. К., Горшкова Е. С. Культура диалога власти и общества в интернет-коммуникациях // Коммуникология. 2014. Т. 3, № 1. С. 120–125. EDN: RYFABR
2. Коростелева М. А., Сатырь Т. С. Диалог власти и общества в интернете // Коммуникология. 2014. Т. 3, № 1. С. 73–78. EDN: RYEZZJ
3. Дмитренко О. В. Диалог государства и общества в интернете как средство информационного противодействия в ментальной войне // Вестник адъюнкта. 2021. № 4 (14). URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/322-dialog-gosudarstva-i-obshchestva-v-internete-kak-sredstvo-informatsionnogo-protivodejstviya-v-mentalnoj-vojne> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Гаджиев Х. Ф. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 81–97. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.7>
5. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов Центрального федерального округа // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>
6. Голуб О. Ю. Современные модели социального диалога с использованием каналов электронной коммуникации: региональное измерение // Siberian Socium. 2020. Т. 4, № 2 (12). С. 21–31. EDN: YWTXWT
7. Краснопёров А.Ю. Муниципальные органы власти как субъекты массовой сетевой коммуникации в информационную эпоху // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 224–233. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnye-organy-vlasti-kak-subekty-massovoy-setevoy-kommunikatsii-v-informatsionnuyu-epohu> (дата обращения: 20.10.2023).
8. Соколов А. В., Исаева Е. А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 686–710. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>
9. Чугунов А. В., Низомутдинов Б. А., Будяк А. А. Telegram-каналы глав субъектов Российской Федерации: тестирование исследовательского инструментария // International Journal of Open Information Technologies. 2022. Vol. 10, no. 11. С. 141–146. <https://doi.org/10.25559/INJO.IT.2307-8162.10.202211.141-146>
10. Васильева Т. А., Тузовский Б. А., Овчинников Д. С. Сравнительный анализ медиа-индексов глав субъектов Дальневосточного федерального округа в контексте диалога гражданского общества и власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, № 6 (75). С. 1872–1878. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.6.019>
11. Маисеева Е. Г. Виртуальная активность губернаторов в блогосфере // Вопросы управления. 2012. № 2 (19). С. 72–76. URL: <https://journal-management.com/issue/2012/02/11> (дата обращения: 20.11.2023).
12. Филатова О. Г. Главы российских регионов в социальных сетях: аудит публичных коммуникаций // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2020. № 23. С. 6–16. EDN: FTADBA
13. Филатова О. Г. Главы субъектов РФ в блогах и социальных сетях: тренды коммуникаций начала 2010-х и начала 2020-х // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 2. С. 26–42. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-26-41>
14. Попова О. В., Гришин Н. В., Погодина М. Я. Коммуникация молодежи с главами исполнительной власти регионов Российской Федерации во «ВКонтакте» в 2022 году // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 122–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.09>

15. Каминченко Д. И. Особенности политического имиджа регионального лидера в интернет-пространстве // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 3. С. 24–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-3-24-39>
16. Каминченко Д. И. Политический имидж регионального лидера в «Инстаграм»* // Управленческое консультирование. 2021. № 8 (152). С. 18–34. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-8-18-34>
17. Каминченко Д. И. Комплексный анализ содержания имиджа регионального руководителя (по материалам официального сайта Правительства Нижегородской области) // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 1. С. 101–113. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-1-101-113>
18. Каминченко Д. И. Имидж современного регионального лидера: результаты сетевого анализа // Управленческое консультирование. 2022. № 9 (165). С. 40–56. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-40-56>
19. Митяева Ю. А., Чернышев Ю. Г. Использование социальных сетей и блогов в формировании имиджа губернаторов юго-западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1 (80). С. 281–286. URL: <https://izvestia.asu.ru/2013/4-1/pols/10.ru.html> (дата обращения: 20.11.2023).
20. Кадышева Е. В. Социальные сети как инструмент формирования имиджа главы региона (на примере глав регионов Приволжского федерального округа) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 5 (81). С. 1408–1415. EDN: DNMBQM
21. Медведева Н. В., Оторова А. А. Конфликты между органами власти и населением в России в условиях цифрового общества: причины и особенности протекания // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18, № 3. С. 150–157. URL: [http://www.oscsbras.ru/upload/files/novosti-biblioteki/Конфликты между органами власти и населением.pdf](http://www.oscsbras.ru/upload/files/novosti-biblioteki/Конфликты_между_органами_власти_и_населением.pdf) (дата обращения: 20.11.2023).
22. Рычихина Э. Н., Нескороева Е. П., Боровикова А. М. Взаимодействие с населением в социальных сетях для устранения конфликтов «местная власть – население» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/31SCSK322.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).
23. Касторина Е. Н. Интернет-технологии как фактор формирования диалоговой культуры власти и общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2 (11). С. 106–111. EDN: MSMWZP
24. Vissers S., Stolle D. The Internet and New Modes of Political Participation: Online Versus Offline Participation // Information, Communication and Society. 2014. Vol. 17, issue 8. Pp. 937–955. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.867356>
25. Vicente R. M., Novo A. An Empirical Analysis of E-Participation. The Role of Social Networks and E-government Over Citizens' Online Engagement // Government Information Quarterly. 2014. Vol. 31, issue 3. Pp. 379–387. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.12.006>
26. Liu S. M., Yuan Q. The Evolution of Information and Communication Technology in Public Administration // Public Administration and Development. 2015. Vol. 35, issue 2. Pp. 140–151. <https://doi.org/10.1002/pad.1717>
27. Baxter D. J. E-governance and E-participation via Online Citizen Budgets and Electronic Lobbying: Promises and Challenges // World Affairs. 2017. Vol. 180, issue 4. Pp. 4–24. <https://doi.org/10.1177/0043820018771137>
28. Schwarz O. Facebook* Rules: Structures of Governance in Digital Capitalism and the Control of Generalized Social Capital // Theory, Culture & Society. 2019. Vol. 36, issue 4. <https://doi.org/10.1177/0263276419826249>
29. Adler R. P., Goggin J. What do we mean by “Civic Engagement”? // Journal of Transformative Education. 2005. Vol. 3, issue 3. Pp. 236–253. <https://doi.org/10.1177/1541344605276792>
30. Wilson E. The Network Society and Democracy Online // Perspectives on Politics. 2006. Vol. 4, issue 1. Pp. 218–219. <https://doi.org/10.1017/S1537592706750149>
31. Eggeling K., Versloot L. Taking trust Online: Digitalisation and the Practice of Information Sharing in Diplomatic Negotiations // Review of International Studies. 2023. Vol. 49, issue 4. Pp. 637–656. <https://doi.org/10.1017/S0260210522000559>

* Принадлежит компании Meta, признана в России запрещенной экстремистской организацией.

32. O'Brien T. Digital Activism and the State // *Tapuya: Latin American Science, Technology and Society*. 2021. Vol. 4, issue 1. Article no. 1973291. <https://doi.org/10.1080/25729861.2021.1973291>
33. Renz B., Sullivan J. Making a Connection in the Provinces? Russia's Tweeting Governors // *East European Politics*. 2013. Vol. 29, issue 2. Pp. 135–151. <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.779258>
34. Копалова О. С., Черкасова В. Ю. Информационное взаимодействие органов власти с населением // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2017. № 2 (19). С. 14–20. URL: <https://editorial.municipality.expert/file/29E23757-28E4-4D7D-B493-26D6E7BADB93> (дата обращения: 13.03.2024).
35. Тхориков Б. А., Корнев В. В. Интернет-коммуникации государственных гражданских служащих: международный опыт и российская практика // *Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право*. 2018. Т. 43, № 4. С. 633–639. URL: <https://nv.bsu.edu.ru/nv/mag/detail.php?ID=524688> (дата обращения: 13.03.2024).
36. Демущина О. Н. Факторы повышения эффективности электронного участия граждан // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2017. Т. 9, № 2. С. 132–151. URL: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/31> (дата обращения: 13.03.2024).
37. Пясецкая Е. Н. Факторы эффективности электронного участия граждан во взаимодействии власти и общества // *Концепт*. 2018. № 2. С. 92–97. <https://doi.org/10.24422/MCITO.2018.2.10711>
38. Барбаков Г. О., Курашенко И. А., Устинова О. В. Взаимодействие муниципальной власти с населением: формы и критерии оценки // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 12–4. С. 746–750. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39616> (дата обращения: 13.03.2024).
39. Дейнека О. С. Опыт эмпирических исследований политического и экономического сознания // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика*. 2015. № 3. С. 13–26. EDN: VCQPSR
40. Дейнека О. С., Максименко А. А. Отражение решения о специальной военной операции в массовом сознании // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2023. Т. 8, № 1 (29). С. 89–112. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2023/t8-1/n23-01-03.html> (дата обращения: 13.03.2024).

REFERENCES

1. Bragina V.K., Gorshkova E.S. Culture of Dialogue Between Authorities and Society in Internet Communications. *Communicology*. 2014;3(1):120–125. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RYFABR
2. Korosteleva M.A., Satyr T.S. Dialogue of State Power and Society in the Internet. *Communicology*. 2014;3(1):73–78. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RYEZZJ
3. Dmitrenko O.V. Dialogue of the State and Society in the Internet as a Means of Information Counteraction in Mental War. *Vestnik adyunkta*. 2021;(4). Available at: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/322-dialog-gosudarstva-i-obshchestva-v-internete-kak-sredstvo-informatsionno-go-protivodejstviya-v-mentalnoj-vojne> (accessed 20.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Gadzhiev Kh.F. The Dialogue between a Government and Society in the Digital Age. *Science. Culture. Society*. 2022;28(2):81–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.7>
5. Zotov V.V., Gubanov A.V. Social Media as Dialogue Platforms for Citizens and Authorities of the Central Federal District's Entities. *Digital Sociology*. 2021;4(4):28–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>
6. Golub O.Yu. Contemporary Models of a Social Dialogue: The Regional Dimension. *Siberian Socium*. 2020;4(2):21–31. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YWXTWT
7. Krasnoperov A.Yu. Municipal Authorities as Subjects of Mass Network Communication in the Information Age. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2023;(74):224–233. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnye-organy-vlasti-kak-subekty-massovoy-setevoy-kommunikatsii-v-informatsionnuyu-epohu> (accessed 20.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Sokolov A.V., Isaeva E.A. Transforming the Interaction Between Authorities and Civil Society in Digital: The Evidence from the Yaroslavl Region. *RUDN Journal of Political Science*. 2022;24(4):686–710. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>

9. Chugunov A.V., Nizomutdinov B.A., Budyak A.A. Russian Regions Heads' Telegram Channels: Testing of Research Tools. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022;10(11):141–146. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25559/IN-JOIT.2307-8162.10.202211.141-146>
10. Vasileva T.A., Tuzovsky B.A., Ovchinnikov D.S. Comparative Analysis of Media Indices Heads of Subjects of the Far Eastern Federal District in the Context of the Civil Dialogue Societies and Authorities. *Issues of National and Federative Relations*. 2021;11(6):1872–1878. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.6.019>
11. Maiseeva E.G. Virtual Activity of Governors in Blogospher. *Management Issues*. 2012;(2):72–76. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journal-management.com/issue/2012/02/11> (accessed 20.11.2023).
12. Filatova O.G. Heads of Russian Regions in Social Media: Audit of Public Communications. *PR i reklama v izmenyayushchetsya mire: regionalnyy aspekt*. 2020;(23):6–16. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: FTADBA
13. Filatova O.G. Heads of Subjects of the Russian Federation in Blogs and Social Networks: Communication Trends in the Early 2010s and 2020s. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2020;21(2):26–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-26-41>
14. Popova O.V., Grishin N.V., Pogodina M.Ya. Communication of Youth with the Highest Officials of the Subjects of the Russian Federation on the Social Network “VKontakte” in 2022. *Polis. Political Studies*. 2013;(4):122–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.09>
15. Kaminchenko D.I. Features of the Political Image of a Regional Leader on the Internet. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2021;15(3):24–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-3-24-39>
16. Kaminchenko D.I. Political Image of the Regional Leader on Instagram. *Administrative Consulting*. 2021;(8):18–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-8-18-34>
17. Kaminchenko D.I. Comprehensive Analysis of a Regional Leader's Image (Based on the Official Website Materials of the Government of the Nizhny Novgorod Region). *Bulletin of the Perm University. Political Science*. 2023;17(1):101–113. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-1-101-113>
18. Kaminchenko D.I. The Image of the Modern Regional Leader: Network Analysis Results. *Administrative Consulting*. 2022;(9):40–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-40-56>
19. Mityaeva Yu.A., Chernyshev Yu.G. The Use of Social Networks and Blogs in Shaping the Image of the Governors of South-Western Siberia. *Izvestia of Altai State University*. 2013;(4-1):281–286. Available at: <https://izvestia.asu.ru/2013/4-1/pols/10.ru.html> (accessed 20.11.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
20. Kadysheva E.V. Social Networks as a Tool for Forming the Image of the Head of the Region (On the Example of the Heads of Regions of the Volga Federal District). *Political Science Issues*. 2022;12(5):1408–1415. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: DNMBQM
21. Medvedeva N.V., Otorova A.A. Conflicts between Authorities and the Population in Russia in a Digital Society: Causes and Characteristics of the Course. *Social Policy and Sociology*. 2019;18(3):150–157. Available at: <http://www.oscsbras.ru/upload/files/novosti-biblioteki/Конфликты между органами власти и населением.pdf> (accessed 20.11.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Rychikhina E.N., Neskorocheva E.P., Borovikova A.M. Interaction with the Population in Social Networks to Eliminate Conflicts “Local Authorities-Population”. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022;13(3). Available at: <https://sfk-mn.ru/pdf/31SCSK322.pdf> (accessed 20.10.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Kastorina E.N. [Internet Technology as a Factor in the Formation of Dialogue Culture of Power and Society]. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2009;(2):106–111. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: MSMWZP
24. Vissers S., Stolle D. The Internet and New Modes of Political Participation: Online Versus Offline Participation. *Information, Communication and Society*. 2014;17(8):937–955. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.867356>
25. Vicente R.M., Novo A. An Empirical Analysis of E-participation. The Role of Social Networks and E-government Over Citizens' Online Engagement. *Government Information Quarterly*. 2014;31(3):379–387. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.12.006>

26. Liu S.M., Yuan Q. The Evolution of Information and Communication Technology in Public Administration. *Public Administration and Development*. 2015;35(2):140–151. <https://doi.org/10.1002/pad.1717>
27. Baxter D.J. E-governance and E-participation via Online Citizen Budgets and Electronic Lobbying: Promises and Challenges. *World Affairs*. 2017;180(4):4–24. <https://doi.org/10.1177/0043820018771137>
28. Schwarz O. Facebook Rules: Structures of Governance in Digital Capitalism and the Control of Generalized Social Capital. *Theory, Culture & Society*. 2019;36(4). <https://doi.org/10.1177/0263276419826249>
29. Adler R.P., Goggin J. What do we mean by “Civic Engagement”? *Journal of Transformative Education*. 2005;3(3):236–253. <https://doi.org/10.1177/1541344605276792>
30. Wilson E. The Network Society and Democracy Online. *Perspectives on Politics*. 2006;4(1):218–219. <https://doi.org/10.1017/S1537592706750149>
31. Eggeling K., Versloot L. Taking Trust Online: Digitalisation and the Practice of Information Sharing in Diplomatic Negotiations. *Review of International Studies*. 2023;49(4):637–656. <https://doi.org/10.1017/S0260210522000559>
32. O’Brien T. Digital Activism and the State. *Tapuya: Latin American Science, Technology and Society*. 2021;4(1):1973291. <https://doi.org/10.1080/25729861.2021.1973291>
33. Renz B., Sullivan J. Making a Connection in the Provinces? Russia’s Tweeting Governors. *East European Politics*. 2013;29(2):135–151. <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.779258>
34. Kopalova O.S., Cherkasova V.Yu. Information Interaction of Public Authorities with the Population. *Municipality: Economics and Management*. 2017;(2):14–20. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://editorial.municipality.expert/file/29E23757-28E4-4D7D-B493-26D6E7BADB93> (accessed 13.03.2024).
35. Thorikov B.A., Kornev V.V. Internet Communications of State Civil Employees: International Experience and Russian Practice. *Belgorod State University Scientific Bulletin. NOMOTHIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2018;43(4):633–639. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://nv.bsu.edu.ru/nv/mag/detail.php?ID=524688> (accessed 13.03.2024).
36. Demushina O.N. Influence Factors for E-Participation. *Ars Administrandi*. 2017;9(2):132–151. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/article/view/31> (accessed 13.03.2024).
37. Pyasetskaya E.N. Efficiency Factors of Electronic Participation of Citizens in Government and Society Interaction. *Concept*. 2018;(2):92–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24422/MCITO.2018.2.10711>
38. Barbakov G.O., Kurashenko I.A., Ustinova O.V. Interaction of Municipal Authorities with Populations: Forms and Evaluation Criteria. *Fundamental Research*. 2015;(12-4):746–750. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39616> (accessed 13.03.2024).
39. Deineka O.S. The Experience of the Empirical Studies of Political and Economic Consciousness. *Vestniks of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*. 2015;(3):13–26. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VCQPSR
40. Deineka O.S., Maksimenko A.A. Reflection of the Decision on a Special Military Operation in the Mass Consciousness. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2023;8(1):89–112. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2023/t8-1/n23-01-03.html> (accessed 13.03.2024).

Об авторах:

Максименко Александр Александрович, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, Scopus ID: 57219144362, Maximenko.AI@gmail.com

Зайцев Александр Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета (156000, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>, aleksandr-kostroma@mail.ru

Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующей кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, Scopus ID: 57194202822, osdeyneka@yandex.ru

Зябликов Алексей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета (156000, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>, a.zyablikov@yandex.ru

Ахунзянова Фарид Тагировна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета (156000, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17), ORCID: <https://orcid.org/0000-0000-0002-4610-5241>, Researcher ID: [HJQ-4229-2023](https://orcid.org/0000-0000-0002-4610-5241), farida.ahunzyano@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. А. Максименко – концепция исследования; дизайн исследования; организация и проведение опроса; критический анализ и доработка текста.

А. В. Зайцев – идея исследования; концепция исследования; критический анализ текста.

О. С. Дейнека – методика «Опросник гражданина»; подготовка первоначального варианта текста.

А. В. Зябликов – концепция исследования; критический анализ текста.

Ф. Т. Ахунзянова – проведение мониторинга; осуществление расчетов; подготовка первоначального варианта текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 30.10.2023; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 13.03.2024.

About the authors:

Aleksandr A. Maksimenko, Dr.Sci. (Sociol.), Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor, Professor of Department of Social Science, HSE University (20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>, Scopus ID: [57219144362](https://orcid.org/0000-0003-0891-4950), Maximenko.AI@gmail.com

Alexander V. Zaitsev, Dr.Sci. (Polit.), Professor of the Chair of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications of Kostroma State University (17 Dzerzhinskogo St., Kostroma 156000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>, aleksandr-kostroma@mail.ru

Olga S. Deyneka, Dr.Sci. (Psychol.), Professor, Acting Head of Chair of Political Psychology, Saint-Petersburg State University (7/9 Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>, Scopus ID: [57194202822](https://orcid.org/0000-0001-8224-2190), osdeyneka@yandex.ru

Aleksey V. Zyablikov, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Chair of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University (17 Dzerzhinskogo St., Kostroma 156000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>, a.zyablikov@yandex.ru

Farida T. Akhunzyanova, Cand.Sci. (Cult.), Associate Professor of the Chair of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University (17 Dzerzhinskogo St., Kostroma 156000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>, Researcher ID: [HJQ-4229-2023](https://orcid.org/0000-0002-4610-5241), farida.ahunzyano@mail.ru

Contribution of the authors:

А. А. Максименко – research concept; research design; organization and conduct of the survey; critical analysis and revision of the text.

А. В. Zaitsev – research idea; research concept; critical text analysis.

О. S. Deyneka – Citizen Questionnaire methodology; preparation of the initial version of the text.

А. V. Zyablikov – research concept; critical text analysis.

Ф. Т. Akhunzyanova – monitoring; making calculations; preparing the initial version of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 30.10.2023; revised 04.03.2024; accepted 13.03.2024.

Regional Patent Policy Analysis in Russia

V. Yu. Pashkus^a

V. Terekhov^b

M. Yu. Shcheglov^a✉

A. V. Koshkin^a

^a Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

^b Marianopolis College (Quebec, Canada)

✉ max7774447@gmail.com

Abstract

Introduction. The article studies patent activity in the regions of Russia. The relevance of the research in this area is determined by the importance of the innovation component in economic growth, as well as by the established targets in the Concept of Technological Development of the Russian Federation for the period up to 2030. The aim of the study is to identify possible types and directions of patent policy for different groups of Russian regions on the basis of patent activity factors.

Materials and Methods. The empirical material for the analysis includes data from the World Intellectual Property Organization (WIPO) and the Federal State Statistics Service (FSSS) for 2012–2021. We use linear regression to identify the key factors affecting the patent activity of the regions. The method of hierarchical clustering allowed us to identify groups of regions according to their patent activity.

Results. The linear regression showed the statistically significant dependence of regional patent activity on I-activity level of organizations, the number of active fixed broadband Internet subscribers per 100 population and the average of internal costs for research and development per 1 organization in the region. The hierarchical clustering distinguished 5 clusters of regions: “The Leader”, “Innovation centers”, “Regions of high manufacturability”, “Old R&D regions” and “Regions-outsiders”. The authors also formulate definitions of the regional patent policy and the national patent policy and present typologies of state patent policy.

Discussions and Conclusions. Based on empirical and theoretical analysis, recommendations on further directions for the development of active patent policies were given to groups of regions. The results of the study can be applied in the development and implementation of scientific and technological regional development strategies, and will also be useful to specialists and government officials involved in regulating patent activity in the regions.

Keywords: regional economy, innovation economy, patent activity, innovation activity, state patent policy, regional patent policy

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Pashkus V.Yu., Terekhov V., Shcheglov M.Yu., Koshkin A.V. Regional Patent Policy Analysis in Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):242–262. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.242-262>

© Pashkus V. Yu., Terekhov V., Shcheglov M. Yu., Koshkin A. V., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Анализ региональной патентной политики в России

В. Ю. Пашкус¹, В. Терехов², М. Ю. Щеглов¹ ✉, А. В. Кошкин¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

² Марианополис Колледж (г. Квебек, Канада)

✉ tax7774447@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность исследования в области патентной активности в российских регионах обуславливается значимостью инновационной составляющей экономического роста, а также установленными целевыми показателями в Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 г. Цель исследования – определить возможные виды и направления патентной политики для различных групп регионов России с учетом факторов патентной активности.

Материалы и методы. Эмпирической базой для анализа послужили данные Всемирной организации интеллектуальной собственности и Федеральной службы государственной статистики за 2012–2021 гг. Использована линейная регрессия для выявления ключевых факторов, влияющих на региональную патентную активность. Метод иерархической кластеризации позволил выделить группы регионов по их патентной активности.

Результаты исследования. Линейная регрессия показала статистически значимую зависимость региональной патентной активности от уровня И-активности организаций, количества активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 чел. населения и среднего значения внутренних затрат на исследования и разработки на 1 организацию в регионе. Методом иерархической кластеризации выделено 5 кластеров регионов: «Лидер», «Инновационные центры», «Регионы высокой технологичности», «Старые научно-исследовательские регионы» и «Регионы-аутсайдеры». Сформулированы определения региональной патентной политики и национальной патентной политики, представлены типологии государственной патентной политики.

Обсуждение и заключение. На основе эмпирического и теоретического анализа группам регионов были даны рекомендации по дальнейшим направлениям развития активной патентной политики. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и реализации стратегий научно-технического развития регионов, а также будут полезны специалистам и государственным служащим, занимающимся регулированием патентной деятельности в регионах.

Ключевые слова: региональная экономика, инновационная экономика, патентная активность, инновационная активность, государственная патентная политика, региональная патентная политика.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Анализ региональной патентной политики в России / В. Ю. Пашкус [и др.] // Регионология. 2024. Т. 32, № 2. С. 242–262. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.242-262>

Introduction. Ensuring long-term economic growth in the modern world is almost impossible without introducing innovations. Today there are many innovative development indices and ratings of countries and regions. Ratings of regional innovative development are being actively created in Russia; among the most famous are: the Rating of Innovative Regions of Russia by the Association of Innovative Regions of Russia¹ and the Russian Regional Innovation Scoreboard by the National Research University Higher School of Economics².

One of the key indicators of regional innovative development is their patent activity. Ensuring innovative development of the economy is extremely important for

¹ [Rating of Innovative Regions: For Monitoring and Management Purposes: Version 2015-1.0. 2015]. (In Russ.) Available at: https://i-regions.org/upload/iblock/b19/file_47.pdf (accessed 25.10.2023).

² Abdrakhmanova G., Demidkina O., Demyanova A., et al. Digital Economy Indicators in the Russian Federation: 2022. Data Book. Moscow: HSE; 2023. Available at: https://www.hse.ru/data/2023/08/08/2069278693/Digital_Economy_Indicators_2022_EN.pdf (accessed 25.10.2023).

the Russian Federation [1; 2]. To achieve the target indicators of the Concept of Technological Development by 2030³ (in particular, an increase in the number of patent applications by 2.4 times), efforts and measures are required not only at the federal but also at the regional level. However, high results of socio-economic indicators and, especially, innovative development indicators are not common in most regions of the Russian Federation.

In this article, the authors undertake to analyze the parameter of regional patent activity as an indicator of the innovative development of the region. The purpose of the study is to determine possible types and directions of patent policy for different groups of regions in the Russian Federation based on factors of patent activity. In accordance to this purpose, we:

- 1) determine trends in national and regional patent activity of the Russian Federation over the past 10 years;
- 2) based on correlation and regression analysis, identify the key factors that determined regional patent activity in 2021;
- 3) using the clustering method, distinguish regions by patent activity and other parameters of innovative development.

According to the Federal Service for Intellectual Property of the Russian Federation (the Rospatent)⁴ and W. Strielkowski [3], digital transformation contributes to an increase in the number of applications in electronic form. In this study, we test whether digitalization has an impact on patent activity in general. Therefore, the authors hypothesize that digitalization should have a positive effect on regional patent activity.

Based on the theoretical provisions of D. Romer's model of economic growth, namely the production function of knowledge, the authors put forward the hypothesis that human capital has a decisive role in regional patent activity.

The authors also believe that the number of technology organizations in the region should have a positive effect on regional patent activity.

Another hypothesis is the positive dependence of the regional patent activity on the average internal costs for research and development per 1 organization in the region.

Literature Review. The methodological basis of the study are articles devoted to regional patent activity in Russia over the past 10 years, including studies by M. A. Nikonova [4], J. A. Gadzhiev [5], Y. L. Domnich [6], L. Aldieri, M. Kotsemir, & C. P. Vinci [7], etc. Most of these articles are rather descriptive and only report statistical indicators and some trends in patent activity in the regions, mainly until 2019. S. Zemtsov, A. Muradov, I. Wade and V. Barinova attempted to build a regression model only to determine which of the two parameters (human capital or research and development (R&D) costs) has a more important impact on patent activity in the region [8]. An attempt to construct a regression was also made in the study of T. D. Degtyareva [9], however, the constructed model also uses only two parameters – the number of patents for inventions and the number of patents for utility models. In addition, both studies

³ [Concept of Technological Development for the Period until 2030. Government of Russia, 20 May 2022]. (In Russ.) Available at: <http://static.government.ru/media/files/KIJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OlbBp18F.pdf> (accessed 25.10.2023).

⁴ [Digital Transformation Contributes to an Increase in the Number of Applications in Electronic Form. Rospatent: Federal Service for Intellectual Property, 4 Apr. 2023]. (In Russ.) Available at: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/cifrovaya-transformaciya-04042023> (accessed 25.10.2023).

use data only up to 2015, without taking into account subsequent further recovery and crisis changes in the Russian economy. These constructed regression models do not take into account other parameters that may affect regional patent activity.

We admit the study of I. E. Ilina, N. I. Zolotykh and I. V. Bitkina, where an attempt was made to construct an index of the regional patent activity based on four groups of parameters: patents, technologies, infrastructure, and stuff [10]. Despite the deep theoretical development of the construction index logic, the study did not attempt to construct a regression (or correlation) analysis, therefore, there may be multicollinearity among the variables.

An important theoretical basis for the current article is developments in the field of innovation strategy and regional innovation policy by Russian and international economists [11–13]. In addition, in domestic studies in the 2000s, attempts were made to conceptualize patent policy within the framework of political economy and the institutional approach. In particular, the type of patent policy focused on classical universities in the system of regional innovation policy was described [14], and institutional conditions were analyzed as a factor influencing the formation of regional innovation policy⁵. These studies formed the basis for the author's development of the typology of patent policy, as well as the formulation of definitions of terms.

Many research projects attempted to create an index of regional innovative development [15; 16]. These developments allowed us to correctly identify potential variables that may influence patent activity in the region. For instance, M. G. Karelina used different indicators related to the research and educational sphere to construct an index of innovative development of the region based on three groups of parameters: innovation potential, innovation climate, and innovation performance [17].

The study is also based on the Knowledge Production Function (KPF) models, which describe the relationship between R&D costs, human capital, and innovation results. Basic ideas about the production function of knowledge are associated with the papers of Paul Romer, Zvi Griliches and Adam Jaffe in the 1980s⁶.

Thus, at the time of preparing the article current review and analysis of regional patent policy in Russia is not fully presented and requires more in-depth statistical and theoretical analysis using clustering and regression analysis methods.

Materials and Methods. In this paper, the authors use translations of the Russian Federation constituent entities according to ISO 3166-2:RU which defines codes for some of the names of the Russian principal subdivisions. The data for analysis was taken for the period 2012–2021, therefore 85 regions are included in the statistics (and before 2014 – 83 regions).

Patent activity is the level of development of a country's innovative activity in the context of registered patents and applications for patents from the subjects of the country, as well as foreign residents. The fact is that not every patent is a commercial success. Therefore, for this study, the indicators of the coefficient of inventive activity

⁵ Valieva O.V. [The Influence of Institutional Conditions on the Formation of Regional Innovation Policy. Dissertation. Ph.D. Econ. Sciences: 08.00.05]. Novosibirsk: IEOPP SB RAS; 2009. (In Russ.) Available at: <http://www.econom.nsc.ru/ieie/news/zashiti/avtoref/apr09/valieva.pdf> (accessed 25.07.2023).

⁶ Romer P.M. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 1989;98(5):71–102. <https://doi.org/10.1086/261725>

(for regression analysis) and the FSSS data on issued patents in the regions are used. In this article, the coefficient of inventive activity refers to the number of issued patents per 10,000 people in the region [5, p. 65]:

$$\text{Inventive Activity Coefficient} = \text{number of granted patents} / \left(\frac{\text{population}}{10000} \right).$$

In general, the article uses the FSSS statistical collection “Regions of Russia. Socio-economic indicators” for the periods 2012–2022. We decided to analyze and pay attention to this specific period due to the changed economic situation in Russia after the 2014 crisis, when sanctions against Russia were introduced. Data for 2012 and 2013 allow us to look at the situation before significant structural changes in the country’s economy, and the field of 2014 allows us to track the dynamics of how the economic situation could influence the development of patent activity in the regions.

In this article, the analysis of patent activity in the regions of Russia will be based on indicators of patents for inventions and utility models, since the number of patents for industrial designs is insignificant and does not have a strong impact on the total volume of patents.

The article is based on methods of statistical data analysis. To determine the key factors of regional patent activity, the authors use a multiple regression model. The method of hierarchical clustering is used to identify groups of regions. Taking into account the economic situation in 2021–2022 (coronavirus crisis), as well as the fact that data for 2022 is the most current at the time of writing, the authors use data for 2022 to carry out the specified statistical methods of analysis.

Results. *Analysis of the Russian Regional Patent Activity Dynamics (2012–2021).* In the period from 2012–2021, there is a dynamic (trend) of a decrease in regional patent activity according to the Russian average. This is also accompanied by a decrease in patent applications in the regions (see Fig. 1).

The largest number of patents was issued in 2014 – 35,332 patents, and the largest number of patent applications was in 2013 – 42,354 applications. Moreover, in 2021, 28,442 patent applications were filed, of which 21,745 were approved (76.45% approval rate).

In general, the dynamics of the Russian patent activity are similar to European dynamics but have more acute dynamics: the declines in 2014, 2016, 2019 and 2020 are more significant than in Europe as a whole (see Fig. 2)⁷. At the same time, in 2017 and 2021, a recovery in patent activity was observed throughout the world and in Europe, but in Russia, there were serious drops in these years (–12.1% and –12.8%). We assume that such dynamics are associated with the slower adaptation and recovery of Russian technology companies after the crises of 2014–2016 and the coronavirus pandemic in 2020.

According to analytical statements of the Rospatent, the greatest blow during the crisis came from a decrease in patent activity among individual entrepreneurs⁸.

⁷ WIPO IP Statistics Data Center. WIPO. Available at: <https://clck.ru/3ADqCj> (accessed 25.10.2023).

⁸ [Trademarks in Price. *Kommersant*, 13 Jan. 2022]. (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5158278> (accessed 25.10.2023).

Thus, in 2021, the number of applications from legal entities increased by 1.2%, while individuals submitted 45.9% less than last year. It is mainly due to this that sharp reductions in patent activity in Russia occur.

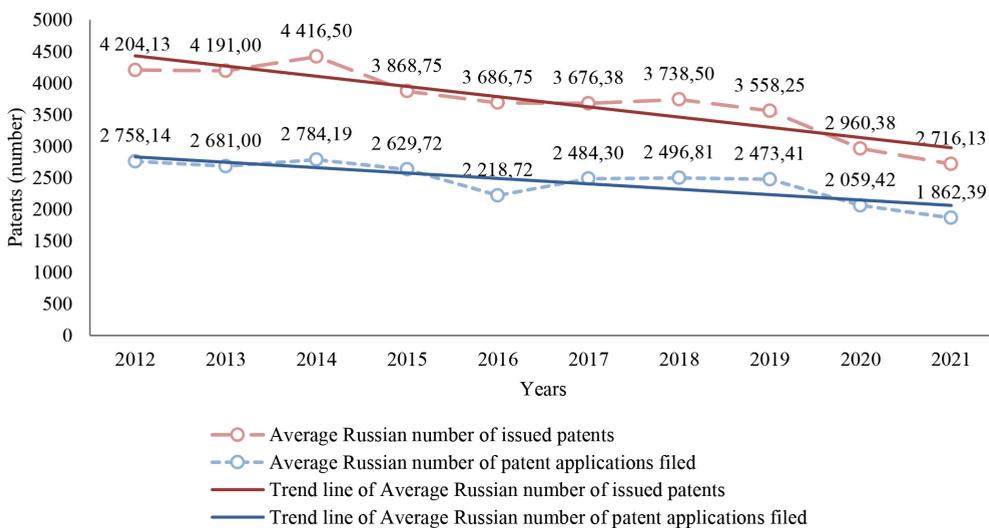

Fig. 1. Average Russian regional patent activity (2012–2021)⁹

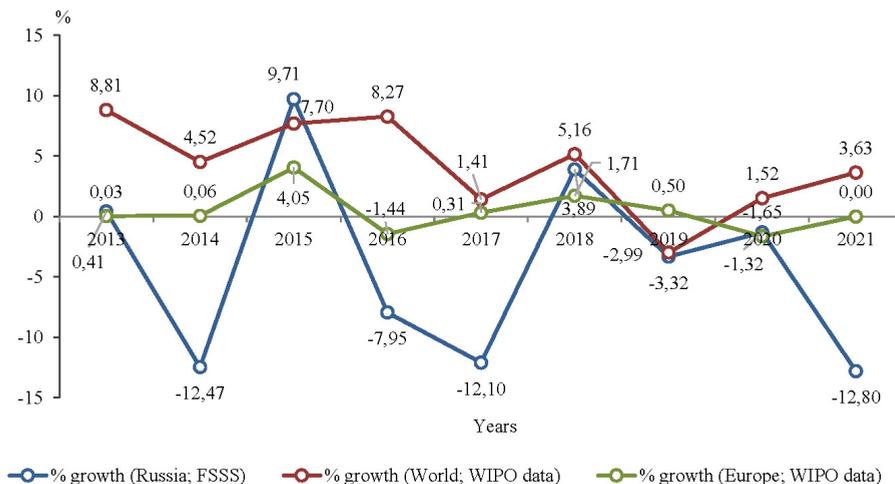

Fig. 2. Patent application activity comparison (2013–2021), %¹⁰

At the same time, the dynamics of the approval rate do not have an obvious trend (see Fig. 3). The highest percentage of patent applications approval was in 2014 (95% of patents were approved), as well as in 2017 (89%).

⁹ Source: Calculated by the authors based on data from The Federal State Statistics Service (2022). (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 25.10.2023).

¹⁰ Source: Calculated by the authors based on data from The Federal State Statistics Service (2022). (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; World Intellectual Property Organization data (2023). Available at: <https://clck.ru/3ADqCj> (accessed 25.10.2023).

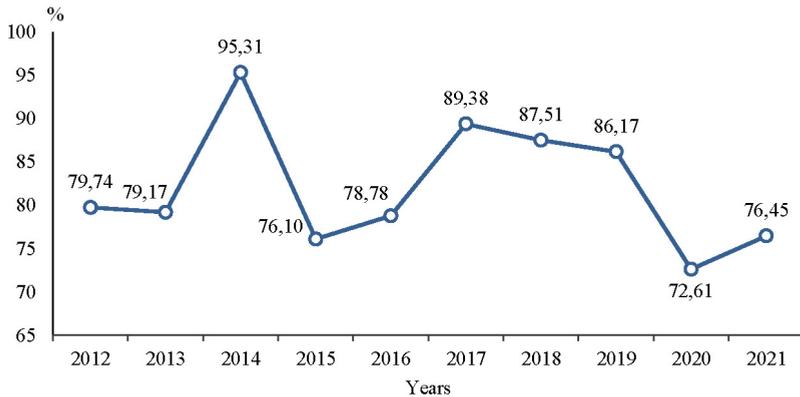

Fig. 3. Approval rate of patent applications in Russia (2012–2021), %¹¹

The absolute leader in patent activity is the Central Federal District: it accounts for almost half of all patents issued in Russia. At the same time, we note that over the past three years, the share of the Central Federal District decreased by almost 3% (compared to 2012), and the share of the Northwestern Federal District increased by 3% (to 12.58%). The second place in terms of contribution to the total number of patents issued in Russia is occupied by the Volga Federal District, which also slightly increased its share.

It is also worth noting the drop in issued patents in the North Caucasian Federal District, both in absolute and relative values – the share decreased from 3.32% to 1.67%, and the total number of issued patents from 1118 to 363 patents (almost in 3 times) – this is the most significant drop among federal districts in 10 years. The greatest decline in this federal district was demonstrated by the Republic of Dagestan: from 630 to 44 issued patents. At the same time, the reduction was mainly due to patents for inventions (and not for utility models), which dominated the structure of patent activity in the region. We attribute this to time lags associated with the ineffective work of the regional office of the Rospatent, since in 2014, 2015, 2018, and 2020 the number of issued patents was greater than patent applications (see Fig. 4).

The shares of the remaining federal districts were approximately at the same level for 10 years: Southern Federal District ~6–7%, Ural Federal District ~6%, Siberian Federal District 8.5–9%, Far Eastern Federal District ~2% (see Fig. 4).

The greatest decline in patent issuance in federal districts was observed in 2016, 2020, and 2021: on average –15.22%, –17.3% and –9.17%, respectively (see Fig. 5). It was during these years that crisis phenomena in the economy and stagnation were observed, which affected patent activity in the regions.

Determination of the regional patent activity factors based on the regression model results. Before the regression model construction, the authors cleared the data of externalities. Thus, out of 85 regions, 78 regions remained to build the regression model. First of all, regions where data on patent activity is not provided (Nenets Autonomous District and Chukotka Autonomous District) and where the Inventive Activity Coefficient is below 10% (Republic of Adygea, Altai Republic, Republic of Ingushetia) were deleted. The top externalities (St. Petersburg and Moscow) were also crossed out, since these regions are not only statistically unsuitable for econometric analysis.

¹¹ Source: Calculated by the authors based on data from The Federal State Statistics Service (2022). (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 25.10.2023).

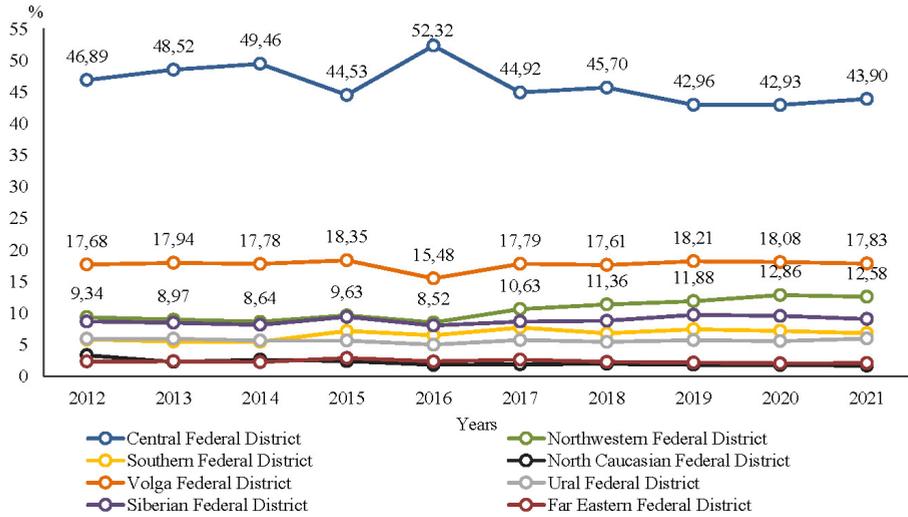

Fig. 4. Share of federal districts in all Russian patent activity (2012–2021), %¹²

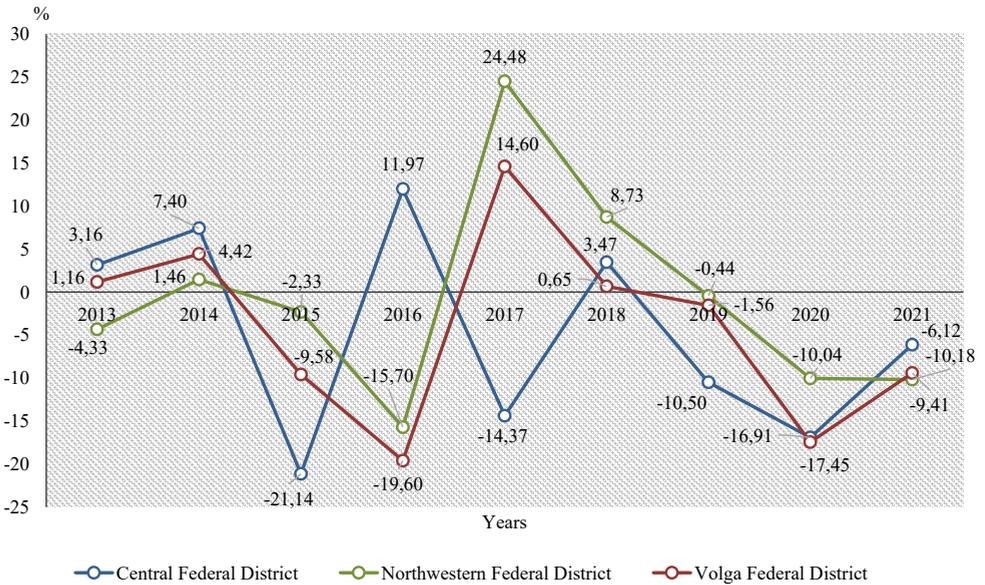

Fig. 5. Dynamics of growth in the issuance of patents in federal districts (2012–2021), %¹³

Most often, the number of employees with higher education or the number of researchers per 1 resident of the region is used as an indicator of the human capital level. The authors of the article also propose to use as a metric of human capital in the personnel aspect – the number of bachelors and masters enrolled in higher educational institutions in the region in period *n*. According to the authors, this indicator is

¹² Source: Calculated by the authors based on data from The Federal State Statistics Service (2022). (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 25.10.2023).

¹³ Source: Calculated by the authors based on data from The Federal State Statistics Service (2022). (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 25.10.2023).

more reliable, since it reflects the educational and personnel aspects of human capital. An indicator of 6 years is used as a time lag (i.e. data for 2015). During this time the applicant is just going through the stages of bachelor's and master's education.

To focus on quality human capital, special indicators have been developed: "high-quality workforce in research&science" (HQWRS) and "potentially high-quality workforce" (PHQW) adjusted for the regional Human Development Index (HDI) (however, there is no high correlation between the HDI itself and patent activity: $r \approx 0,2$)¹⁴. These formulas are presented below:

$$HQWRS = researchers \times HDI,$$
$$PHQW = students_{2015\ year} \times HDI,$$

where *researchers* – the number of researchers per 1 resident of the region; *students*_{2012 year} – the number of accepted undergraduate, specialist and master's degree students per 1 resident in 2015.

First of all, the authors create a correlation matrix to test hypotheses about the presence of a correlation between the designated variables:

- 1) the share of organizations carrying out technological innovations (I-activity level);
- 2) the percentage of scientific activity (science) in the GRP;
- 3) average internal costs for research and development per 1 organization in the region;

- 4) high-quality workforce in research&science (HQWRS) per 1 citizen;
- 5) the number of active fixed broadband Internet subscribers per 100 population;
- 6) the number of personal computers per 100 employees;
- 7) potentially high-quality workforce per 1 citizen (PHQW);
- 8) the percentage of employed people with higher education.

The constructed correlation matrix showed a connection between patent activity and:

- 1) the share of organizations carrying out technological innovations (I-activity level);
- 2) the percentage of scientific activity (science) in the GRP;
- 3) the average internal costs for research and development per 1 organization in the region;

- 4) high-quality workforce in research&science (HQWRS) per 1 citizen;
- 5) the number of active fixed broadband Internet subscribers per 100 population;
- 6) potentially high-quality workforce per 1 citizen (PHQW).

The correlation analysis discovered multicollinearity between the variables "% of scientific activity (science) in the GRP", "average internal costs for research and development per 1 organization in the region" and "High-quality workforce in research&science per 1 citizen" (HQWRS) (see Appendices 1¹⁵). The method of maximum correlation with the dependent variable was used to remove the variable "High-quality workforce in research&science per 1 citizen" (HQWRS) from the future regression model. It was decided to use the variables "% of scientific activity (science) in the GRP" and "average internal costs for scientific research and development per

¹⁴ Human Development Index in Russia: Regional Differences. Analytical Note. Analytical Center for the Government of the Russian Federation, Dec. 2021. (In Russ.) Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/2021_long.pdf (accessed 25.10.2023).

¹⁵ Appendices 1. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.250>

1 organization in the region” for constructing the regression, since they have almost the same correlation with the dependent one.

To further specify the model, we took the natural logarithm of the variables (ln) and constructed a correlation matrix with the remaining variables (see Appendices 2¹⁶). Thus, we improve the correlation of independent variables with the coefficient of inventive activity.

After constructing a regression model with the remaining variables, it was found that the indicator “% of scientific activity (science) in the GRP” is not statistically significant, since its p-value is not less than 0.05 (see Table 1). In this case, we exclude these variables from the regression model.

Table 1. Table of coefficients of the regression model No. 1¹⁷

	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients	t	Sig.
	B	Srd. Error	Beta		
(Constant)	-1.369	1.096		-1.249	.216
ln_GRP_science	.035	.155	.028	.223	.824
ln_I_activity	.399	.166	.224	2.399	.019
ln_PHQW	.298	.133	.183	2.236	.029
ln_Internet	.737	.186	.383	3.970	.000
ln_average_R&D_costs	.139	.055	.293	2.540	.013

Note: Dependent variable: ln_coefficient_image_active.

In the final multiple regression model, the variables “Potentially high-quality workforce per 1 citizen”, and “average internal costs for scientific research and development per 1 organization in the region” are statistically significant because their p-values are less than 0.05 (see Table 2–4).

Table 2. Table of coefficients of the regression model No. 2

	Unstandardized coefficients		Standardized coefficients	t	Sig.
	B	Srd. Error	Beta		
(Constant)	-1.348	1.084		-1.244	.218
ln_I_activity	.400	.165	.225	2.424	.018
ln_PHQW	.300	.132	.185	2.274	.026
ln_Internet	.756	.165	.393	4.581	.000
ln_average_R&D_costs	.148	.040	.311	3.718	.000

Note: Dependent variable: ln_coefficient_image_active.

Table 3. Summary of the regression model

Model	R	R-square	Adjusted R-square	Std. Error of the Estimates	Durbin-Watson
1	.856 ^a	.733	.703	.39149	1.764

Note: Dependent variable: ln_coefficient_image_active.

¹⁶ Appendices 2. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.251>

¹⁷ Source: Tables 1–4 calculated by the authors based on data from The Federal State Statistics Service (2022). (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 25.10.2023).

Table 4. ANOVA for the regression model

	Models	Sum of Squares	df	Mean Square	F	Sig.
1	Regression	18.729	4	4.682	30.551	.000*
	Residuals	10.115	66	.153		
	Total	28.844	70			

Notes: Dependent variable: $\ln\_coefficient\_image\_active$.

* Predictors: (const) $\ln\_GRP\_science$, $\ln\_PHQW$, $\ln\_Internet$, $\ln\_I\_activity$.

The data were also tested for autocorrelation by the Durbin – Watson test. In the resulting model, the Durbin – Watson reading is in the range $1.743 < DW < (4 - 1.743)$, therefore, the hypothesis of the absence of residuals' autocorrelation is accepted (see Table 3).

Therefore, the following multiple linear regression model was created:

$$\ln(y_{patent\_activity}) = 0,4 \times \ln(x_1) + 0,3 \times \ln(x_2) + 0,756 \times \ln(x_3) + 0,148 \times \ln(x_4) + \varepsilon,$$

where $y_{patent\_activity}$ – coefficient of regional patent activity; x_1 – I-activity level of organizations; x_2 – PHQW; x_3 – the number of active fixed broadband Internet subscribers per 100 population; x_4 – average internal costs for research and development per 1 organization in the region (see Table 2 and Table 4).

The resulting regression model has good explanatory power ($R^2 \approx 0.733$) i.e. explains more than 70% of cases (observations) (see Table 3).

We also decided to test the correlation between the Digitalization Index, calculated by the HSE based on the share of organizations using digital technologies in the total number of organizations¹⁸. In this case, the Pearson correlation was significant ($r \approx 0.416$). Therefore, the hypothesis about the impact of the regional digitalization on patent activity can be confirmed. Still, we admit that this hypothesis needs a more comprehensive verification through complex special indices.

We proved that regional patent activity is influenced by both “Potentially high-quality workforce per 1 citizen” and “average internal costs for research and development per 1 organization in the region”.

Based on the result obtained, the hypothesis that the number of technological organizations in the region has a positive effect on regional patent activity was refuted. This is due to several factors, one of the key ones, according to the authors, is the difference in the quality of innovative technical organizations.

The hypothesis of a positive strong relationship between regional patent activity and average internal costs for research and development per 1 organization in the region was also confirmed. This suggests that the organizations' budget policy in the development of science and innovation is important for patent activity and, as a result, the innovative development of the region.

Moreover, the influence of “% employed with higher education” on the patent activity was not confirmed. The authors believe that such situation is connected with a generally high prevalence of low-quality higher education in Russia even in regions with low urbanization.

¹⁸ Abdrakhmanova G., Demidkina O., Demyanova A., et al. Digital Economy Indicators in the Russian Federation.

The hypothesis based on D. Romer’s economic growth model that human capital plays a decisive role in patent activity was confirmed. We assume that for developed regions (Moscow autonomous city, Saint-Petersburg autonomous city, Moscow administrative region), human capital may be more important than average internal costs for research and development per 1 organization in the region [8]. However, based on the constructed regression model, it can be seen that for most regions, the costs of organizations for scientific and research activities have a greater impact on patent activity.

Clustering: identifying groups of regions by their patent activity. Since we have determined variables influencing on regional patent activity, we can identify clusters of regions taking into account these variables and regional patent activity.

First, we look at the data in terms of their patent activity and % of scientific activity in the GRP structure using a scatter diagram (see Fig. 6). We found that Moscow autonomous city, Saint-Petersburg autonomous city, Moscow administrative region and Nizhny Novgorod administrative region stand out among the other regions. Also, with a detailed visual analysis of the graph, we can note that the Sverdlovsk administrative region, Novosibirsk administrative region, Voronezh administrative region and Tyumen administrative region also stand out slightly in terms of % of scientific activity in the GRP structure.

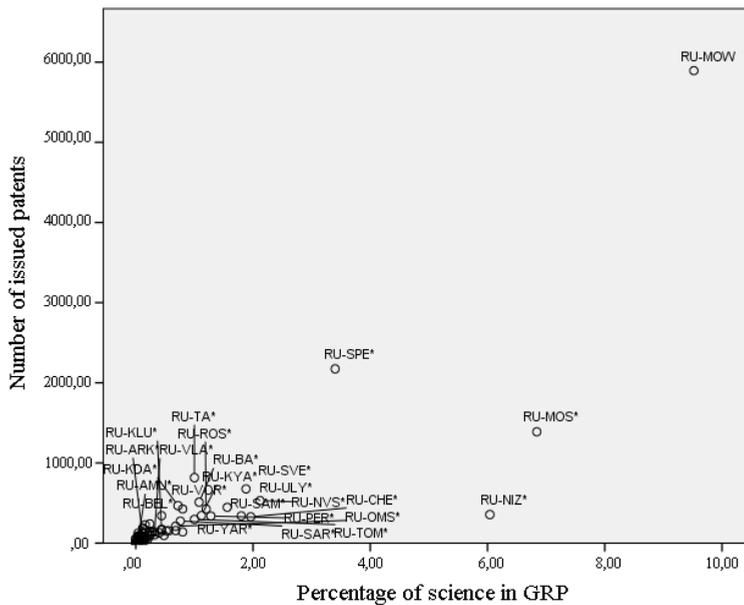

Fig. 6. Regional patent activity (Patents) and percentage of internal companies’ costs for research and development in GRP¹⁹

Obviously, two variables are not enough to identify clusters in more detail. Therefore, the variables for clustering were chosen:

- 1) the number of patents issued in the region;
- 2) the share of organizations that carried out technological innovations (I-activity level);

¹⁹ Source: compiled by the authors.

- 3) the percentage of scientific activity (science) in the structure of GRP;
- 4) the number of scientists and researchers per 1 citizen.

For cluster analysis, the authors use data standardization across variables to equalize the significance of the parameters. Centroid clustering with Euclidean square distance was used as a clustering method. Clustering results are presented in tables and graphs (see Appendices 3²⁰). Therefore, we can identify the following clusters:

1. *The Leader*: Moscow autonomous city;
2. *Innovation centers*: Saint-Petersburg autonomous city, Moscow administrative region, Nizhny Novgorod administrative region;
3. *Regions of high manufacturability*: Republic of Tatarstan, Rostov administrative region, Republic of Mordovia, Chuvash Republic;
4. *Old R&D regions*: Novosibirsk administrative region, Tyumen administrative region, Kaluga administrative region, Tomsk administrative region, Voronezh administrative region, Sverdlovsk administrative region, Republic of Bashkortostan, Samara administrative region, Chelyabinsk administrative region, Yaroslavl administrative region, Vladimir administrative region, Perm administrative territory, Penza administrative region, Tula administrative region, Omsk administrative region, Ulyanovsk administrative region, Ivanovo administrative region;
5. *Regions-outsiders*: Altai republic, Altay administrative territory, Amur administrative region, Arkhangelsk administrative region, Astrakhan administrative region, Belgorod administrative region, Bryansk administrative region, Chechen Republic, Chukotka autonomous district, Irkutsk administrative region, Jewish autonomous region, Kabardino-Balkar republic, Kaliningrad administrative region, Kamchatka administrative territory, Karachay-Cherkess republic, Kemerovo administrative region, Khabarovsk administrative territory, Khanty-Mansi autonomous district, Kirov administrative region, Komi Republic, Kostroma administrative region, Krasnodar administrative territory, Krasnoyarsk administrative territory, Kurgan administrative region, Kursk administrative region, Leningrad administrative region, Lipetsk administrative region, Magadan administrative region, Mari El Republic, Murmansk administrative region, Nenets autonomous district, Novgorod administrative region, Orenburg administrative region, Orlov administrative region, Primorsk administrative territory, Pskov administrative region, Republic of Adygea, Republic of Buryatia, Republic of Crimea, Republic of Dagestan, Republic of Ingushetia, Republic of Kalmykia, Republic of Karelia, Republic of Khakassia, Republic of North Ossetia–Alania, Republic of Sakha (Yakutia), Republic of Tuva, Ryazan administrative region, Sakhalin administrative region, Saratov administrative region, Sevastopol autonomous city, Smolensk administrative region, Stavropol administrative territory, Tambov administrative region, Tver administrative region, Udmurt Republic, Vologda administrative region, Vologograd administrative region, Yamalo-Nenets autonomous district, Zabaykalsky administrative territory.

Discussion and Conclusion. As we noted earlier, the results of the region's innovative activity depend on the regional patent policy. At the time of preparing this article, a definition of this term has not been finally formed in Russian scientific articles. Most studies deal either with regional innovation policy in general [18] or

²⁰ Appendices 3. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.254>

with the patent policy of individual organizations (most often universities and firms), sometimes the term “patent policy” appears in the context of the national patent policy in a particular country, but also remains without a clear definition [19]. At the same time, it should be noted that the economic and political economic aspects and strategies of the state patent policy have been deeply theorized in international studies. Thus, in the papers²¹ at the microeconomic level, within the framework of the optimal patent theory, various strategies of patent policy in the market were modeled, including redirection to technological change of firms’ choices toward a more socially efficient mix of products and processes. In addition, a significant part of researches is devoted to modeling the impact of national patent policy on economic growth [20; 21]. Nevertheless, most of these foreign studies also do not have a clear definition of the term “state patent policy” and especially “regional patent policy”. For this reason, in this study, we attempt to formulate the authors’ definitions of the terms “regional patent policy” and “state patent policy”.

By *the regional patent policy*, the authors of the article understand strategic actions and decisions applied at the regional level, aimed at managing and developing the patent system, as well as stimulating innovation and patent activity in this region.

The regional patent policy depends on the priorities and principles laid down in national (state) patent policy. In turn, *the national patent policy* refers to the system of norms, rules and measures adopted and regulated by the government to manage patents and intellectual property to stimulate innovation, protect the inventors’ rights (their intellectual property) and ensure the public interest.

The authors of the article also propose to distinguish different types of state patent policy. Thus, we propose the following typology of state patent policy:

- *Centralized* and *decentralized*;
- *Incentive* (emphasis on financial incentives for inventions; simplification and acceleration of patenting procedures) and *conservative/protective* (emphasis on protecting property rights, compliance with regulatory standards);
- by relying on stakeholders (by type of agent support): *oriented on research institutes* [14; 22; 23], *business/corporate-oriented* (support for large corporations and industrial giants), *startup-oriented* (individual entrepreneurs and small businesses);
- *Active* (active state intervention through financing) and *passive* (the state is limited to creating legislative norms and structures without active financial support);
- by global scale: *global/international* (international agreements and standards), *national* (creation of national legislation and national support measures) and *regional*;
- “*statist*” type (the state can assign rights to all inventions obtained as a result of research at the expense of public funds, and inventions cannot be patented, and inventors cannot claim rights to them) and “*partnership*” type (rights to inventions obtained as a result of conducting research at the expense of public funds, may belong to the organization that did it, and the state receives a free non-exclusive license to use it) [24].

²¹ Gallini N.T. Patent Policy and Costly Imitation. *The RAND Journal of Economics*. 1992;23(1):52–63. <https://doi.org/10.2307/2555432>; Vaughan F.L. Patent Policy. *The American Economic Review*. 1948;38(2):215–234. <https://doi.org/10.2307/1910493>

Thus, based on the factors influencing on regional patent activity (regression analysis results) and the identified clusters (clustering results) for each group of regions of the Russian Federation we can highlight its priorities in regional patent policy.

Thereby, for the *“Innovation centers”* group, the directions of regional patent policy are related to ensuring sustainable growth of patent activity and improving the quality of the patents themselves for their greater commercialization. For the *“Leader”*, it is important to define goals for the future and promising directions of innovation policy. These two clusters may consider the option of a protective regional patent policy, since it may improve the quality of registered patents.

An active and stimulating patent policy should be common to the other three groups: financial support and stimulation of registration of large companies and inventions in their regions, and not their outflow to the *“innovation centers”* group.

For the *“Regions of high manufacturability”* group, it is important to increase patent activity, the quality of patents and their commercialization, which will contribute to the innovative development and economic growth of the regions of this group. Thus, the growth of scientific activity in the structure of the GRP and an increase in funding will allow these regions to break into the group of *“innovation centers”*. The closest to achieving this result is the Republic of Tatarstan.

The group *“Old R&D regions”* mainly concentrates on regions with old science cities and research institute centers (Novosibirsk administrative region, Samara administrative region, Sverdlovsk administrative region, Tomsk administrative region, etc.). As the direct heirs to the planned Soviet economy, where a statist type of patent policy was implemented, these regions are hard enough to move to a partnership type (model) of patent policy. Obviously, these regions also face the type of patent policy oriented towards research institutes. Modernization of research institutes, determination of priorities for research activities, and additional funding from the federal center will unlock the potential of many regions of this cluster and increase investment attractiveness for registering patents and companies.

“Outsiders” are the largest group of regions. These are regions facing such problems as: low investment attractiveness, the presence of formal and informal bureaucratic barriers to patent registration, relatively low levels of socio-economic development in general, proximity to *“leaders”* and *“innovation centers”*, etc. Based on the specialization of the region, it is important for this group to correctly determine and formalize the regional patent policy.

All regions cannot be potential innovation centers due to regional division of labor and specialization. The presence of an *“outsiders”* cluster is a natural situation in the economy of any country. However, in Russia, the absolute majority of regions (61 regions) found themselves in this group, with a huge gap even from the regions of the *“Old R&D regions”* cluster. This highlights the significance for many regions of this cluster to create or radically revise the innovation development strategy and the regional patent policy: determination of need for effective mechanisms to support patent activity, transition to an active patent policy.

This is especially important since many regions of this cluster either do not have a regulatory framework for planning innovative development in the region (for example, strategies for innovative development or a section for innovative development

in the overall strategy for socio-economic development) (e.g. Omsk administrative region, Astrakhan administrative region, Kaliningrad administrative region, Oryol region, Sevastopol, Pskov region, Novgorod region, Karachay-Cherkess Republic, Republic of Kalmykia, Jewish Autonomous Region, Republic of Adygea, Altai Republic, Nenets autonomous district, Chukotka autonomous district, etc.) or their regulatory framework is not sufficiently ramified (e.g. Smolensk administrative region, Yamalo-Nenets autonomous district, Republic of Dagestan, Republic of Khakassia, Kamchatka administrative territory, etc.)²².

We assume that at the initial stage of patent policy formation in these regions, the startup-oriented type can increase patent activity in general. However, this patent policy type can lead to the flow of patented utility models and inventions to the large companies located in the “Innovation centers” cluster due to the low socio-economic indicators of the “Regions-outsiders”. This may cause issues in the future innovative development and investment attractiveness of these regions.

The statistical analysis of time series demonstrates high inequality among regions in terms of patent activity: 4 leading regions (Moscow autonomous city, Saint-Petersburg autonomous city, Moscow administrative region, Republic of Tatarstan, Sverdlovsk administrative region) issue more patents than the remaining 81 regions (10949 and 10780), at the same time, most regions (66 regions) in terms of patent activity do not reach the Russian average level (255 patents). This indicates that innovation and technological activity is concentrated in several developed regions and is almost completely absent in economically backward regions of the Russian Federation [25; 26]. We also found a relatively stable downward trend in both issued patents and patent applications over the past 10 years. At the same time, the approval rate of patent applications over the past 10 years does not have a clear trend toward growth or decline.

Based on the results of the regression analysis, we were able to refute and confirm several hypotheses about the influence of indicators on regional patent activity. Thus, we were able to statistically confirm the hypothesis, based on the theoretical principles of Romer’s economic growth model, that human capital has a decisive influence on patent activity. In addition, it was revealed that an increase in internal spending by organizations on research and development also leads to an increase in patent activity in the region. The share of technological organizations in the region (the I-activity level) has a statistically significant positive impact on regional patent activity.

We were also able to confirm the hypothesis about the impact of digitalization on the growth of patent activity in the region. We also tested the correlation between the Digitalization Index, calculated by the HSE based on the share of organizations using digital technologies in the total number of organizations²³. In this case, the Pearson correlation was significant ($r \approx 0.416$). Therefore, the hypothesis about the impact of regional digitalization on patent activity can be confirmed. However, the authors admit the importance of a more detailed analysis of this hypothesis in future research projects and studies.

²² Abashkin V., Abdрахmanova G., Bredikhin S., Gokhberg L. [Russian Regional Innovation Scoreboard. Issue 7]. Moscow: HSE University; 2021. p. 56–58. (In Russ.) Available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/492403134.pdf> (accessed 08.08.2023).

²³ Abdрахmanova G., Demidkina O., Demyanova A., et al. Digital Economy Indicators in the Russian Federation.

In this study, we also theorized and conceptualized issues of regional and state patent policy: the authors' definitions of these concepts and typology were proposed. Thus, the authors define *the regional patent policy* as strategic actions and decisions applied at the regional level, aimed at managing and developing the patent system, as well as stimulating innovation and patent activity in this region. *The national patent policy* is determined through a system of norms, rules and measures adopted and regulated by the government to manage patents and intellectual property in order to stimulate innovation, protect the rights of inventors (their intellectual property) and ensure the public interest.

Moreover, we cluster regions of Russia by patent activity: The Leader, Innovation centers, Regions of high manufacturability, Old R&D regions, and Regions-outsiders. Applying the regional patent policy concept, we identified for each cluster the main directions and possible types of regional patent policy. Thus, for the "The Leader" and "Innovation centers" clusters, a scenario of a restraining (protective) regional patent policy is possible, since it will improve the quality of registered patents. An active and stimulating patent policy should be common to the rest of the clusters: financial support and stimulation of registration of large companies and inventions in their regions, and not their outflow to the "Innovation centers" group. For the "Outsiders" cluster, it is extremely important to create a regulatory framework for planning innovative development in the region: strategies for innovative development, strategies for digital development of the region, or a section of innovative development in the overall strategy of socio-economic development. The danger for this cluster of using a startup-oriented patent policy is emphasized due to the risks of patents being bought out by large companies in developed regions of Russia due to the low socio-economic indicators of outsider regions

In conclusion, the overconcentration of regional patent activity in 4 subjects of the federation raises the issue of finding solutions to this problem for the regions- outsiders. In this context, further research and systematization in the field of the theory of national and, in particular, regional patent policy in line with not only the normative (legal) approach, but also from the point of view of modern political economy, acquire particular significance.

REFERENCES

1. Balash V., Balash O., Faizliev A., Chistopolskaya E. Economic Growth Patterns: Spatial Econometric Analysis for Russian Regions. *Information*. 2020;11(6):289–308. <https://doi.org/10.3390/info11060289>
2. Kazantsev K. Formation of the Knowledge Economy in Russia: The Role of University Science. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020;953:012056. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/953/1/012056>
3. Popov E.V., Strielkowski W., Vlasov M.V. Digitalization of Intellectual Activity in Russian Regions. *The Manager*. 2020;11(1):24–32. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-1-3>
4. Nikonova M.A. Innovative Activity in Russian Regions. *Federalism*. 2019;(2):5–19. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-2-5-19>
5. Gadzhiev J.A. Analysis of Patent Activity in the Northern Regions of Russia. *Sciences of Europe*. 2016;2(8):64–69. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.europe-science.com/wp-content/uploads/2020/10/VOL-2-No-8-8-2016.pdf> (accessed 25.07.2023).

6. Domnich Y.L. Patent Statistics as a Measure of Economy of Science and Innovation in the Regions of Russia. *Innovatsii*. 2013;(5):92–95. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://maginnov.ru/assets/files/volumes/2013.05/patentnaya-statistika-kak-izmeritel-ekonomiki-nauki-i-innovacij-v-regionah-rossii.pdf> (accessed 25.10.2023).
7. Aldieri L., Kotsemir M., Vinci C.P. The Role of Labour Migration Inflows on R&D and Innovation Activity: Evidence from Russian Regions. *Foresight*. 2020;22(4):437–468. <https://doi.org/10.1108/FS-03-2020-0035>
8. Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of Regional Innovation in Russia: Are People or Capital More Important? *Foresight and STI Governance*. 2016;10(2):29–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.2.29.42>
9. Degtyareva T.D. Regions Patent Activity as the Factor of Innovative Economy Development. *Intellect. Innovations. Investments*. 2017;(1):4–10. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://intellekt-izdanie.osu.ru/arch/1_2017_postranichno.pdf (accessed 25.10.2023).
10. Ilina I.E., Zolotykh N.I., Bitkina I.V. Patent Activity of the Region as a Driver of Development of the Russian Economy. *Science Governance and Scientometrics*. 2022;17(1):10–36. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sie-journal.ru/patentnaya-aktivnost-regiona-kak-drajver-razvitiya-ekonomiki> (accessed 25.10.2023).
11. Aganbegyan A. [Lessons of the Crisis: Russia Needs Modernization and Innovative Economy]. *EKO*. 2010;(1):34–61. (In Russ.) Available at: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/3078> (accessed 25.10.2023).
12. Granberg A.G. The Strategy of Territorial Social and Economic Development of Russia: from Idea to Implementation. *Voprosy ekonomiki*. 2001;(9):15–28. (In Russ.) Available at: http://old.vopreco.ru/rus/archive.files/n9_2001.html (accessed 25.10.2023).
13. Doloreux D., Parto S. Regional Innovation Systems: Current Discourse and Unresolved Issues. *Technology in Society*. 2005;27(2):133–153. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2005.01.002>
14. Sviridova I.A., Shadrin A.V., Patrakova L.P. [Classical University in the System of Regional Innovation Policy]. *Mining Informational and Analytical Bulletin*. 2008;(12):45–53. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskij-universitet-v-sisteme-regionalnoy-innovatsionnoy-politiki> (accessed 10.01.2024).
15. Firsova A., Chernyshova G. Efficiency Analysis of Regional Innovation Development Based on DEA Malmquist Index. *Information*. 2020;11(6):294. <https://doi.org/10.3390/info11060294>
16. Lysenkova M., Afanasiev M. Comparative Analysis of Regional Innovative Development Indexes in the Space of Expert-defined Characteristics of Regional Differentiation. *SHS Web of Conferences EDP Sciences*. 2021;93:05002. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219305002>
17. Karelina M.G. Innovation Activity of the Russian Regions: Measurement Problems and the Econometric Approach. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2015;13(21):14–24. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=65931> (accessed 25.10.2023).
18. Digilina O., Teslenko I. Regional Innovation System: Establishment Experience and Development Prospectives. *Regional Economy: Theory and Practice*. 2013;(22):2–7. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://srn.com/abstract=2284186> (accessed 25.10.2023).
19. Gromova D.V. Government Regulations of Patenting in Japan in 1990–2020 Years. *Orientalist*. 2021;(1):24–32. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://core.ac.uk/download/527732174.pdf> (accessed 25.10.2023).
20. Dinopoulos E., Kottaridi C. The Growth Effects of National Patent Policies. *Review of International Economics*. 2008;16(3):499–515. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2008.00742.x>
21. Chu A.C. Effects of Patent Policy on Income and Consumption Inequality in a R&D Growth Model. *Southern Economic Journal*. 2010;77(2):336–350. <https://doi.org/10.4284/sej.2010.77.2.336>
22. Rodionov D., Velichenkova D. Relation between Russian Universities and Regional Innovation Development. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2020;6(4):118. <https://doi.org/10.3390/joitmc6040118>
23. Tereshchenko D.S., Shcherbakov V.S. The Impact of Scientific Activity of Universities on Economic and Innovative Development. *Economy of Regions*. 2021;17(1):223–234. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-17>
24. Popp Berman E. Why did Universities Start Patenting? Institution-Building and the Road to the Bayh-Dole Act. *Social Studies of Science*. 2008;38(6):835–871. <https://doi.org/10.1177/0306312708098605>

25. Preobrazhenskiy Y.V., Firsova A.A., Muzhenskiy A.D. Spatial Inequality of Innovation Development in Russia. *WSEAS Transactions on Environment and Development*. 2020;16:530–538. <https://doi.org/10.37394/232015.2020.16.54>
26. Yanovskaya O., Kulagina N., Logacheva N. Digital Inequality of Russian Regions. *Sustainable Development and Engineering Economics*. 2022;(1):77–98. <https://doi.org/10.48554/SDEE.2022.1.5>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Economic Growth Patterns: Spatial Econometric Analysis for Russian Regions / V. Balash [et al.] // *Information*. 2020. Vol. 11, issue 6. Pp. 289–308. <https://doi.org/10.3390/info11060289>
2. Kazantsev K. Formation of the Knowledge Economy in Russia: The Role of University Science // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020. Vol. 953. Article no. 012056. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/953/1/012056>
3. Попов Е. В., Стриелковски В., Власов М. В. Цифровизация интеллектуальной деятельности российских регионов // *Управленец*. 2020. Т. 11, № 1. С. 24–32. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-1-3>
4. Никонова М. А. Инновационная активность в регионах России // *Федерализм*. 2019. № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-2-5-19>
5. Гаджиев Ю. А. Анализ патентной активности северных регионов России // *Sciences of Europe*. 2016. Т. 2, № 8. С. 64–69. URL: <https://www.europe-science.com/wp-content/uploads/2020/10/VOL-2-No-8-8-2016.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Домнич Е. Л. Патентная статистика как измеритель экономики науки и инноваций в регионах России // *Инновации*. 2013. № 5. С. 92–95. URL: <https://maginnov.ru/assets/files/volumes/2013.05/patentnaya-statistika-kak-izmeritel-ekonomiki-nauki-i-innovacij-v-regionah-rossii.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).
7. Aldieri L., Kotsemir M., Vinci C. P. The Role of Labour Migration Inflows on R&D and Innovation Activity: Evidence from Russian Regions // *Foresight*. 2020. Vol. 22, issue 4. Pp. 437–468. <https://doi.org/10.1108/FS-03-2020-0035>
8. Факторы инновационной активности регионов России: что важнее – человек или капитал? / С. Земцов [и др.] // *Форсайт*. 2016. Т. 10, № 2. С. 29–42. <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.2.29.42>
9. Дегтярева Т. Д. Патентная активность регионов как фактор развития инновационной экономики // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2017. № 1. С. 4–10. URL: http://intellekt-izdanie.osu.ru/arch/1_2017_postranichno.pdf (дата обращения: 25.10.2023).
10. Ильина И. Е., Золотых Н. И., Биткина И. В. Патентная активность региона как драйвер развития экономики России // *Управление наукой и наукометрия*. 2022. Т. 17, № 1. С. 10–36. URL: <https://sie-journal.ru/patentnaya-aktivnost-regiona-kak-drajver-razvitiya-ekonomiki> (дата обращения: 25.10.2023).
11. Аганбегян А. Уроки кризиса: России нужна модернизация и инновационная экономика // *ЭКО (Экономика и организация)*. 2010. № 1. С. 34–61. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/3078> (дата обращения: 25.10.2023).
12. Гранберг А. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // *Вопросы экономики*. 2001. № 9. С. 15–28. URL: http://old.vopreco.ru/rus/archive.files/n9_2001.html (дата обращения: 25.10.2023).
13. Doloreux D., Parto S. Regional Innovation Systems: Current Discourse and Unresolved Issues // *Technology in Society*. 2005. Vol. 27, issue 2. Pp. 133–153. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2005.01.002>
14. Свиридова И. А., Шадрин А. В., Патракова Л. П. Классический университет в системе региональной инновационной политики // *Горный информационно-аналитический бюллетень*. 2008. № 12. С. 45–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskiy-universitet-v-sisteme-regionalnnoy-innovatsionnoy-politiki> (дата обращения: 10.01.2024).
15. Firsova A., Chernyshova G. Efficiency Analysis of Regional Innovation Development Based on DEA Malmquist Index // *Information*. 2020. Vol. 11, issue 6. Article no. 294. <https://doi.org/10.3390/info11060294>
16. Lysenkova M., Afanasiev M. Comparative Analysis of Regional Innovative Development Indexes in the Space of Expert-defined Characteristics of Regional Differentiation // *SHS Web of Conferences EDP Sciences*. 2021. Vol. 93, article no. 05002. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219305002>

17. Карелина М. Г. Инновационная активность российских регионов: проблемы измерения и эконометрический подход // Региональная экономика: теория и практика. 2015. Т. 13, № 21. С. 14–24. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=65931> (дата обращения: 25.10.2023).

18. Дигилина О. Б., Тесленко И. Б. Региональная инновационная система: опыт становления и перспективы развития // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 22. С. 2–7. URL: <https://ssrn.com/abstract=2284186> (дата обращения: 25.10.2023).

19. Громова Д. В. Политика государственного регулирования сферы патентования в Японии в 1990–2020-е гг. // Ориенталист. 2021. Вып. 1. С. 24–32. URL: <https://core.ac.uk/download/527732174.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

20. Dinopoulos E., Kottaridi C. The Growth Effects of National Patent Policies // Review of International Economics. 2008. Vol. 16, issue 3. Pp. 499–515. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9396.2008.00742.x>

21. Chu A. C. Effects of Patent Policy on Income and Consumption Inequality in a R&D Growth Model // Southern Economic Journal. 2010. Vol. 77, issue 2. Pp. 336–350. <https://doi.org/10.4284/sej.2010.77.2.336>

22. Rodionov D., Velichenkova D. Relation between Russian Universities and Regional Innovation Development // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2020. Vol. 6, issue 4. Article no. 118. <https://doi.org/10.3390/joitmc6040118>

23. Tereshchenko D. S., Shcherbakov V. S. The Impact of Scientific Activity of Universities on Economic and Innovative Development // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 1. С. 223–234. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-17>

24. Popp Berman E. Why did Universities Start Patenting? Institution-building and the Road to the Bayh-Dole Act // Social Studies of Science. 2008. Vol. 38, issue 6. Pp. 835–871. <https://doi.org/10.1177/0306312708098605>

25. Preobrazhenskiy Y. V., Firsova A. A., Muzhenskiy A. D. Spatial Inequality of Innovation Development in Russia // WSEAS Transactions on Environment and Development. 2020. Vol. 16. Pp. 530–538. <https://doi.org/10.37394/232015.2020.16.54>

26. Yanovskaya O., Kulagina N., Logacheva N. Digital Inequality of Russian Regions // Sustainable Development and Engineering Economics. 2022. Issue 1. Pp. 77–98. <https://doi.org/10.48554/SDEE.2022.1.5>

About the authors:

Vadim Yu. Pashkus, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Chair of Economic Theory and Economic Policy, Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9512-3585>, Researcher ID: N-1291-2015, Scopus ID: 56610350300, v.pashkus@spbu.ru

Vitaly Terekhov, Ph.D. (Econ.), Professor of Marianopolis College (4873 Westmount Ave., Westmount Quebec H3Y 1X9, Canada), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5015-3555>, vitaly1756@gmail.com

Maksim Yu. Shcheglov, Master Student, Faculty of Economics, Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1388-520X>, max7774447@gmail.com

Andrei V. Koshkin, 1st Category Economist of the Monetary Policy Communication Sector of the Economic Directorate of the North-Western Main Directorate of The Central Bank of the Russian Federation (12 Neglinnaya St., Moscow 107016, Russian Federation), Postgraduate Student, Faculty of Economics, Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9942-7722>, Researcher ID: AEE-3953-2022, Scopus ID: 57822247100, a.koshkin@spbu.ru

Contribution of the authors:

V. Yu. Pashkus – conceptualization; provision of resources; project administrator; scientific guidance.

V. Terekhov – conceptualization; research methodology; data collection.

M. Yu. Shcheglov – conceptualization; research methodology; data curation; formal data analysis; manuscript drafting; data visualization.

A. V. Koshkin – conceptualization; research methodology; data collection.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 27.10.2023; revised 07.12.2023; accepted 19.12.2023.

Об авторах:

Вадим Юрьевич Пашкус, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9512-3585>, Researcher ID: N-1291-2015, Scopus ID: 56610350300, v.pashkus@spbu.ru

Виталий Терехов, кандидат экономических наук, профессор Марианополис Колледжа (НЗУ 1X9, Канада, Квебек, Уэстмаунт, Уэстмаунт-авеню, д. 4873), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5015-3555>, vityaly1756@gmail.com

Максим Юрьевич Щеглов, магистрант экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1388-520X>, max7774447@gmail.com

Андрей Вячеславович Кошкин, экономист 1-й категории Сектора коммуникации денежно-кредитной политики Экономического управления Северо-Западного главного управления Центрального банка Российской Федерации (107016, Российская Федерация, г. Москва, ул. Неглинная, д. 12), аспирант экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9942-7722>, Researcher ID: AEE-3953-2022, Scopus ID: 57822247100, a.koshkin@spbu.ru

Заявленный вклад авторов:

В. Ю. Пашкус – изучение концепции; обеспечение ресурсами; администратор проекта; научное руководство.

В. Терехов – изучение концепции; методология исследования; сбор данных и доказательств.

М. Ю. Щеглов – изучение концепции; методология исследования; курирование данных; формализованный анализ данных; написание первоначального варианта текста; визуализация данных.

А. В. Кошкин – изучение концепции; методология исследования; сбор данных и доказательств.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.10.2023; одобрена после рецензирования 07.12.2023; принята к публикации 19.12.2023.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.263-277

УДК 349.24-055.2:314.7

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Working Conditions and Occupational Risks of Migrant Women (CTM Textile Factory Case Study)

B. Jasrotia^a

R. Sharma^b ✉

^a Khalsa College (Amritsar, India)

^b Guru Nanak Dev University (Amritsar, India)

✉ rachana.sociology@gndu.ac.in

Abstract

Introduction. Gender inequality in the workplace is not a new phenomenon, yet gender differences in working conditions and women's involvement in the workplace are poorly understood. Women are often discriminated against in the workplace and their working conditions and wages are substandard. On their own, they are not always able to improve their working and social life and achieve better protection at work. This study aims to explore the working conditions and risks faced by migrant women working in one of the oldest and largest STM textile factories in Jammu and Kashmir, India.

Materials and Methods. The purposive sample consisted of 240 migrant women from the STM textile factory. They were interviewed in four work colonies and outer residential areas through a series of interviews. The study utilizes mixed methods – quantitative and qualitative. Observation, interview series were used to quantify the data and provide detailed qualitative information.

Results. It was found that there were cases of injuries at work reported by the migrant women workers at CTM. Only in a few of the serious cases employees were monetarily compensated. Not all employees are provided with the essential protection kits for dealing with the hazardous chemicals and toxins therefore poor health, ailments and sores, fatigue, cramps were majorly reported by the respondents. Discrimination on the basis of gender, conditions of harassment, physical violence and other workplace hazards to mental, emotional, and physical health were reported by the migrant women workers.

Discussion and Conclusion. The authors concluded that migrant women continue to work in hazardous conditions, putting their health at risk and becoming victims of exploitation. The findings underscore the need for inclusive policies and interventions, as well as a reassessment of existing labour practices, to address issues that contribute to the vulnerability of migrant workers. The article's contributions will be useful to regional authorities, labour and women's rights advocates who are interested in addressing the specific challenges of this vulnerable group. This empirical study may benefit scholars interested in the topics of gender, migration, and working conditions.

Keywords: women migrants, working conditions of women migrants, gender discrimination, women's occupational risks

© Jasrotia B., Sharma R., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgement. The authors would like to thank all female respondents for participating in the study and for sharing their personal experiences. The authors also thank the reviewers for their valuable comments, which improved the quality of the manuscript.

For citation: Jasrotia B., Sharma R. Working Conditions and Occupational Risks of Migrant Women (STM Textile Factory Case Study). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):263–277. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.263-277>

Условия труда и профессиональные риски женщин-мигрантов (на примере текстильной фабрики СТМ)

Б. Джасротия¹, Р. Шарма² ✉

¹ Колледж Халза (г. Амритсар, Индия)

² Университет Гуру Нанак Дев (г. Амритсар, Индия)

✉ rachana.sociology@ndu.ac.in

Аннотация

Введение. Гендерное неравенство на рабочем месте – явление не новое, тем не менее гендерные различия в условиях труда и вовлеченности женщин в производственную деятельность мало изучены. Женщины часто подвергаются дискриминации на работе, их условия труда и заработная плата не соответствуют нормам. Самостоятельно они не всегда способны улучшить свою трудовую и социальную жизнь и добиться повышения уровня защиты на производстве. Цель исследования – изучить условия труда и риски, с которыми сталкиваются женщины-мигранты, работающие на одной из старейших и крупнейших текстильных фабрик СТМ в Джамму и Кашмире (Индия).

Материалы и методы. Целенаправленная выборка включала 240 женщин-мигрантов с текстильной фабрики СТМ. Они были опрошены в четырех рабочих колониях и внешних жилых районах с помощью серии интервью. В исследовании используются смешанные методы – количественные и качественные. Наблюдение, серия интервью применялись для количественной оценки данных и предоставления детальной качественной информации.

Результаты исследования. Анализ ответов женщин свидетельствует, что условия труда на фабрике СТМ не соответствуют международным нормам: отмечались случаи травматизма, отсутствие денежной компенсации за них, не все работницы обеспечены необходимыми средствами защиты для работы с опасными химическими веществами и токсинами, поэтому сообщают о плохом самочувствии, недомоганиях, язвах, усталости и судорогах. Выявлено, что женщины-мигранты подвергаются дискриминации по половому признаку, преследованиям, физическому насилию. Определены также и другие факторы, угрожающие психическому, эмоциональному и физическому здоровью на рабочем месте.

Обсуждение и заключение. Авторы пришли к выводу, что женщины-мигранты продолжают работать в неподобающих условиях, подвергая свое здоровье опасности и становясь жертвами эксплуатации. Полученные результаты подчеркивают необходимость проведения инклюзивной политики и вмешательства, а также переоценки существующей трудовой практики для решения проблем, которые способствуют уязвимости трудящихся-мигрантов. Материалы статьи будут полезны региональным властям, защитникам прав трудящихся и женщин, которые заинтересованы в решении конкретных проблем этой уязвимой группы населения. Данное эмпирическое исследование может принести пользу ученым, интересующимся темами гендера, миграции, условиями труда.

Ключевые слова: женщины-мигранты, условия труда женщин-мигрантов, дискриминация по половому признаку, профессиональные риски женщин

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность всем женщинам-респондентам за участие в исследовании и за то, что они поделились своим личным опытом. Также авторы благодарят рецензентов за ценные замечания, которые позволили улучшить качество текста.

Для цитирования: Джасротия Б., Шарма Р. Условия труда и профессиональные риски женщин-мигрантов (на примере текстильной фабрики СТМ) // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2. С. 263–277. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.263-277>

Introduction. The study of migrant women workers in developing countries and their employment conditions and occupational hazards is of a great relevance as the issues of gender dynamics intersect with labour migration patterns. Although, the employment scenario in India is transforming yet issues of women's employment remain complex and deeply entrenched in social-cultural norms, economic structures and is mentally dominated by historically formed conditions such as caste.

Gender inequalities at the workplace are not new nonetheless, gender differences in working conditions and engagement of women in industrial settings is little known. Although women's participation in the industrial sector has increased compared to past decades, factory and industrial work is seen as 'men's work' and 'men's space'. If one looks at the history of women's participation in industry in India, we have accounts from the colonial period, which reflect the engagement of women in British industry especially in Bengal and Surat with women filling up some few masculine roles, doing same work and risks, leading to their exploitation and vulnerability. The trend continues in the post-independent period as well. The number of women in industry is increasing slowly, with women being confined to less masculine or major roles. The history of women's participation in industry/factories demonstrates that women are routinely discriminated against at work, are underpaid and work in poor conditions. With no agency of their own they are hardly able to improvise their work-lives and social lives and succeed in enhancing protection benefits for themselves.

According to '*Women in The Informal Economy*' report India's informal sector, which employs nearly 90% of its labour force, constitute of the 9.6 crore women who are involved in wide range of activities and contribute to the national economy as 'invisible labour'¹. Migrant women workers are largely engaged in the informal or semi-formal economy with a large absorption in the construction sector (nearly 15–20%), domestic work (80%), garment and textile (60–70%), agriculture (30%) and various other informal activities.

The key objective of this paper is to examine the workplace vulnerabilities, risks and occupational health hazards that migrant women workers face while working at CTM.

Occupational Hazards. Occupational hazards have been defined as any form of long- or short-term dangers/ risks associated with unhealthy workplace environments [1] and pose health and safety risks not only to individuals but also impacts the economy and organizations at large. Occupational Safety and Health Administration (OSHA)² identifies 6 categories of occupational hazards: safety, chemical, biological, physical, ergonomic, work organization hazards.

¹ Singh S. In India's Informal Economy, Crores of Women Face Gender Bias and Insecurity. 2021. Available at: <https://scroll.in/article/990984/in-indias-informal-economy-crores-of-women-face-gender-bias-and-insecurity> (accessed 26.01.2024).

² Shaw G. Occupational Hazards: An Overview. July 03, 2023. Available at: <https://www.webmd.com/a-to-z-guides/occupational-hazards> (accessed 26.01.2024).

Studies of women workers in developing countries point out that women largely ignore their health and other personal concerns³ and succumb to exploitative conditions for living. Researches on labour migration sensitise us on the plight of the migrant workers who are exposed to a variety of occupational hazards, suffer from work related problems, diseases, disorders, psycho-social stresses and are injured or die because of accidents at work. They also inform us that women are more vulnerable to such dangers and vulnerabilities at work, and are more likely to make concessions at work and in their personal life, leave their positions, and be subjected to harassment.

M. Nihila revealed that women workers in India work in precarious conditions which have adverse effects on their health [2; 3]. Similarly, long working hours, absence of leave facilities, overcrowded and harsh working conditions affect the health of women workers [4]. P. Majumder emphasised that women workers face a double burden of work for wages⁴. Due to the overburden of work women workers do not get enough time for rest which leads to continuous fatigue, headache, back ache and sometimes fever too. S. Pathy finds out that due to shortage of time and long working hours, women generally neglect their health and mostly suffer from severe backache, dwindling of eye sight, mental and physical strain and other regular health issues such as cold, fever, jaundice, gastroenteritis and anaemia⁵. Furthermore, it was also found that due to the unaffordability and lack of knowledge women workers ignore reproductive health which results in permanent sterility and chronic pelvic inflammatory diseases⁶. A. Hogh and E. Viitasara elaborated that work place violence adversely affects the health of women workers such as poor mental health, fatigue and many more [5]. Therefore, the occupational hazards vary from the nature of activities, sectors women workers are involved in. Similar is observed in A. Biswas's et al. review of fifty-eight studies on 'Sex and Gender Differences in Occupational Hazard Exposures' concluded that men and women face different occupational hazards, and these differences may not only be due to the gender distribution of the labour force by occupation [6].

Although, the central Government and State Governments have enacted various acts and rules to safeguard the rights of the workers. The Factory Act 1948 (India) provides a list of provisions under various sections such as working environment of the workers should be clean and hygienic with proper ventilation and temperature, in case of dust and fumes employers should install exhaust appliances, no overcrowding, facility of drinking water, separate latrines and toilets for male and female workers and spittoons at workplaces (www.labour.gov.in). Yet, workers engaged in the informal sector become victims of occupational hazards.

Migrant Women Workers in Chenab Textile Mill (J&K). Migration inflow in Jammu and Kashmir has increased in the last two decades, despite the limited growth of large-scale industries especially in Kashmir region and development of the industrial sector in the plain areas of Jammu region. The first industrial policy of UT

³ Pathy S. Political Economy of Female Migrant Labour: A Case of Jari Workers in Surat. In: Bal G., editor. Contemporary Gender Issues: Identity, Status and Empowerment. Jaipur: Rawat Publications; 2016.

⁴ Majumder P. Health Impact of Women's Wage Employment: A Case Study of the Garment Industry of Bangladesh. The Bangladesh Development Studies; 1996. p. 59–102.

⁵ Pathy S. Political Economy of Female Migrant Labour: A Case of Jari Workers in Surat.

⁶ Majumder P. Health Impact of Women's Wage Employment: A Case Study of the Garment Industry of Bangladesh.

of Jammu and Kashmir was announced in 1995 and then in 1998 and a comprehensive industrial policy for J&K was announced in 2004 and later in 2016. As a result, the industrial sector in the Union Territory (UT) is rapidly developing. Presently, there are approximately 25000 micro, small and medium enterprises in the UT that contribute to around 60 per cent of the total investment. Industrial activity is concentrated largely in three districts i.e., Jammu, Samba and Kathua of Jammu division. Census 2011 reveals that there are 28,09,629 million migrants from the states of Bihar, Uttar Pradesh, West Bengal, Madhya Pradesh, Rajasthan, Punjab and Haryana in Jammu and Kashmir⁷. The availability of work and high wages in Kashmir valley and the relatively secure and semi-permanent jobs in industries of Jammu attract labourers towards this region⁸ [7]. Migrant men and women are engaged in both organized and unorganized sectors in J&K.

The dynamics of migration and conditions of migrants in Jammu and Kashmir region is largely undocumented as a very limited number of studies are available, hence this research was conducted in J&K. Most of these studies have been conducted on migrants in Kashmir rather than Jammu and whatever small number of studies pertaining to Jammu region highlight the basic issues of migrant women workers in the unorganised sector and there is no significant work done till date on the migrant women working in the organised sector in Jammu Division. Hence, this research has been conducted on the migrant women workers working in one of the largest organised units i.e., Chenab Textile Mill of Kathua District of Jammu.

Chenab textile mill is the largest and oldest industry (1961) of Union Territory (UT) of Jammu and Kashmir. Not only in the UT but also in Asia it is the largest single automatic mill which produces cotton yarn, textile yarn, dyed yarn, polyester yarn and acrylic yarn and exports its diversified products to large scale companies in India as well in foreign countries. The yarn manufacturing process involves about 13 steps and operations on several machines. The mill produces natural fibre and man-made fibre yarns. CTM currently employs more than 10,000 workers and around 1,000 staff members. A considerable number of migrant women workers, nearly 1266 (as per the factory record) are working as regular workers and casual workers (not on fixed term basis) since several years in CTM. There are many hazards at work that ladies in various jobs and machinery face on a regular basis. Despite the fact that CTM is the largest and oldest factory, no study has been conducted on the working conditions of workers, particularly migrant women workers, in such a large organised unit.

Literature Review. There are many review and meta-analysis articles written on occupational health and prevalence of violence against women workers in industrial settings both at international level as well as in India. However, there is a dearth of actual empirical works on the status of women workers in industrial settings and most of the research is very old (although they do not appear out-dated as not much significant changes have been noticed in the quality of work life in the industrial settings). Most of the works available are confined to Bangladesh, India and China.

⁷ Masoodi N. Terrorists Fire at Migrant Workers in Srinagar, 6th Attack in a Month. 2022. Available at: <https://www.ndtv.com/india-news/terrorists-fire-at-migrant-workers-in-srinagar-6th-attack-in-a-month-2911847> (accessed 26.01.2024).

⁸ Ibid.

S. I. Hasan et al. in his study provides an overview of the mental health outcomes among migrant workers in his meta-analysis of research from 2015 to 2021 [8]. Along With many other factors he also studies occupational factors (workplace psychosocial stressors, poor working conditions, salary and benefits issues, abuse) that impact mental health outcomes in migrant workers. Likewise, G. D. Brown also examines income disparities, working risks, disproportionate impact of gender-based violence and harassment on women workers in garment manufacturing units [9]. L. Miles et al., uses feminist lens to document how factory women migrant workers manage health needs in Malaysia [10]. Similarly, A. Gibbs's in his research on workplace violence in Bangladesh's garment industry brings out experiences of workplace violence (WVP) and its association with depression, intimate partner violence, and other struggles faced by the women workers [11].

Ch. Gannagé studies the worsening conditions of work, health and safety concerns of immigrant women workers in Toronto's sportswear industry with the adoption of new Government and Managerial Strategies [12]. R. Fincher et al. writes in their paper series about the gendered experience of industrial labour. According to them, manufacturing labour in Australia is seen differently by immigrant men and women. They point out that women have greater levels of industrial segregation and occupational immobility⁹. Also, the types of training that women and men get after arriving in Australia, including language and job-related training and credentials, differ by gender. E. Küçük studied the health perception and lifestyle behaviour of female workers in food factory and found 20.9% as smokers, 36% slightly overweight and having average HLSB score at a medium level [13] in her work on the new class of workers, the Dagongmei, or working girls in factories (electronics factory in southern China's Guangdong province) of China.

P. Ngai in his research discusses the workplace resistance and transgression concluding that chronic pains such as backaches and headaches that many of the women experience are as indicative of resistance to oppressive working conditions as they are of defeat [14]. S. Moyce and M. Schenekar discusses the occupational health and safety of migrant workers [15]. He calls their works as 3-D jobs—dirty, dangerous, and demanding (sometimes degrading or demeaning). Also, the War on Wants report examines the common story of the insecure lives of female migrant workers in Thailand, Cambodia, and Malaysia, as well as the abuse and exploitation they experience at the hands of unscrupulous employers¹⁰.

In the context of India, following studies were found related to the situation of women workers in industrial settings. P. Verma and S. Agarwal's study on the dangers that migrant workers experience in Lucknow's informal sector brings out the problems of musculoskeletal disorders, respiratory issues, and slips while working in factories [16]. S. Saima et al. investigate the health-related empowerment of 25 female workers in Sri Lanka's export-processing sectors [17]. The findings of this study show that, while the women workers at Katunayake EPZ were suffering from various types of physical and psychological health problems, there was a substantial variation in how

⁹ Fincher R., Webber M., Campbell I. Immigrant Women in Manufacturing Work. Centre for Multicultural Studies. University of Wollongong. Occasional Paper 25. 1991;34. Available at: <https://ro.uow.edu.au/cmsocpapers/25> (accessed 26.01.2024).

¹⁰ War on Want. Restricted Rights. Migrant Women Workers in Thailand, Cambodia and Malaysia. Available at: <https://waronwant.org/sites/default/files/Restricted%20Rights.pdf> (accessed 26.01.2024).

they decided to deal with their health issues. Taking sick leave and investing in a better socioeconomic position in the future are two factors used to assess the empowerment of female EPZ employees. Another cross sectional descriptive study by V. Karvadi et al. on the health conditions of women working in garment in Bengaluru city inferred that musculoskeletal problems were the most common problems present among the study participants as they worked in standing posture for a longer time [18]. A. Mishra et al., also writes about the issue of work/labour, gender, and health and how work processes and conditions affect both their physical and mental wellbeing that gets manifested in somatic symptoms including chronic pain, irregular menstruation and constant pressure on the mind and body [19]. R. Lakhani et al. evaluate the frequencies of occupational health issues among women workers in the construction sector [20]. Respondents reported headaches and backaches, as well as limb pain, work-related injuries, respiratory, eye, and skin disorders, and noise-induced hearing loss (NIHL) as a result of exposure to hazards such as dust, noise, heat and cold, non-ionising radiation, and dry cement, glass and adhesives, tar, and paint.

Hence, on the basis of the review of the secondary literature following may be drawn:

a) several academics have reported on the social and economic precocity of women workers, the dangerous operation of industries, and the inadequate execution of safety regulations. Because many companies pay low salaries and often do not need heavy lifting owing to automation, women are increasingly engaged in the industrial environment at low-level positions;

b) violence against women in India's factories is not well recorded, although it is a common occurrence in the lives of women who work in these industries. Young women, particularly single women, are especially exposed to assaults by their superiors. While reviewing the literature, incidences of 'death' and 'sexual assaults' were noted in some of the most prominent global brands and companies which point out that it is easy for even the prestigious companies to save their shoulder when it comes to violations of rights of their workers.

Materials and Methods. For meeting key objective, 240 women migrant workers from CTM, Kathua (J&K) were interviewed from the workers colonies: CTM labour colony (336 total), and colonies outside the factory i.e., Rishi Nagar (90 total), Chaudhary Colony (110 total), Chak Ram Singh (95 total), Ram Nagar (82 total). Thirty respondents were selected from each area.

The factory's database having the names and details of the workers was used as a sampling frame, in case of those respondents who were living in the CTM labour colony and every third house was interviewed through systematic sampling. However, in case of those living outside the CTM colony, purposive sampling method was used. Some of the respondents were also interviewed at the workplace to get more insights to the issues. A detailed interview schedule was used for interviewing the respondents. Some case studies from the sample were drawn for getting qualitative insights, no separate set of schedules was used for it.

Both qualitative and quantitative research methods were used in the present study. This helped in selecting participants who were relevant to the study and get deeper insights into the varied factors and complexity of the problems faced by the migrant women workers.

Results. The profile of the respondents indicates that most of the women working in CTM were in the age group of 18 to 37 years. Majority of the respondents, i.e., 38.33% belong to scheduled caste. About 30.83% of respondents belong to Other Backward Class followed by 25% from general caste. Only 5.84% of the respondents constitute Scheduled Tribes. Nearly, 64.16% of the women workers were illiterate and around three-fourth of the total respondents were found to be married. It was observed that around 27.50% of the total respondents had their monthly income up to 5000. Majority of the respondents, 70.42%, were having a monthly income between 5001 and 7000. Only 2.08% had monthly income above 7000. Table 1 provides context for the current study, which analyses the health difficulties that migrant women workers discovered after working in CTM.

Table 1. Health Issues Noticed after Working¹¹

Health Issues Noticed after Working	Responses	Per cent
Weakness in body, swelling in hands and feet, frequent headache, pain in whole body, anaemic	238	42.65
Gastric, heart problem, respiratory problems	139	24.91
Heavy flow during periods, irregular periods, leucorrhoea, urinary tract infection	166	29.74
Skin diseases and allergy	9	1.62
Miscarriages	6	1.07
Total	558*	99.99

* Multiple Responses.

The problems stated above might appear to be common issues faced by women coming from poor socioeconomic backgrounds and it is possible that these health problems are related to inadequate nutrition or harsh treatment or patterns of socialization within the family. Yet, when the respondents were asked to differentiate between the pre-work and present work status and health concerns they were certainly able to state the differences that the long working hours, overtime work, exposure to chemicals, and other poor conditions of working had negatively impacted their health.

It was found that 42.45% of them felt weakness, pain in the whole body and frequent headache which somewhat might be due to various other reasons making it difficult to assess yet, the respondents attributed it to their current work. During field work, it was also observed by researchers that the majority of respondents were pale, looked anaemic and weak which also explains the health conditions of women coming from weaker sections in India and high prevalence of anaemia among them. Some of the respondents reported that weakness and standing for long hours cause swelling in their hands and feet. There were 24.91% of the respondents who had observed gastric, respiratory and heart related problems. A study by R. N. Ali et al. on women workers also inferred that mostly women suffer from frequent illness, headache, gastritis, earache and eye pain only after joining the garment industry [4]. Furthermore, 29.74% respondents were suffering from gynaecological problems like heavy flow during periods, irregular periods, leucorrhoea, and urinary tract infection.

¹¹ All tables and figures in this article are compiled by the authors based on the materials of the conducted research.

Malti (23 years old), a single mother with four children, works as a casual worker in the Mixing unit. She mentioned that she was not feeling well on the first day of her period, but the needs of her children compelled her to go to work. She stated, "Once, while mixing the fibre, she began bleeding profusely and collapsed unconscious." Then, with the assistance of other workers, they carried her to the hospital, and after receiving two bottles of glucose, she was able to walk. She went on to say that labourers work all day and only receive 20% of their pay. They are compelled to work in order to achieve both ends.

Lalita (26 years old), lives with her three children and husband. She and her husband work as regular salaried workers in CTM. They are happy after earning their livelihood. She said that after migration she has observed some health issues like Leucorrhoea and Urinary tract infection due to which there is continuous fatigue and pain in the whole body. She said she had visited many doctors but there was not any improvement as doctors suggested she use clean toilets to avoid infection. At CTM there are common toilets for both men and women and they are unhygienic too and even in the living place all the migrants share the toilet. In this situation, it has been impossible for her to recover from this problem.

These case studies show us that due to heavy workload migrant women workers were suffering from gynaecological problems. Similar findings were reported in another study that women workers suffer from malnutrition, anaemia, gastric, dysentery, diarrhoea, respiratory problem, gynaecological problems, tuberculosis and urinary tract infection [19]. Only 1.62% of respondents stated that they were suffering from skin disease and allergy. It was reported by one of the respondents that during the production process dust and cotton particle residues flow in the unit which cause allergy and respiratory problems among the workers. A small proportion of the respondents that is 1.07% had miscarriages. These respondents were newly married and of small age group. One of the respondents shared her experience, Asha (20 years old) got married three years ago. She migrated to Kathua after a few months of her marriage. Her brother-in-law and sister-in-law were already working in another factory in Jammu. With their help she also started working as a regular salaried worker in CTM. She said before she started working, her periods were regular but now she was facing the problem of irregular periods and even she had four miscarriages. She said due to financial crises she cannot take rest. She requested and pleaded to her husband to delay planning for the baby by one year, but he did not agree. She went on to say that every day, her spouse forces her to have a relationship, "but my body is not ready to bear a child, so I miscarry every time. Whenever I go to the doctor, she scolds me for not being aware. "I don't know what to do; a woman's life is so difficult".

From these cases, it can be concluded that migrant women workers are helpless due to financial crises. They cannot leave their work despite health issues. In patriarchal society the burden of work life and household chores and reproduction further affects the health of migrant women workers.

Source of Treatment. It is noticed that the workplaces, like factories, industries where thousands of workers are engaged in the production process, do not have health facilities. However, it is the responsibility of employers to provide basic facilities like free health check-ups, tests and medicines to the workers so that they do not miss their duties.

As far as the regular check-up of the workers is concerned it was found that the factory administration does not provide any facility of regular check up at the workplace. Even in the factory premises there was no availability of a doctor or nurse to look after the emergency cases. Thus, in case of health issues respondents need to take treatment from other sources. However, the factory administration does not provide any treatment or regular check-up and tests to the workers. It is an unpleasant fact that in case of health problems, the workers have to go to different sources according to their convenience. It was found out that in order to save money and time, the workers prefer to visit local unqualified doctors and pharmacies.

Workers visit government hospitals, ESIC centres and medical stores etc. for treatment (Fig. 1). It was noticed in a study that women workers are unable to get treatment in the public hospitals because the officials do not behave properly and sometimes charge extra money from them [21]. It is true that visits to medical facilities by women may depend somewhat on their living conditions, educational status, financial status and other such variables but at the same time the work conditions also influence the health, health seeking behaviour and utilization of health services.

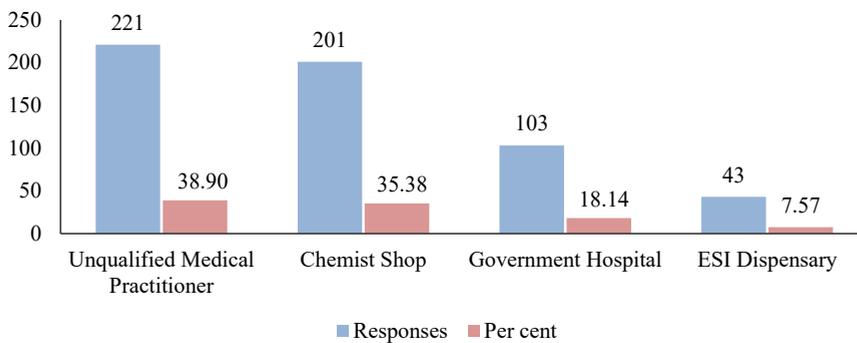

Fig. 1. Sources of Treatment

The figure given above reveals that the majority of the respondents i.e., 38.90% visit unqualified medical practitioners as they considered it easy to approach for immediate relief without missing their duties. There were 35.38% of the respondents who said they visit medical stores for medicines without any prescription from a doctor. It was found that 18.14% of the respondents got treatment from the government hospital. Only 7.57% of the respondents stated that they visited the ESIC dispensary for treatment. One of the respondents (25 years, from Bihar), narrated that, whenever there is any health issue like fever or pains in the body she prefers to visit a medical store or local doctor. She said her husband never takes precautions during intercourse thus many times she gets pregnant and takes medicine from the local doctor to eliminate the unwanted pregnancy. She further said, “In the ESI dispensary, medicines are not of good quality and even though it is far off place so many workers prefer to visit chemist shops and local doctors.”

Furthermore, when the researcher enquired this from medical store owners it was found that it is true that majority of migrant women depend on painkillers, paracetamol and even in case of unwanted early pregnancy women reach out to take medicines from chemist shops without any consultation. It can be analysed that the majority of the

respondents avoid visiting hospitals because the visiting hours of the hospitals and the working hours of the workers were the same. Secondly, workers did not trust the doctors and treatment provided by the ESI dispensaries. Even the majority of the respondents narrated that medicine given by the ESI dispensaries were not of good quality. It is necessary to clarify here that under the Indian Government Flagship health insurance scheme AB-PMJAY all poor and migrants are entitled to health cover of up to ₹5 lakhs per family per year. Number of poor has been benefited through this scheme yet there are several concerns and areas to be improved in order to make the healthcare system and services truly reach the most excluded groups and make it poor friendly.

Work during Illness. In the above discussion it was found that migrant women workers were not conscious about their health. Majority of them did not visit professional doctors to identify the reasons behind health problems. Generally, they preferred to visit chemist shops for immediate relief by taking painkillers or paracetamol. They do not go for permanent solutions to get their health problems cured. Studies also reveal that due to long working hours and heavy workload women workers generally neglect their health¹². Thus, here an attempt is made to understand the reasons for delivering duties even during illness (Fig. 2).

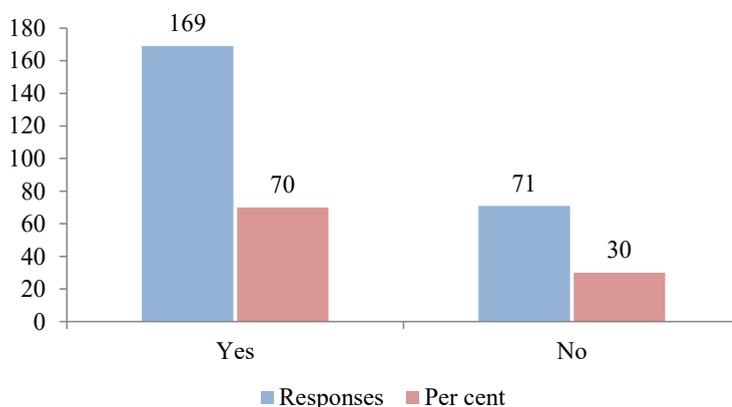

Fig. 2. Working during Illness

It was revealed from the data that 70.42% of the respondents go to work even during illness as shown in Figure 2. As far as the reasons (Table 2) of delivering duties even during illness is concerned it was found that respondents largely ignore their illness and perform duties because of poverty and financial issues. They do not have any financial security thus they are left with only one option that is to work for survival.

Table 2. Reasons of Working during Illness

Reasons of Working during Illness	Responses	Per cent
Due to Poverty	86	50.88
Demand for Labour	2	1.18
Due to Financial Problems	81	47.93
Total	169	99.99

¹² Majumder P. Health Impact of Women’s Wage Employment... ; Pathy S. Political Economy of Female Migrant Labour: A Case of Jari Workers in Surat.

Out of the total respondents that is 70.42%; it was found that more than half of the respondents go for work even during ailment. Around 48% of the respondents worked during illness only for financial reasons. It may be said that respondents work in order to run the expenses of their family. If the factory administration provides them financial assistance in case of illness it will increase the overall performance of respondents in the production process. Only 1.18% of the respondents stated that they come to work even during illness because the factory administration demands so.

It can be analysed from the above data that respondents are not conscious about their health because their economic conditions do not allow them to miss their duties and go for check-ups in the hospitals. Due to this reason, they prefer to visit unqualified medical practitioners or visit chemist shops to get immediate relief to be able to work the next day. These medicines may give immediate relief to the worker but in the long run it creates bigger health issues. It can be estimated from their situation that majority of the respondents do work even during serious illness.

Besides the problems like daily hardships, heavy workload, and health issues faced by migrant women workers, it was found that the majority of them, that is 74.17%, were satisfied with their work. In response to this question, respondents narrated that they have no other option except work in precarious conditions. The meaning of satisfaction here for the respondents, is to earn and feed their families. The majority of respondents (74.17%) were satisfied because they were earning and feeding their family. In other words, it can be said that to earn their livelihood was the primary need for rest; it did not matter under what circumstances they worked.

Role of Labour Union. As far as the trade union is concerned, in context to the present study, it was found that there is no trade union or women association that work for the rights of workers in this region. Before 1998, there was a body called, Centre for Indian Trade Unions (CITU), working for the rights of workers but after the series of protests organized by CITU demanding high wage rate for the workers it was banned by factory administration and the members were shown the way out. Consequently, workers could not muster courage after the silencing of the unionization and also their lack of information about the significance of trade unions has also been one of the reasons which discouraged them from forming a new body that could address the rights or demands of workers, especially women workers. R. Jamaly and Wickramanayake also state in their work that generally workers are not aware of trade unions or even if they are aware of it, they are afraid of talking about trade unions [22]. It was also found in the present study that the women who are involved in the trade unions or come forward as leaders or empowered women are always prime targets of supervisors and managers, especially the single women. Industry officials find excuses to target such union members in many ways. This discourages women workers from coming forward and demanding their rights and voicing their concerns despite the presence of their husbands on the same work site.

Discussion and Conclusion. From the above findings, it can be concluded that the female labour force constitutes a huge part of the industrial sector and plays a significant role in the manufacturing and production sector of the Indian economy. However, their working conditions remain difficult, vulnerable and precarious. Due to vulnerability and insecurity and employment in low-paying jobs without adequate

protection and security at workplaces, migrant women remain socially, economically and medically at risk.

The findings of the study fit well into the six-fold categorization of Shaw's occupational hazards at workplace¹³. As it was found that there were cases of injuries at work reported by the migrant women workers at CTM. Only in a few of the serious cases employees were monetarily compensated. Not all employees are provided with the essential protection kits for dealing with the hazardous chemicals and toxins therefore poor health, ailments and sores, fatigue, cramps were majorly reported by the respondents. Hence, biological, physical and Ergonomic hazards were part of the working condition of workers at CTM. Discrimination on the basis of gender, conditions of harassment, physical violence and other workplace hazards to mental, emotional, and physical health were reported by the migrant women workers too. The paper therefore eliminates a certain vacuum of information on the status of women from poor background working in the industrial sector and their specific health and emphasises the need of forming a supportive community for migrant women workers within factory environments, and ensure fair treatment and protection of migrant workers by adopting guidelines of the Interstate Migrant Workers Act.

In the end it may be said that this research exposes the poor implementation of labour laws relating to safety, health and working conditions in India which also places women workers on the margins of social-economic protection and safety. The practical relevance of this article lies in the fact that it points towards the need to implement anti-harassment policies at the workplace in a stringent manner and direct the formal and informal organisations to comply seriously with the guidelines laid by the Government. There is also a need to promote workplace safety measures and provide access to healthcare facilities and health cover to workers. irrespective of the nature of employment. The article would be of great use to policymakers, employers and organisations to take positive measures to make the workplaces more inclusive and safe so as to empower workers who would be able to positively contribute to the global workforce.

REFERENCES

1. Schulte P.A., Pandalai S., Wulsin V., Chun H. Interaction of Occupational and Personal Risk Factors in Workforce Health and Safety. *American Journal of Public Health*. 2012;102(3):434–448. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2011.300249>
2. Nihila M. Growing Industries, Sick Workers: A Study of Leather Tanning Industry of Dindigul from an Occupational Health Perspective. *Review of Development and Change*. 1999;7(1):134–166. <https://doi.org/10.1177/0972266120020104>
3. Nihila M. Marginalisation of Women Workers: Leather Tanning Industry in Tamil Nadu. *Economic and Political Weekly*. 1999;34(16/17):21–27. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4407876> (accessed 26.01.2024).
4. Ali R.N., Begum M.M., Salehim K.S., Farid K.S. Livelihood Pattern of Rural Women Garment Workers at Dhaka City. *Journal of the Bangladesh Agricultural University*. 2008;6(2):449–456. <https://doi.org/10.3329/jbau.v6i2.4846>
5. Hogh A., Viitasara E. A Systematic Review of Longitudinal Studies of Nonfatal Workplace Violence. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2005;14(3):291–313. <https://doi.org/10.1080/13594320500162059>

¹³ Shaw G. Occupational Hazards: An Overview. July 03, 2023. Available at: <https://www.webmd.com/a-to-z-guides/occupational-hazards> (accessed 26.01.2024).

6. Biswas A., Harbin S., Irvin E., Johnston H., Begum M., Tiong M., et al. Sex and Gender Differences in Occupational Hazard Exposures: A Scoping Review of the Recent Literature. *Current Environmental Health Reports*. 2021;8(4):267–280. <https://doi.org/10.1007/s40572-021-00330-8>
7. Turrey A.A. Migrant Labour Inflows and Risk-Employment in Kashmir Valley. *International Journal of Scientific Research in Multidisciplinary Studies*. 2019;5(12):95–101. Available at: https://www.isroset.org/journal/IJSRMS/full_paper_view.php?paper_id=1660 (accessed 26.01.2024).
8. Hasan S.I., Yee A., Rinaldi A., Azham A.A., Mohd Hairi F., Amer Nordin A.S. Prevalence of Common Mental Health Issues among Migrant Workers: A Systematic Review and Meta-Analysis. *PLoS One*. 2021;16(12). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0260221>
9. Brown G.D. Women Garment Workers Face Huge Inequities in Global Supply Chain Factories Made Worse by COVID-19. *New Solutions: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy*. 2021;31(2):113–124. <https://doi.org/10.1177/10482911211011605>
10. Miles L., Freeman T., Wan Teng, L., Mat Yasin S., Ying K. Empowerment as a Pre-Requisite to Managing and Influencing Health in the Workplace: The Sexual and Reproductive Health Needs of Factory Women Migrant Workers in Malaysia. *Economic and Industrial Democracy*. 2022;43(4):1676–1698. <https://doi.org/10.1177/0143831X211024725>
11. Gibbs A., Jewkes R., Willan S., et al. Workplace Violence in Bangladesh's Garment Industry. *Social Science & Medicine*. 2019;235:112383 <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2019.112383>
12. Gannagé C.M. The Health and Safety Concerns of Immigrant Women Workers in the Toronto Sportswear Industry. *International Journal of Health Services*. 1999;29(2):409–429. <https://doi.org/10.2190/TFB6-7Q7B-E4DK-X6FL>
13. Küçük E. Health Perception and Healthy Lifestyle Behaviors of Female Factory Workers. *Archives of Environmental & Occupational Health*. 2016;71(4):216–221. <https://doi.org/10.1080/19338244.2015.1058237>
14. Ngai P. Made in China: Women Factory Workers in a Global Workplace. Duke University Press; 2005. <https://doi.org/10.2307/j.ctv125jkt6>
15. Moyce S.C., Schenker M. Migrant Workers and their Occupational Health and Safety. *Annual Review of Public Health*. 2018;(39):351–365. <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040617-013714>
16. Verma P., Agarwal S. Workplace Hazard Faced by Vulnerable Migrant Workers Working in the Informal Sector at Lucknow City. *Journal of Ecophysiology and Occupational Health*. 2021;21(1):46–51. <https://doi.org/10.18311/jeoh/2021/26481>
17. Shams Hirani S., Karmaliani R., McFarlane J., Asad N., Madhani F., Shehzad S., et al. Development of an Economic Skill Building Intervention to Promote Women's Safety and Child Development in Karachi, Pakistan. *Issues in Mental Health Nursing*. 2010;31(2):82–88. <https://doi.org/10.3109/01612840903254859>
18. Karvadi V., Nair N.S., Manjunatha S. Health Problems Prevailing among the Female Workers in a Garment Factory, Bengaluru. *International Journal of Advanced Community Medicine*. 2019;2(1):30–40. <https://doi.org/10.33545/comed.2019.v2.i1a.08>
19. Mishra A., Joseph R., Gangadhara M., Lobo R. Body as Machine: Health Vulnerability of Women Garment Factory Workers in India. *SSM – Qualitative Research in Health*. Volume 2023;4:100301. <https://doi.org/10.1016/j.ssmqr.2023.100301>
20. Lakhani R. Occupational Health of Women Construction Workers in the Unorganised Sector. *Journal of Health Management*. 2004;6(2):187–200. <https://doi.org/10.1177/097206340400600209>
21. Akhter S., Rutherford S., Chu C. Sufferings in Silence: Violence Against Female Workers in the Ready-Made Garment Industry in Bangladesh: A Qualitative Exploration. *Women's Health*. 2009;15. <https://doi.org/10.1177/1745506519891302>
22. Jamaly R., Wickramlanayake. Women Workers in the Garment Industry in Dhaka, Bangladesh. *Development in Practice: An Oxfam Journal*. 1996;6(2):156–161.

About the authors:

Bharti Jasrotia, Ph.D (Sociol.), Department of Sociology, Khalsa College (Khalsa College G.T. Road, Amritsar, Punjab-143002 India), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0267-6522>, bhartijasrotia00@gmail.com

Rachana Sharma, Ph.D (Sociol.), Department of Sociology, Guru Nanak Dev University (Off. NH 1 Grand Trunk Road, Amritsar, Punjab-143005 India), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9961-4579>, Researcher ID: ABD-6992-2020, rachana.sociology@gndu.ac.in

Contribution of the authors:

B. Jasrotia – statement of the research problem; review of literature; data analysis; formulation of conclusions.

R. Sharma – formulation of the research problem and methodology; review of literature; formulation of conclusions; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 08.12.2023; revised 05.03.2024; accepted 14.03.2024.

Об авторах:

Бхарги Джасротия, доктор философии (социология), Департамент социологии, Колледж Халза (143002, Индия, шт. Пенджаб, г. Амритсар, Гранд-Транк-Роуд, Колледж Халза), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0267-6522>, bhartijasrotia00@gmail.com

Рачана Шарма, доктор философии (социология), Департамент социологии, Университет Гуру Нанак Дев (143005, Индия, шт. Пенджаб, г. Амритсар, Гранд-Транк-Роуд, офис NH 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9961-4579>, Researcher ID: ABD-6992-2020, rachana.sociology@gndu.ac.in

Заявленный вклад авторов:

Б. Джасротия – постановка проблемы исследования; обзор литературы; анализ данных; формулирование выводов.

Р. Шарма – постановка проблемы и методологии исследования; обзор литературы; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 08.12.2023; поступила после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 14.03.2024.

Доступность образования в странах Центральной Африки (Камерун, Центральноафриканская Республика, Конго, Габон и Чад)

С. В. Мурафа¹✉М. Р. Нгетобай²

¹ Российская академия образования (г. Москва, Российская Федерация)

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)

✉ murafa.svetlana@gmail.com

Аннотация

Введение. Проблема доступности образования (начального, среднего, высшего) и неравенства доходов все еще остро стоит во многих африканских странах. Цель исследования – проанализировать международные статистические данные, которые показывают сложную ситуацию с доступностью образования в странах Центральной Африки: Камеруне, Чаде, Центральноафриканской Республике, Конго, Габоне. Полученные данные необходимы для разработки практических решений эффективной помощи населению стран при получении доступного образования разными социальными слоями населения.

Материалы и методы. Проведен анализ официальных документов и научных источников. Поиск актуальных данных был осуществлен с использованием различных баз данных: UNdata, Academic Search Complete, Web of Science Core Collection, Education Source, E-Journals, ERIC, Google, Google Scholar, Springer за последние 5 лет. В анализе был сделан акцент на поиск официальной информации с данными от международных организаций – ЮНЕСКО и Всемирного банка.

Результаты исследования. Выявлено, что в проанализированных странах Центральной Африки разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными очень значительна. В Камеруне и Габоне разрыв в доходах не такой большой, как в Чаде, Конго и Центральноафриканской Республике, поэтому начальный уровень охвата образованием в этих двух странах остается более высоким по сравнению с другими. Установлено, что в исследуемом регионе наблюдалось резкое сокращение числа студентов в высших учебных заведениях в период с 2010 по 2014 г. Выявлена одна из причин небольшого охвата высшим образованием в исследуемом регионе – недостаточность материального обеспечения большего числа населения и, как следствие, минимальная доступность высшего образования для молодого поколения. Доказано, что на данном экономическом этапе развития Камерун и Габон являются лидерами в сфере образования в странах Центральной Африки.

Обсуждение и заключение. Доступное образование необходимо для сокращения бедности и улучшения экономического роста, но высокая стоимость обучения в сочетании с ограниченным доступом означает, что многие дети остаются необразованными. Материалы исследования будут полезны как специалистам в области образования разных стран, так и ученым из других областей наук.

© Мурафа С. В., Нгетобай М. Р., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: неравенство доходов населения, доступность образования, страны Центральной Африки, уровень охвата образованием, сокращение бедности, Камерун, Центральноафриканская Республика, Конго, Габон, Чад

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мурафа С. В., Нгетобай М. Р. Доступность образования в странах Центральной Африки (Камерун, Центральноафриканская Республика, Конго, Габон и Чад) // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2. С. 278–289. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.278-289>

Access to Education in Central African Countries (Cameroon, Central African Republic, Congo, Gabon and Chad)

S. V. Murafa^a ✉, M. R. Nguetobaye^b

^a Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation)

^b Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

✉ murafa.svetlana@gmail.com

Abstract

Introduction. The article highlights the problem of accessibility of education (primary, secondary, higher) and income inequality in Central African countries. The purpose of the study is to present and analyze international static data that show the difficult situation with access to education in the following countries: Cameroon, Chad, Central African Republic, Congo, Gabon. The data obtained are necessary for the development of practical solutions for effective assistance to the population of countries in obtaining affordable education by different social strata of the population.

Materials and Methods. Official documents and scientific sources were analyzed and synthesized. The search for relevant data was conducted using various databases, including UNdata, Academic Search Complete, Web of Science Core Collection, Education Source, E-Journals, ERIC, Google, Google Scholar, Springer, etc. mainly for the last 5 years. Special attention in the analysis was paid to the search of official information with the data of international organizations UNESCO and the World Bank.

Results. In Central African countries (Cameroon, Central African Republic, Chad, Congo, Congo and Gabon), the income gap between the richest and poorest is very wide. In Cameroon and Gabon, the income gap between rich and poor is not as wide as in Chad, Congo and Central African Republic, so primary education levels in these two countries remain higher than in other countries. It was found that in Central Africa there was a sharp decrease in the number of students in higher education institutions between 2010 and 2014. One of the reasons (a distinctive feature) of the low coverage of higher education in Central Africa has been identified – the lack of material support for a larger number of the population and, as a result, minimal accessibility of higher education for the younger generation. The study proves that at this economic stage of development, Cameroon and Gabon are leaders in the field of education in Central African countries.

Discussion and Conclusion. Affordable education is necessary to reduce poverty and improve economic growth, but the high cost of education combined with limited access to it leaves many children uneducated. The findings from the study of education access in Central African countries raise the issue of education for the majority of the population, with a view to developing possible ways to economically and politically revise the leadership's approach to better assist the countries' populations. The article will be useful for specialists in the field of education in different countries, as well as for sociologists, culturologists, economists, and politicians.

Keywords: income inequality, access to education, Central African countries, enrollment rates, poverty reduction, Cameroon, Central African Republic, Congo, Gabon, Chad

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Murafa S.V., Nguetobaye M.R. Access to Education in Central African Countries (Cameroon, Central African Republic, Congo, Gabon and Chad). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):278–289. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.278-289>

Введение. На доступность образования в Центральной Африке в настоящее время значительное влияние оказывает неравенство доходов. По данным Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), индекс человеческого развития Камеруна, Центральноафриканской Республики (далее – ЦАР), Конго и Чада ниже 0,6, в Габоне – 0,706. В этих странах средний уровень доступности образования составляет 23,5 %; основная причина этого – неравенство доходов между гражданами¹ [1].

Камерун, ЦАР, Конго, Габон и Чад включены в зону Экономического и валютного сообщества Центральной Африки (СЕМАС) и имеют очень низкие социально-экономические показатели. Так, по данным Всемирного банка, на 2021 г. ВВП на душу населения по ППС (паритет покупательной способности), следующие:

- наименьший доход в Чаде и ЦАР – 1 566,0 и 920,1 долл. США соответственно;
- в Конго и Камеруне – 3 553,3 и 4 065,3 долл. США соответственно;
- более высокий годовой доход в Габоне – 15 175,7 долл. США².

Учитывая данные ВВП на душу населения в ППС, который варьируется от страны к стране, можно сделать вывод, что Камерун и Габон имеют большие экономические возможности для развития системы образования по сравнению с тремя другими странами.

Хорошее образование способствует улучшению распределения квалифицированных работников³ [2]. Оно вместе с высокой производительностью являются продуктивными инструментами для сокращения бедности, но при этом если они не сопровождаются прогрессивным налогообложением и целенаправленной социальной защитой, то могут ускорить неравенство доходов [3]. Значительное неравенство доходов, сохраняющееся на протяжении многих поколений, блокирует равный доступ к активам, образованию и возможностям среди малообеспеченных и маргинализированных этнических групп. Таким образом, в отсутствие энергичных реформ мобильность поколений между исключенными и маргинализированными группами населения серьезно затруднена и усугубляет внутренние конфликты и напряженность [3].

Неравенство доходов может иметь последствия и для «утечки мозгов», когда высококвалифицированные работники покидают регион в поисках лучших экономических возможностей в других странах. В любом случае, «утечка мозгов» может привести к усилению неравенства внутри каждой страны и, в частности, между домохозяйствами мигрантов и немигрантов [4]. Также она может вызвать нехватку квалифицированных учителей в области образования и негативно сказаться на качестве образования, доступного в регионе.

¹ Организация Объединенных Наций. Система поиска «UNdata» [Электронный ресурс]. URL: <http://data.un.org/DocumentData.aspx?id=487#32> (дата обращения: 17.01.2024).

² DataBank. World Development Indicators [Электронный ресурс] // The World Bank : сайт. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.CD&country=CMR,COG,CAF,GAB,TCD> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Musau S. Africa is Grappling with Huge Educational Inequality [Электронный ресурс] // The Africa Renewal : сайт. December 2017 – March 2018. URL: <https://www.un.org/africarenewal/magazine/december-2017-march-2018/africa-grapples-huge-disparities-education> (дата обращения: 17.01.2024).

Цель исследования – на основе проанализированных международных статистических данных актуализировать проблему доступности образования и неравенства доходов в странах Центральной Африки: Камеруне, Чаде, Центральноафриканской Республике, Конго, Габоне.

Обзор литературы. В современных исследованиях анализируется проблема доступности образования в африканских странах, но все же ей уделяется недостаточно внимания. Выделим некоторые публикации, которые стремятся восполнить данный пробел. Так, С. Мусау поднимает проблему огромного неравенства в образовании в Африке [2], П. Куарти исследует «утечку мозгов» из африканского региона и выраженное неравенство между странами [4]. М. Р. Нгетобай изучает проблему влияния неравенства доходов населения и уровня развития стран на доступность образования в странах Центральной Африки [1], а С. В. Мурафа в своих исследованиях изучает особенности мотивации в получении высшего образования, в том числе и у студентов африканских стран [5; 6].

Существует также и проблема в подготовке и нехватке учителей. Результаты исследования О. О. Дуродолу и соавторов показали, что, несмотря на потребность в навыках информационной грамотности учителей, электронные ресурсы используются по минимуму, не хватает соответствующей квалификации. В то же время молодые учителя (а также учителя-женщины по сравнению с мужчинами) обладают большей информационной грамотностью по сравнению со старшими коллегами. Между тем поисковые стратегии и метакогнитивные навыки учителей находятся на уровне ниже среднего⁴.

Несмотря на повышение многомерного индекса (Multidimensional Poverty Index) исследователи отмечают, что, по сравнению с 1995 г., уровень грамотности среди взрослых повысился, но все же более половины жителей Африки не знакомы с основами образования; остается выраженная проблема гендерного неравенства в образовании, так как большинство девочек занимается домашним хозяйством (на 100 мальчиков лишь 83 девочки получают образование) [7].

В результате анализа исследований выделены существенные взаимовлияющие друг на друга проблемы: доступность образования, «утечка мозгов», влияние неравенства доходов населения, недостаточная подготовка и нехватка учителей, невысокая информационная грамотность учителей, гендерное неравенство в образовании и недостаточная мотивация в получении высшего образования. Как итог – недостаточность охвата образованием большей части населения Африки.

Таким образом, различные проблемы, в том числе неравенство в доходах, оказывают значительное влияние на доступность образования Центральноафриканского региона. Политики, экономисты должны уделять приоритетное внимание усилиям по сокращению неравенства доходов и улучшению доступа к качественному и доступному образованию для всех детей региона. Это и инвестиции в государственные школы, улучшение доступа к стипендиям, финансовая помощь, обучение и поддержка учителей в районах с низким уровнем дохода [1; 8].

⁴ Durodolu O. O., Ocholla D. N. Insight into Information Literacy Skills and Personal Abilities of Secondary School Teachers: Some experiences from Lagos, Nigeria and Durban, South Africa // *Cremia* 2017, World Professional Forum “The Book. Culture. Education. Innovations”. June 3–11, 2017. Crimea, 2017.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили официальные документы, статистические данные и научные публикации по интересующей нас теме. Поиск актуального материала был проведен с использованием различных баз данных, включая UNdata, Academic Search Complete, Web of Science Core Collection, Education Source, E-Journals, ERIC, Google, Google Scholar и Springer, за последние 5 лет [1].

Обзор данных и их теоретическое исследование были проведены для повышения осведомленности по сохраняющейся проблеме доступности образования в странах Центральной Африки и недостаточности дохода населения в этих странах. В анализе был сделан акцент на поиск официальной информации с данными от международных организаций – ЮНЕСКО и Всемирного банка, в африканских странах: Камеруне, Центральноафриканской Республике, Конго, Габоне и Чаде.

Для достижения цели исследования авторами были проанализированы официальные статистические данные, представленные на сайтах ЮНЕСКО и Всемирного банка, за период с 2010 по 2022 г. К сожалению, официальная статистика на данных ресурсах неполная (не за каждый период и не в каждой стране); возможно, это связано с различными политическими и экономическими проблемами в конкретных государствах.

Все выбранные статистические данные сопоставлялись с материалами исследований, полученными другими учеными за разные периоды времени, после чего были сформулированы выводы.

Результаты исследования. Проведенный анализ официальных данных показал, что в странах Центральной Африки (Камеруне, Центральноафриканской Республике, Конго, Габоне и Чаде) разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения очень значительна. Например, в 2008 г. в ЦАР самые богатые имели годовой доход в 46,2 % по сравнению с самыми бедными (1,2 %). При суммировании доходов 10 % богатых и 10 % бедных слоев населения этих стран получается, что в Центральной Африке средний разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными составляет около 31,75 %. Такое неравенство оказывает негативное влияние на развитие и на доступность образования в зоне Центральноафриканского сообщества (СЕМАС) [1].

По данным Всемирного банка, средняя доля дохода населения (по 10 % самых бедных и самых богатых) в странах Центральной Африки различается⁵. В Камеруне в 2003 г. 10 % самых бедных слоев населения имели годовой доход 2,5 % по сравнению с 10 % самых богатых, которые имели годовой доход 30,7 %, т. е. разница составляла 28,2 %. Это означает, что бедные имеют доступ не только к образованию, но и к некоторым предметам первой необходимости. Такая же ситуация наблюдается в Габоне и Конго, где разница в годовом доходе составляет 31,1 и 25,5 % соответственно. В Чаде и ЦАР ситуация хуже, наблюдается очень большой разрыв: в Чаде 10 % самых богатых имеют годовой доход 46,2 % по сравнению с 1,2 % для 10 % самых бедных, а в ЦАР в 2011 г. доход 10 % самых богатых составляет 37,9 % по сравнению с 1,8 % для 10 % самых

⁵ World Bank Indicator [Электронный ресурс] // The World Bank : сайт. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 17.01.2024).

бедных. Такой разрыв в доходах влияет не только на образование, но и на экономический рост в целом [9].

Образование является одним из основных прав человека, которое страны обязались соблюдать с момента подписания Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [10]. Однако для стран Центральной Африки высокий уровень бедности и неравенства доходов ограничивает доступ к образованию для многих детей. Образование во многих африканских странах дорогое, а школы есть не во всех районах, поэтому родители вынуждены платить за транспорт, чтобы дети могли добраться до школы, что тоже является ограничением для образования многих детей.

Семьи, которые не могут позволить себе платить за обучение, вынуждены полагаться на плохо финансируемые государственные школы или вообще отказаться от их посещения. Иногда бедные родители в некоторых странах с низким уровнем дохода сами оплачивают образование своих детей⁶. Это может привести к порочному кругу бедности, когда отсутствие образования не позволяет людям найти хорошо оплачиваемую работу, тем самым увековечивая неравенство доходов.

Детям из семей с низким уровнем дохода трудно ходить в школу или получать качественное образование из-за финансовых ограничений, в то время как более состоятельные семьи могут позволить себе частные школы и дополнительные ресурсы. Такое положение усугубляет неравенство в доступности образования, а также социальное и экономическое неравенство в регионе. Многие девочки и дети из малообеспеченных семей являются уязвимой группой населения и основной формой неравенства в образовании из-за отсутствия равных возможностей в доступе к образованию⁷.

Мониторинг данных Всемирного банка показал, что уровень охвата начальным школьным образованием в странах Африки к югу от Сахары в 2021 г. увеличился на 75 % и составил 72 % для девочек против 78 % для мальчиков⁸. В Камеруне и других странах Центральной Африки родители платят за обучение от начальной школы до университета. Например, в детском саду плата за обучение за год составляет 25 000 франков (41,10 долл. США), в начальной школе старшие ученики должны заплатить 2 500 (4,10), а новые – 5 000 франков (8,21 долл. США). Средняя школа обходится родителям в 23 500 франков (38,11 долл. США) и 11 000 франков (18,06 долл. США) за проверку документов. Во всех государственных университетах Центральной Африки обучение стоит 50 000 франков (82,10 долл. США)⁹.

Доступность начального образования. На рисунке 1 показан охват школьным образованием (начальная школа – 1–6 класс) за период с 2011 по 2021 г.

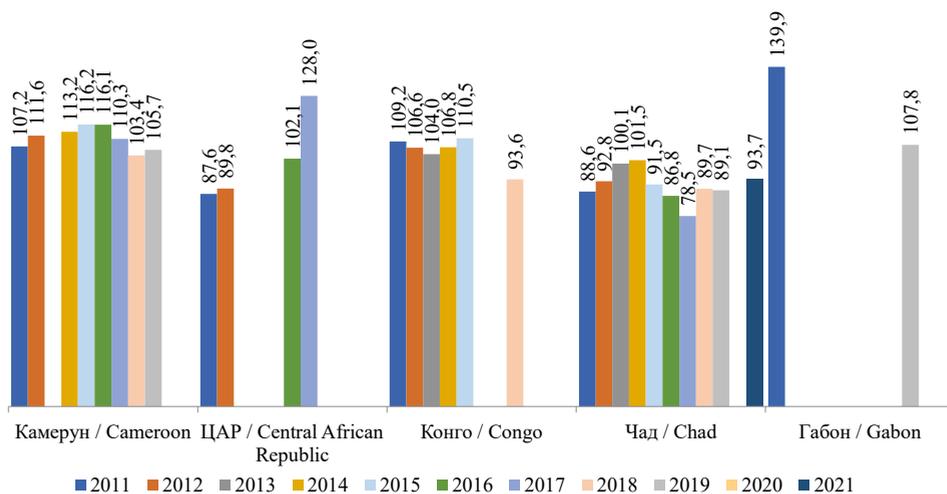
⁶ Les inégalités et le monde du travail. Conférence internationale du Travail. 109e session. Genève, 2021. 82 p.

⁷ School Enrollment, Primary (% net) [Электронный ресурс] // The World Bank : сайт. URL: <https://donnees.banquemondiale.org/indicateur/SE.PRM.NENR> (дата обращения: 17.01.2024).

⁸ Lower Secondary Education Enrolment in all Programmes / UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=UNESCO&f=series%3aE_2 (дата обращения: 17.01.2024).

⁹ Upper Secondary Education Enrolment in All Programmes / UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=UNESCO&f=series%3aE_3 (дата обращения: 17.01.2024).

в странах Центральной Африки. Данные за 2020 и 2021 гг. Всемирный банк не представил (кроме Чада), возможно, это связано с пандемией COVID-19. Также отметим, что в экономико-статистическом анализе количество процентов может превышать 100 % из-за различных факторов; такое использование (выше 100 %) является обычной практикой, что позволяет более наглядно продемонстрировать изменения и отношения между различными данными. Поэтому на рисунке 1 распределение в процентах по странам представлено в цифрах, превышающих 100, как и в официальных источниках.

Р и с. 1. Охват школьным образованием (начальная школа) в странах Центральной Африки, 2011–2021 гг., %¹⁰

Fig. 1. School enrollment (primary school) in Central African countries, 2011–2021, %

Согласно статистическим данным, Камерун и Габон остаются лидерами с 90-процентным охватом начальным школьным образованием, по сравнению с Конго и ЦАР, где этот показатель составляет 79 %. Республика Чад остается в самом низу этого рейтинга с 67-процентным охватом детей, которые ходят в начальную школу, что свидетельствует о высоком неравенстве доходов, существующем в этом регионе¹¹ [1].

Доступность среднего образования. По представленным в таблице данным видно, что в 2012 г. в Камеруне в средней школе (7–9 классы, 13–15 лет) обучались 1 214 363 учащихся, в то время как в ЦАР – всего 99 186 учащихся. В Чаде и Конго уровень охвата средним образованием ниже, чем в Камеруне: в 2012 г. число учащихся, посещающих среднюю школу, варьировалось от 105 822 до 321 921 учащихся в Чаде и от 122 409 до 243 984 – в Конго. Данных по количеству учащихся средней школы Габона за период с 2010 по 2023 г. не представлено.

¹⁰ Рисунок составлен по: Lower Secondary Education Enrolment in all Programmes / UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=UNESCO&f=series%3aE_2 (дата обращения: 17.01.2024).

¹¹ Upper Secondary Education Enrolment in All Programmes / UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=UNESCO&f=series%3aE_3 (дата обращения: 17.01.2024).

Т а б л и ц а. Охват школьным образованием (средняя школа) в странах Центральной Африки, чел.¹²

Table. School enrollment (secondary school) in Central African countries, people

Страна / Country	Год / Year	Наблюдаемая величина / Observed value	
		наименьшая / smallest	наибольшая / largest
Камерун / Cameroon	2014	646 512	1 400 286
Камерун / Cameroon	2013	556 496	1 214 308
Камерун / Cameroon	2012	562 817	1 214 363
ЦАР / CAR	2012	33 233	99 186
Чад / Chad	2012	105 822	321 921
Конго / Congo	2012	122 409	243 984
Габон / Gabon	–	–	–

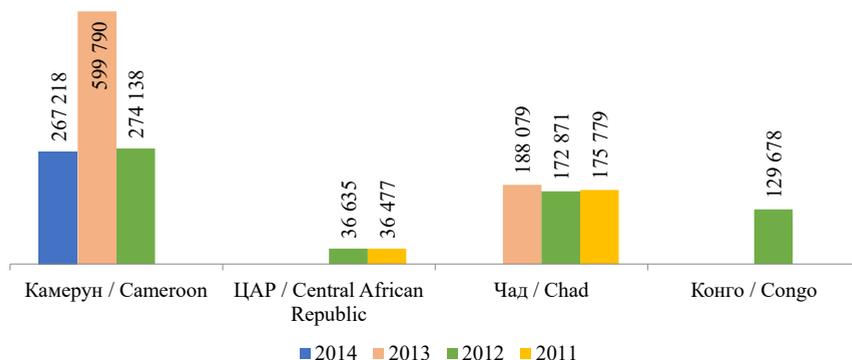
Согласно полученным данным, можно сделать вывод, что Камерун и Габон являются лидерами в сфере образования: во-первых, их ВВП выше, чем у Чада, Конго и ЦАР; во-вторых, разрыв в доходах между богатыми и бедными не такой большой, как в Чаде, Конго и ЦАР, поэтому дети в Камеруне и Габоне могут практически беспрепятственно обучаться в школе; даже в начальной школе уровень охвата образованием в этих двух странах остается более высоким по сравнению с другими государствами.

Доступность высшего образования. На рисунке 2 представлен охват высшим образованием по всем программам в Центральной Африке за период с 2010 по 2014 г. Как видим, Камерун является лидером по охвату высшим образованием в представленных странах; наибольшее число студентов, получающих высшее образование, в нем в 2013 г. составляет 599 790 чел. В ЦАР (данные представлены за 2011–2012 гг.) – 36 477 и 36 635 чел. соответственно. В Чаде охват высшим образованием за 2011–2013 гг. находится почти на одинаковом уровне (175 779 – 188 079 чел.), в Конго данные представлены только за 2012 г. – 129 678 чел.

Показатели ВВП Камеруна значительно выше, чем в других странах, и бюджет, выделяемый Министерству образования, в Камеруне значительно превышает бюджет, выделяемый в Чаде, Габоне, Конго и ЦАР. Между этими странами существует неравенство в доходах, как и между населением данных государств, поэтому более обеспеченные семьи могут дать своим детям лучшее образование. Представленные показатели численности студентов указывают на то, что в Центральной Африке наблюдалось резкое сокращение числа студентов в высших учебных заведениях в период с 2010 по 2014 г. В исследованиях, где рассматриваются мотивы получения высшего образования в разных культурах, отмечается, что «мотивы получения высшего образования, их формирование

¹² Таблица составлена по: Lower Secondary Education Enrolment in all Programmes / UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=UNESCO&f=series%3aE_2; Препятствие на пути ко всеобщему начальному образованию: уровень второгодничества снижается, в то же время школьный отсеб остается высоким [Электронный ресурс] // UNESCO : сайт. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/prepyatstvie-na-puti-ko-vseobschemu-nachalnomu-obrazovaniyu-uroven-vtorogodnichestva-snizhaetsya-v> (дата обращения: 17.01.2024).

зависит от мотивационно-фоновых национально-психологических особенностей, а также от различий в культуре обществ разных стран» [5; 6, с. 108]. Одной из причин (отличительная особенность) небольшого охвата высшим образованием в Центральной Африке является недостаточность материального обеспечения большего числа населения и, как следствие, минимальная доступность высшего образования для молодого поколения.

Р и с. 2. Охват высшим образованием по всем программам в странах Центральной Африки, 2011–2014 гг., чел.¹³

F i g. 2. Distribution of higher education coverage across all programs in Central African countries, 2011–2014, people

Проблема уменьшения численности обучающихся в Центральной Африке. По данным ЮНЕСКО, не все из 75 % учащихся, зачисленных в школу, заканчивают ее. Этот процент уменьшается по мере перехода учащихся в высшие учебные заведения. В странах Африки к югу от Сахары 42 % школьников прекращают обучение в начальном периоде обучения, причем 1 ученик из 6 покидает школу, не закончив двух начальных классов. Основная причина этого, согласно проведенным исследованиям, – отсутствие материального дохода для продолжения обучения в средней и высшей школе [1; 11]. Юноши чаще бросают школу (более 30 % юношей по сравнению с девушками) из-за недостаточности материального дохода и необходимости работать в более раннем возрасте.

Из приведенных в исследовании данных очевидно, что неравенство в доходах может влиять на качество и доступность образования. Государственным школам в районах с низким уровнем дохода не хватает материальных ресурсов для обеспечения качественного образования. В то же время государственные школы, где учатся дети обеспеченных семей, предлагают лучшие условия и более опытных учителей [1; 12].

Обсуждение и заключение. Доступность образования в Центральной Африке во многом зависит от неравенства доходов среди населения. Проанализированные международные статистические данные показали сложную ситуа-

¹³ Рисунок составлен по: Upper Secondary Education Enrolment in All Programmes / UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=UNESCO&f=series%3aE_3 (дата обращения: 17.01.2024).

цию с доступностью образования в Камеруне, Чаде, Центральноафриканской Республике, Конго, Габоне.

Выявлено, что Камерун и Габон как страны с большим доходом охватывают образованием большее количество населения, в то время как Конго, Чад и Центральноафриканская Республика имеют более низкий годовой доход на душу населения и малую доступность образования на всех уровнях. Камерун и Габон являются лидерами в сфере образования; в них разрыв в доходах между богатыми и бедными не такой большой, как в Чаде, Конго и ЦАР, поэтому начальный уровень охвата образованием в этих двух странах остается более высоким.

В странах Африки к югу от Сахары, 42 % школьников прекращают обучение уже в начальных классах, причем 1 ученик из 6 покидает школу, не закончив двух начальных классов, юноши на 30 % чаще бросают школу по сравнению с девушками.

Доступное образование необходимо для сокращения бедности и улучшения экономического роста, но высокая стоимость обучения в сочетании с ограниченным доступом означает, что многие дети остаются необразованными.

В сложившихся экономических условиях необходимо увеличение финансирования государственного образования, поскольку государственные расходы на образование – это инвестиции в человеческий капитал, имеющий высокую отдачу как для общества, так и для отдельных людей [13]. На наш взгляд, для улучшения ситуации с образованием в странах Центральной Африки необходимо:

- предоставлять финансовую помощь семьям с низким уровнем дохода;
- улучшать доступ к профессионально-техническому образованию, которое может обеспечить альтернативные пути для учащихся, не имеющих доступ к традиционным школьным программам;
- делать более доступным получение технического образования, что может помочь учащимся приобрести навыки и знания, необходимые для получения хорошо оплачиваемой работы, и разорвать порочный круг бедности. Техническое и профессиональное образование сыграло ключевую роль в экономическом развитии и индустриализации обществ во всем мире (европейские страны в период промышленной революции XVIII в., Япония в конце династии Мэйдзи в XIX в., страны Юго-Восточной Азии в XX в.). Глобализация служит доказательством связи социального прогресса с развитием рынка труда и спросом на техническое и профессиональное образование в каждом обществе¹⁴;
- расширять доступ к образованию для детей из неблагополучных семей или внедрять технические и организационные меры для снижения ограничений при ручном труде [14];
- поощрять участие частного сектора в образовании [1; 15];
- увеличивать международную поддержку и помощь: международные организации и развитые страны предоставляют финансовую и техническую помощь для поддержки образовательных инициатив в Центральной Африке, включая развитие инфраструктуры, подготовку учителей и разработку учебных программ. Например, международное сообщество может помочь бедным и уяз-

¹⁴ Imani N., Bodo S. Benefits of Digital Technical and Vocational Education and Training [Электронный ресурс] // Association for the Development in Education in Africa (ADEA) : сайт. 3 March 2021. URL: <https://www.adeanet.org/en/blogs/benefits-digital-technical-vocational-education-training> (дата обращения: 17.01.2024).

вимым странам сделать образование более доступным путем предоставления финансовой поддержки и развития их институционального потенциала¹⁵.

Решить проблему неравенства доходов и доступности образования в Центральной Африке можно только комплексно: с обязательным включением государственной политики, с участием частного сектора и международной поддержкой. Реализация этих решений поможет создать более равноправную систему образования, которая обеспечит доступ к качественному обучению для всего населения [1].

Полученные исследовательские данные по доступности образования в странах Центральной Африки делают акцент на проблеме образования большей части населения. Они могут послужить стартовой точкой для разработки возможных путей экономического и политического пересмотра подхода руководства стран к более эффективной помощи населению для получения доступного образования и уменьшения неравенства в образовании разных слоев населения.

REFERENCES

1. Ngetobai M.R. The Impact of Income Inequality and the Level of Economic Development of Countries on the Availability of Education in Central African Countries. *Finansovaya zhizn*. 2023;(3):104–109. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [UNGCNG](https://doi.org/10.18356/1a71d0ef-en)
2. Musau Z. Africa Grapples with Huge Disparities in Education. *Africa Renewal*. 2018;31(3):10–11. <https://doi.org/10.18356/1a71d0ef-en>
3. Odusola A., Cornia G.A., Bhorat H., Conceição P., editors. *Income Inequality Trends in Sub-Saharan Africa. Divergence, Determinants and Consequences*. New York: United Nations Development Programme Regional Bureau for Africa; 2017. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/321193546> (accessed 17.01.2024).
4. Quartey P. Fuite des cerveaux et inégalités entre pays. *Commentaires. Revue d'économie du développement*. 2007;15(2-3):89–96. (In French) <https://doi.org/10.3917/edd.212.0089>
5. Murafa S.V. Motives for Getting Higher Education in Different Cultures (China, Africa, Russia). In: Arinushkina A.A., Morozov A.V., Robert I.V., editors. *Contemporary Challenges in Education: Digitalization, Methodology, and Management*. IGI Global, 2023. p. 146–164. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-1826-3.ch011>
6. Murafa S.V., Drozdova V.A. Cross Cultural Study of the Motives for Higher Education Russian and Chinese Students. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2018;(3):96–110. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2018-3-96-110>
7. Novoselova E.N., Liadova A.V. Global Inequality and the Main Trends in Development of Africa Nowadays. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2018;24(3):87–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-87-107>
8. Murafa S.V. Features of the Education System in the Republic of Chad. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2023;21(2):104–119. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [ZAZUVO](https://doi.org/10.54678/QTOK7532)
9. World Social Science Report, 2016: Challenging Inequalities; Pathways to a Just World. Paris: UNESCO; 2016. <https://doi.org/10.54678/QTOK7532>
10. Hillman A.L., Jenkner E. L'éducation des enfants dans les pays pauvres. *Fonds monétaire international*; 2004. (In French) Available at: <https://www.imf.org/-/media/Websites/IMF/imported-publications-loe-pdfs/external/pubs/ft/issues/issues33/fra/issue33f.ashx> (accessed 17.01.2024).
11. Péano S., Kitaev I.V., Oulai D. *Financement et gestion financière de l'éducation*, Paris: l'Institut international de planification de l'éducation; 1999. (In French) Available at: <https://www.iiep.unesco.org/fr/publication/financement-et-gestion-financiere-de-leducation> (accessed 17.01.2024).
12. Pilon M., editor. *Défis du développement en Afrique subsaharienne L'éducation en jeu*. Paris: CEPED; 2006. (In French) Available at: https://www.ceped.org/IMG/pdf/defis_du_developpement_subaharienne_1_education_en_jeu.pdf (accessed 17.01.2024).

¹⁵ Georgieva K., Gaspar V., Pazarbasioglu C. Poor and Vulnerable Countries Need Support to Adapt to Climate Change [Электронный ресурс] // IMF BLOG : сайт. 23 March 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/03/23/blog032322-poor-and-vulnerable-countris-need-support-to-adapt-to-climate-change> (дата обращения: 17.01.2024).

13. Renforcer la contribution de l'enseignement à la croissance (Chapitre 4). In : Études économiques de l'OCDE. 2020;2(2):131–163. (In French) https://doi.org/10.1787/eco_surveys-hun-2010-fr

14. Couffinhal A., Dourgnon P., Geoffard P.-Y., Grignon M., Jusot F., Lavis J., et al. Policies for Reducing Inequalities in Health, what Role can the Health System Play? A European Perspective. *Questions d'Economie de la Santé*. 2005;(93). Available at: <https://www.irdes.fr/english/2005/issues-in-health-economics.html> (accessed 17.01.2024).

15. Partenariats public-privé dans le secteur de l'éducation. Internationale de l'Éducation. Brussels; 2009. (In French) Available at: https://download.ei-ie.org/Docs/WebDepot/200909_publication_Public-Private-Partnership-in-Education_fr.pdf (accessed 17.01.2024).

Об авторах:

Мурафа Светлана Валентиновна, кандидат психологических наук, заведующий сектором методического обеспечения Федерального ресурсного центра развития психологической службы в системе высшего образования Российской академии образования (119121, Российская Федерация, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8), доцент кафедры психологической антропологии Института детства Московского педагогического государственного университета (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4819-660X>, Researcher ID: C-8181-2016, Scopus ID: 54393816000, murafa.svetlana@gmail.com

Нгетобай Массенгар Ронгар, аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1513-6478>, mrnguetobaye@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

С. В. Мурафа – научное руководство; критический анализ и доработка текста; визуализация и представление данных в тексте; формулирование выводов.

М. Р. Нгетобай – обеспечение ресурсами; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 31.05.2023; поступила после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 06.02.2024.

About the authors:

Svetlana V. Murafa, Cand.Sci. (Psychol.), Head of the Methodological Support Sector of the Federal Resource Center for the Development of Psychological Services in the Higher Education System of the Russian Academy of Education (8 Pogodinskaya St., Moscow 119121, Russian Federation), Associate Professor of the Chair of Psychological Anthropology, Institute of Childhood, Moscow Pedagogical State University (1, bd. 1 M. Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4819-660X>, Researcher ID: C-8181-2016, Scopus ID: 54393816000, murafa.svetlana@gmail.com

Massengar R. Nguetobaye, Postgraduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradskiy Prospect, Moscow 125993, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1513-6478>, mrnguetobaye@gmail.com

Contribution of the authors:

S. V. Murafa – scientific guidance; critical analysis and revision of the text; visualization/presentation of data in the text; formulation of conclusions.

M. R. Nguetobaye – resource provision; data and evidence collection; formalized data analysis.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 31.05.2023; revised 25.01.2024; accepted 06.02.2024.

Практика применения некоторых форм электронного взаимодействия власти и населения в Свердловской области

Е. Н. Заборова

*Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
ezaborova@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Вопрос о взаимодействии власти и населения давно и активно обсуждается в научной литературе, так как степень вовлечения населения в управление регионами и муниципалитетами показывает уровень демократичности общества. Научной проблемой является разработка механизмов вовлечения населения к участию в управлении территорией и усиление мотивации чиновников региональной и муниципальной власти к взаимодействию с населением. Один из способов решения данной проблемы – совершенствование механизмов и форм взаимодействия. Цель исследования – изучить степень распространения новых форм электронного взаимодействия власти и населения и дать им оценку.

Материалы и методы. Были отобраны и обобщены аналитические материалы исследований по заявленной тематике, ключевые правовые акты, регламентирующие процесс взаимодействия власти и населения. Использовался метод анализа статистических данных, представленных на официальных сайтах органов власти. Проанализированы показатели за 10 лет (с 2013 по 2023 г.) о количестве обращений граждан и их формах. Также использовались отчеты избирательной комиссии Свердловской области о проведении дистанционного голосования.

Результаты исследования. Выявлена тенденция преобладания электронных форм взаимодействия над письменными обращениями и личными встречами граждан с представителями власти. Электронные формы заменяют классические формы (голосование на выборах на избирательных участках) и становятся неотъемлемым элементом новых процессов, таких как инициативное бюджетирование. Определено, что электронные формы облегчают процесс взаимодействия с точки зрения экономии средств и времени, но в то же время порождают и новые вызовы (нарастание формализма, подверженность техническим сбоям, недоверие к технологиям и пр.).

Обсуждение и заключение. Новые формы электронного взаимодействия представляют собой большой шаг вперед, движение от практики простого информирования населения к непосредственному вовлечению граждан в систему управления и распределения бюджетных средств. Предполагается, что они повысят активность населения. Однако, наряду с явными достоинствами, они порождают и новые проблемы, требующие дальнейшего изучения и внедрения в практику взаимодействия власти и населения.

Ключевые слова: информационное взаимодействие власти и населения, электронное обращение, дистанционное голосование, инициативное бюджетирование

© Заборова Е. Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Заборова Е. Н. Практика применения некоторых форм электронного взаимодействия власти и населения в Свердловской области // Регионология. 2024. Т. 32, № 2. С. 290–307. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.290-307>

Practice of Electronic Interaction between the Government and the Population in the Sverdlovsk Region

E. N. Zaborova

*Ural State University of Economics
(Yekaterinburg, Russian Federation)
ezaborova@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The issue of interaction between the government and the population has long been actively discussed in the scientific literature, since the degree of involvement of the population in the management of the region and the municipality shows the level of democracy of society. The government and the population are relatively independent communities with their own interests, which may not coincide, the alienation of the population from management generates corruption and dictatorship of the government. The scientific problem is the development of mechanisms for involving the population to participate in the management of the territory and strengthening the motivation of officials of regional and municipal authorities to interact with the population. One of the ways to solve this problem is to improve the mechanisms and forms of interaction. The purpose of the article is to investigate the extent of the spread of new forms of electronic interaction between the government and the population and to assess them.

Materials and Methods. Analytical materials of research on the subject, key legal acts regulating the process of interaction between the government and the population were selected and summarized. The method of analyzing statistical data presented on the official websites of the Government of the Sverdlovsk Region and the Administration of the municipal formation of the city of Yekaterinburg was used. The indicators for 10 years (from 2013 to 2023) on the number of citizens' appeals and their forms, as well as reports of the election commission of the Sverdlovsk region on remote voting, are analyzed.

Results. The tendency of the predominance of electronic forms of interaction over written appeals and personal meetings of citizens with government representatives has been revealed. Electronic forms are replacing classical forms (voting in elections at polling stations) and are becoming an integral part of new processes such as proactive budgeting. Electronic forms facilitate the interaction process in terms of saving money and time, but at the same time they also generate new challenges (increasing formalism, susceptibility to technical failures, distrust of technology, etc.).

Discussion and Conclusion. It is noted that the new forms of electronic interaction are a big step forward, the transition from the practice of simply informing the population to the direct involvement of citizens in the management and distribution of budgetary funds. Great expectations are placed on the new electronic forms; it is assumed that they will increase the activity of the population. However, along with the obvious advantages, they give rise to new problems that require further study and implementation in the practice of interaction between the authorities and the population.

Keywords: information interaction between the government and the population, electronic appeals, remote voting, initiative budgeting

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Zaborova E.N. Practice of Electronic Interaction between the Government and the Population in the Sverdlovsk Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):290–307. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.290-307>

Введение. Вопрос о взаимодействии власти и населения давно и широко обсуждается в научной литературе, ему посвящено большое количество трудов политологов, социологов, юристов, специалистов других отраслей знаний. Внимание к данной теме обусловлено тем фактом, что власть (управленцы,

чиновники, руководители) – это особая социальная группа, профессионально занятая управленческим трудом, имеющая свои собственные отличительные характеристики и собственные интересы, нередко расходящиеся с интересами других социальных групп. Будучи изолированной от населения и неконтролируемой им, она может действовать исключительно в своих собственных интересах, становясь коррумпированной и диктаторской [1]. Только контроль со стороны других социальных групп позволяет сдерживать власть, взаимодействие власти и населения приводит к учету интересов населения при проведении региональной и муниципальной политики, делает ее социально ориентированной. Уровень вовлечения населения к управлению фиксирует степень демократичности политического режима.

Проблема взаимодействия власти и населения усугубляется тем фактом, что общаться органам власти с населением тяжело, так как последнее в своей основной массе не обладает всей полнотой информации, не знает законов и всех ограничений, видит только свою узкую проблему, а не картину в целом. Кроме того, население неорганизовано и в основном пассивно. Количество граждан, активно участвующих в управлении своим поселением, неоднозначно и колеблется во времени, но в целом в текущей повседневной практике оно не превышает 25 % от общей численности граждан¹. Следовательно, необходимо не только разработать механизмы вовлечения граждан к участию в управлении, но и мотивировать чиновников региональной и муниципальной власти к взаимодействию с населением. Один из путей решения данной проблемы – совершенствование каналов и форм взаимодействия.

Информационная эпоха ознаменовалась появлением большого набора электронных форм взаимодействия власти и населения. В систему регионального и муниципального управления активно внедряются новые электронные формы, которые можно подразделить на информационные сообщения (анонсы, обзоры, статьи, объявления, бюллетени) и информационные мероприятия (конференции, презентации, брифинги, опросы, интервью, семинары). Управленцы регионального уровня используют разнообразный арсенал информационных технологий – социальные сети, форумы, веб-сайты. В ряде регионов и муниципалитетов (например, Москве, Пермском крае, Липецкой области, Ростовена-Дону) власти внедрили цифровые краудсорсинговые платформы, благодаря которым граждане имеют возможность генерировать идеи и выступать в качестве экспертов в рамках направлений, задаваемых администрациями. Все региональные и муниципальные органы власти имеют официальные электронные сайты, в которых содержится ключевая информация об органе власти, направлениях его деятельности, нормативно-правовых актах, представлены контакты руководителей служб. Руководители регионов контактируют с населением через социальные сети и личные аккаунты. Большую популярность получил портал «Госуслуги».

В данной статье мы ограничили исследование тремя формами – электронными обращениями граждан, инициативным бюджетированием и дистанционным голосованием, так как считаем их примерами, наиболее ярко демонстрирующими

¹ Заборова Е. Н. Управление городом : учеб. пособие / Мин-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. гос. эконом. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : УрГЭУ, 2021. С. 80–90.

контакты власти и населения. Обращения к власти (челобитные, жалобы, просьбы, заявления) во все времена свидетельствовали о наиболее актуальных проблемах, волнующих граждан. Дистанционное голосование важно, так как посредством выборов население делегирует полномочия своим избранным представителям, т. е. формирует органы власти. Элементы электронного голосования в системе инициативного бюджетирования знаменуют собой новый шаг в степени вовлечения граждан к управлению: они вовлекаются в систему распределения части регионального и муниципального бюджетов.

Цель исследования – изучить степень распространения новых форм электронного взаимодействия власти и населения и дать им оценку. Задачи работы – выявить динамику изменений электронных обращений; проанализировать дистанционное голосование и электронные компоненты процесса инициативного бюджетирования.

Обзор литературы. Тема взаимодействия власти и населения активно исследуется в научной литературе. Она является одним из компонентов более общих теорий демократического государственного устройства, акцентируя внимание на таком его аспекте, как роль и механизмы вовлечения населения к управлению территорией. В ее основе лежит теория партиципаторной демократии, основателями которой считаются К. Пейтман², К. Макферсон³, Дж. Циммерман⁴. В отечественной науке социальному взаимодействию, формам гражданского участия посвящены работы А. И. Черкасова [2], степень активности населения, социальное участие исследуют В. С. Богданов, А. А. Мерзляков [3], Е. В. Реутов [4].

Особым аспектом в рассмотрении темы можно назвать большой пул статей, посвященных разнообразным современным электронным формам коммуникации власти и населения [5]. В работах содержится оценка позиций основных акторов взаимодействия. Так, Д. Н. Боброва, О. С. Петрова фиксируют факт неудовлетворенности многих граждан ответами, приходящими на обращения из администрации [6, с. 217]. А. П. Соколов, Д. А. Семенов отмечают позитивный настрой представителей власти на взаимодействие с населением посредством электронных форм и их готовность к электронному диалогу [7].

Достаточно много авторов изучают электронные формы обращения граждан, сущность института обращений граждан и его правовые основы [8–10]. А. Ю. Звонарева справедливо отмечает, что несмотря на значительное количество изменений и дополнений Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», все еще остается ряд областей в сфере работы с обращениями граждан, требующих дальнейшей проработки. Так, необходимо дать точную регламентацию самого понятия «обращения граждан» и их классификацию [8].

Вопросы дистанционного голосования исследуются в трудах Р. А. Алексеева, А. В. Абрамова [11], Е. И. Колюшина [12]. В. И. Федоров и Д. А. Ежов

² Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge University Press., 1970. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511720444>

³ Macpherson C. B. Democratic Theory: Essays in Retrieval. Oxford : Clarendon Press, 1973. <https://doi.org/10.1017/S0008423900041056>

⁴ Zimmerman J. Interstate Relations: The Neglected Dimension of Federalism. Westport, Conn. : Praeger, 1996.

анализируют этапы внедрения дистанционного голосования и отмечают, что в России активно развивается «удобное голосование» (гибкие сроки, несколько каналов голосования) [13, с. 156].

Практика инициативного бюджетирования – это российская версия широко распространенного в мире партисипаторного бюджетирования [14–17]. Его отечественные формы исследуют В. В. Вагин [18], Т. И. Виноградова [19], В. В. Дербенева [20]. Г. Хачатрян с соавторами разработали операционное руководство практики инициативного бюджетирования, в котором подробно излагаются механизмы и пути его реализации⁵.

В зарубежной литературе также активно исследуется практика электронного правительства, ведется изучение региональной специфики [21], анализируется опыт дистанционного голосования [22]. Исследования показывают, что власти активно используют электронные формы для повышения вовлеченности граждан в политические и социальные процессы [23; 24]. Некоторые ученые размышляют над тем, облегчает ли использование гражданами интернета взаимодействие с правительствами, как они сказываются на отношениях между ними и их правительствами [25]. Опыт анализа электронного правительства в США, Великобритании и Европейском союзе показал, что взаимодействие в основном направлено на потребности исполнительной власти в ущерб практикам консультаций и участия [26]. Т. Дж. Клейтон и Г. Стрейб отмечают нарастающую популярность связей населения и правительства посредством интернета, в то же время указывается на слабость интерактивности взаимодействия [27].

Электронное взаимодействие способствует усилению контактов с властью, однако для отдельных демографических групп такое взаимодействие затруднено [28], отмечается существование цифрового неравенства в Европе в зависимости от региона проживания граждан. Р. Сантини и Х. Карвалью делают вывод, что власть, а не технологии, является главным препятствием для эффективного участия гражданина в управлении, традиционные политические элиты мало заинтересованы в строительстве прозрачной демократии [29].

Обширная литература по теме подтверждает ее актуальность, в то же время ситуация постоянно меняется, и новые реалии требуют дальнейшего исследования темы взаимодействия власти и населения.

В настоящее время региональные и муниципальные власти обязаны взаимодействовать с населением, что предписано серией законов федеральной власти и указов регионального уровня. Юридическую основу взаимодействия власти и населения составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в национальном

⁵ Хачатрян Г., Шульга И., Гридин С., Сухова А. Операционное руководство практики инициативного бюджетирования: пример Программы поддержки местных инициатив. М. : Алекс, 2016. 88 с.

проекте «Цифровая экономика Российской Федерации». Федеральный Закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» законодательно предписывает предоставление государственных и муниципальных услуг населению в электронной форме в рамках закрепленных за органом власти полномочий. Регионы и муниципалитеты разработали собственные программные документы, которые направлены на повышение эффективности и упрощение коммуникаций власти и населения.

Материалы и методы. Методологическую базу статьи образуют работы отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих теорию и практику взаимодействия власти и населения и ее новых электронных форм. Статистическую базу составляют данные отчетов с 2013 по 2023 г. об обращениях граждан, расположенные на официальных сайтах правительства Свердловской области и администрации муниципального образования г. Екатеринбург.

Мы использовали метод анализа документов в качестве основного инструментария исследования. На официальных сайтах администрации г. Екатеринбурга и сайте губернатора и правительства Свердловской области расположены отчеты об обращениях граждан, содержащие информацию о количестве обращений, их формах, тематике, принятых мерах. В качестве единиц анализа были выбраны «количество обращений», «электронные обращения», «письменные (бумажные) обращения». Были исключены из анализа данные по обращениям организаций, акцент сделан на обращения граждан.

Статистические отчеты, находящиеся на официальных сайтах, представляют собой неоднородный материал. Так, на сайте правительства Свердловской области опубликованы данные начиная с 2013 г., на сайте администрации муниципального образования г. Екатеринбург – с 2014-го. В отдельные годы (2019 г., сайт правительства Свердловской области) информация дана только по полугодиям, в другие – в целом по году. Данные были сведены в одну форму – результаты за год. Затем составлялись сводные таблицы за весь изучаемый период.

Кроме того, не всегда данные ранжированы по формам обращения (личные, электронные, письменные). Эти обстоятельства отразились на результатах наших исследований.

Результаты исследования. С 2023 г. в практику функционирования региональной и муниципальной власти внедрена единая интегрированная система учета и обработки обращений граждан. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 171 «О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций», государственные и муниципальные органы обязаны размещать на своих официальных сайтах информацию об обращениях и ежемесячно в электронной форме отправлять отчет о количестве полученных обращений и принятых мерах в Администрацию Президента Российской Федерации. За невыполнение законов и нарушение порядка рассмотрения обращений граждан ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает штрафные административные санкции в размере от пяти до десяти тысяч рублей.

Формы участия населения в управлении также регламентированы и перечислены в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах

организации местного самоуправления». Население может участвовать в управлении через такие формы, как правотворческая инициатива, собрания и конференции граждан (собрание делегатов), публичные слушания, территориальное общественное самоуправление, наказания избирателей, опросы, обращения граждан в органы регионального управления и местного самоуправления.

Обязательность взаимодействия власти и населения, предписанная законом, привела к тому, что властные органы начали активно использовать широкий спектр различных электронных информационно-цифровых технологий.

Новые формы взаимодействия также появились и у населения. Традиционно граждане могли обратиться к властям посредством разных каналов: устно (через личные встречи на постоянных приемах или во время выездных приемов должностных лиц); по круглосуточному телефону; письменно (отправив обращение почтой или доставив его лично). Сегодня к ним присоединились такие формы, как электронные обращения, дистанционное голосование, инициативное бюджетирование.

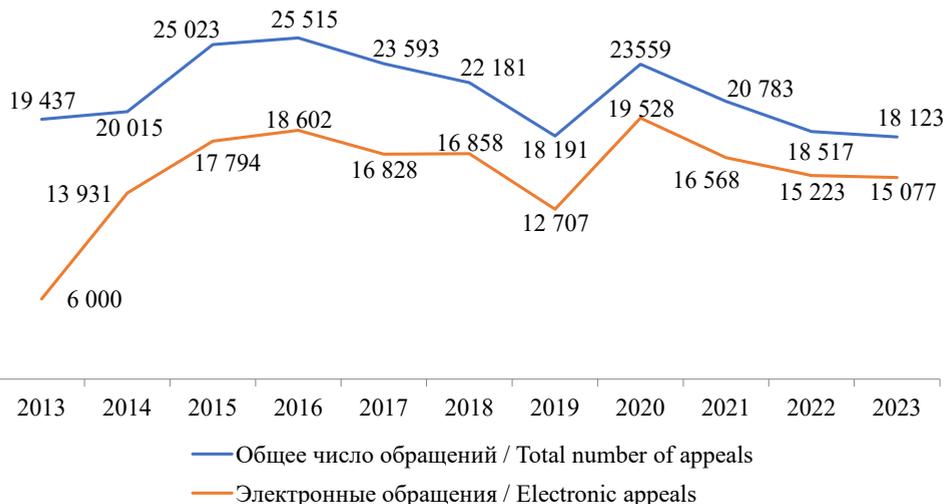
Электронные обращения – это новая форма взаимодействия власти и населения, когда гражданин оформляет электронный документ, который можно отправить на сайт администрации в электронные приемные или по электронной почте. В сравнении с письменным обращением электронное имеет ряд преимуществ – его можно подать в любое удобное гражданину время, оно не требует затрат на почтовые расходы.

При заполнении электронного обращения гражданин должен выполнить ряд требований: указать свои фамилию, имя, отчество, адрес электронной почты, уведомление о переадресации обращения. Если этих данных нет или текст письменного обращения не поддается прочтению, если в нем содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, то ответ на такое обращение не дается и оно не подлежит направлению на рассмотрение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в соответствии с их компетенцией. Эти ограничения можно оценить как движение в сторону повышения ответственности со стороны граждан, защиту органов власти от недобросовестности заявителей и распространения фэйковой информации.

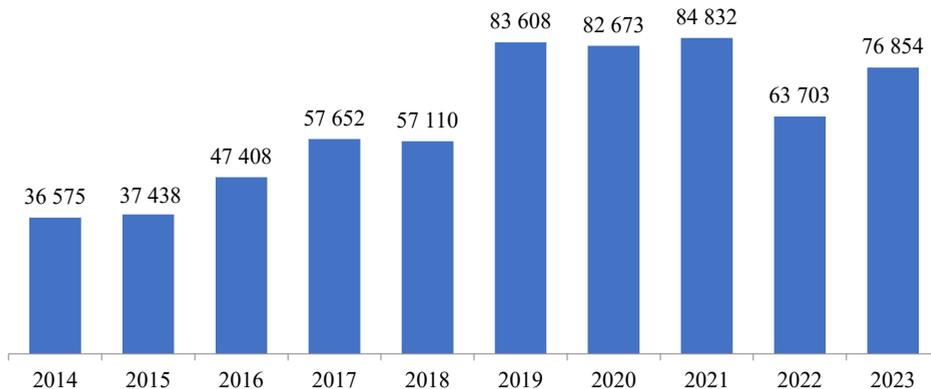
Анализ статистических отчетов об обращениях граждан в адрес губернатора Свердловской области и правительства Свердловской области за 2013–2023 гг. показывает тенденцию увеличения количества электронных обращений (рис. 1). Если в 2013 г. в адрес губернатора и правительства Свердловской области поступило 6 000 электронных обращений, то к 2023 г. их количество достигло 15 077, увеличившись в 2,5 раза.

Еще более показателен анализ данных, опубликованных на официальном сайте администрации муниципального образования г. Екатеринбург. Екатеринбург – столица Свердловской области, в нем сконцентрирована значительная часть жителей региона – 1 539 371 чел. из 4 239 311 чел. (2023 г.).

Выявлена тенденция к увеличению всех форм обращений граждан в органы управления муниципальным образованием (рис. 2).

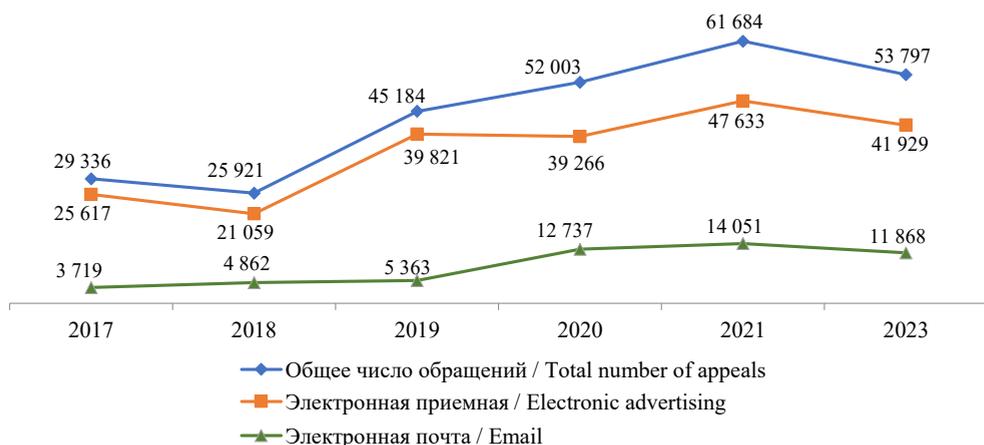
Р и с. 1. Динамика обращений граждан в адрес губернатора и правительства Свердловской области за 2013–2023 гг.⁶
 F i g. 1. Dynamics of citizens' appeals to the governor and the government of the Sverdlovsk Region for 2013–2023

Р и с. 2. Динамика изменений всех форм обращений в администрацию и главе муниципального образования г. Екатеринбург Свердловской области
 F i g. 2. Dynamics of changes in all forms of appeals to the administration and the head of Yekaterinburg in the Sverdlovsk Region

В период с 2014 по 2023 г. количество обращений граждан всех форм в целом увеличилось с 36 575 до 76 854, или в 2,1 раза. В общем потоке обращений преобладают электронные обращения (рис. 3). При этом передача обращений через электронные приемные начинает доминировать над таким каналом, как электронная почта. В то же время количество граждан, приходящих на личный прием, сокращается. Так, если в 2017 г. насчитывался 1 941 чел., записавшийся на личный прием в администрацию города, то в 2023 г. их количество снизилось до 963. Аналогично идет снижение письменных обращений в бумажном варианте: в 2017 г. такой формат выбрали 15 786 граждан, а в 2023 г. – 10 370.

⁶ Здесь и далее в статье рисунки составлены автором по материалам исследования.

Р и с. 3. Динамика роста числа обращений граждан в администрацию и главе г. Екатеринбурга Свердловской области

F i g. 3. The dynamics of the growth in the number of citizens' appeals to the Administration and the Head of Yekaterinburg in the Sverdlovsk Region

Полученные данные позволяют констатировать тот факт, что в общении власти и населения преобладают электронные формы взаимодействия. Это обстоятельство обусловлено как в целом разворачиванием процессов информационно-цифровой эпохи, внедрением в практику управления компьютерной техники и новых информационных программ, так и целенаправленной политикой федеральных и региональных властей по усилению коммуникаций между властью и населением.

Обращает на себя внимание факт сокращения общего числа обращений в правительство Свердловской области: если в 2013 г. их было 19 437, то в 2023 г. – 18 123. В то же время количество обращений в администрацию г. Екатеринбурга не сократилось, а возросло с 36 573 в 2014 г. до 76 854 в 2023 г. (рис. 2). Для объективной интерпретации данных тенденций необходимо провести дополнительные исследования. В настоящий момент можно выдвинуть ряд гипотез: возможно, областная власть стала работать более эффективно (например, оперативно информирует население), или, наоборот, население разочаровалось в его работе, или его интересы переместились в сторону геополитической обстановки и пр.

Граждане стали чаще обращаться в органы власти в электронной форме, однако, как и всякий новый процесс, электронные обращения влекут за собой и новые проблемы и трудности.

Электронное обращение предполагает наличие у граждан определенных компетенций в сфере информационных технологий, наличие как минимум знаний и опыта обращения с компьютером. Для основной массы населения нашей страны это не представляет особых трудностей, так как большинство граждан имеют компьютеры и опыт работы с различными программами. Однако нельзя сказать, что электронная форма обращения доступна абсолютно всем: в обществе до сих пор существует информационное неравенство, выражающееся не только в разном уровне компетенций, но и в отсутствии компьютеров и доступа к интернету [30; 31].

Электронное взаимодействие власти и населения предполагает жесткие сроки его рассмотрения – 30 дней со дня регистрации. Данное обстоятельство повышает нагрузку на региональных чиновников, что, в свою очередь, порождает формализм в ответах на заявления, способствует увеличению бюрократизма.

В практике работы региональных органов предусмотрено, что если власти на своем официальном сайте в интернете уже отвечали на вопрос, задаваемый гражданином в обращении, то его можно перенаправить на необходимый сайт, указав электронный адрес. Если властные органы уже неоднократно отвечали на вопрос по существу, а гражданин продолжает обращаться, то чиновники в праве принять решение о бесосновательности обращения и прекращении переписки. В данном случае наблюдается расхождение мнений: чиновнику кажется, что все уже сказано, однако гражданин остался неудовлетворенным. Расхождение мнений в случае важности вопроса может перерасти в конфликт, породить чувство недовольства властью, повысить градус раздражения в обществе.

Личное взаимодействие власти и населения, сокращение которого мы наблюдаем, – тоже неоднозначно позитивный процесс. Живое общение людей с представителями власти гораздо богаче с точки зрения каналов взаимодействия и его эмоционального влияния на граждан. Визуальный, эмоциональный, звуковой и прочие каналы передачи информации позволяют гражданину получить гораздо более полную информацию об отношении чиновников к интересующей его проблеме. Даже отрицательный ответ, сделанный в эмоционально-спокойном тоне, оказывает на обращающегося более позитивное воздействие, нежели формальный ответ в письменной форме.

Еще одной новой формой взаимодействия власти и населения в регионе является дистанционное электронное голосование – голосование с использованием программного обеспечения на портале vybory.gov.ru.

Дистанционное электронное голосование впервые применялось в соответствии с Федеральным законом от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской думы седьмого созыва» в 2019 г. Затем поэтапно шло расширение данного эксперимента, к нему подключалось все больше регионов. В 2022 г. в нем участвовали уже восемь регионов (Москва, Калининградская, Калужская, Курская, Новгородская, Псковская, Томская и Ярославская области). В 2023 г. дистанционное голосование прошло в 25 субъектах Федерации, в нем приняли участие более 1 млн чел. В 2024 г. на выборах президента России дистанционно проголосовало 8 млн избирателей.

Свердловская область также присоединилась к электронному дистанционному голосованию в 2023 г. В этой форме граждане могли проголосовать за депутатов на дополнительных выборах Законодательного Собрания Свердловской области по Ирбитскому одномандатному избирательному округу, в выборах депутатов Екатеринбургской городской думы и ряда городских округов (Белоярского, Качканарского, Верхней Пышмы, Каменск-Уральского). Электронное голосование не заменяло традиционный бумажный способ голосования, но дополняло его, предоставляя избирателям новые возможности.

Участие в электронном дистанционном голосовании предполагало соблюдение ряда требований. Так, необходимо было иметь не только регистрацию по месту жительства, но и подтвержденную учетную запись на портале «Госуслуги»; следовало подать заявление об участии в голосовании в течение 12 дней и проголосовать в сжатые сроки – с 8:00 9 сентября до 20:00 10 сентября 2023 г. В случае регистрации на портале гражданин автоматически вычеркивался из списка избирателей на своем избирательном участке, проголосовать одновременно дистанционно и лично он не мог. В Свердловской области на дистанционном электронном голосовании было зарегистрировано более 77 тыс. избирателей, 90 % из них поучаствовали в этой процедуре, что в целом составляет почти 6,6 % от общего числа избирателей.

Электронное дистанционное голосование позволяет гражданам выразить свое мнение, не посещая избирательный участок и не заполняя бумажный бюллетень, тем самым экономится время избирателей. Внедрение дистанционного электронного голосования способствует сокращению государственных и муниципальных затрат на проведение процесса голосования (аренду помещений, работу комиссий, затрат на бумажную продукцию и пр.). Существует мнение, что дистанционное голосование способствует движению к более высокой явке избирателей, прежде всего молодежи, обладающей навыками владения компьютером; если совмещать «традиционное» и дистанционное голосование, то количество голосующих будет увеличиваться.

В то же время электронное дистанционное голосование может быть подвержено техническим сбоям, рискам кибератак. Новая форма голосования также вызывает недоверие со стороны части населения, так как технологии процесса электронного голосования (технология блокчейн, которая позволяет проверить и обеспечить непрерывность транзакций [32], система криптошифрования [33], процедура разделения ключа расшифрования) скрыты от понимания основной массы населения, и оно вынужденно опираться исключительно на доверие к власти.

Еще одной новой формой взаимодействия власти и населения можно назвать получающую все большее распространение практику инициативного (партисипаторного) бюджетирования, в котором присутствуют элементы электронного взаимодействия.

Инициативное бюджетирование – это совокупность практик вовлечения граждан в процесс распределения части бюджетных средств, это участие граждан в вопросах бюджетирования на местном уровне, реализация идеологии гражданского участия. Инициативное бюджетирование – это российская версия партисипаторного бюджетирования, распространенного в зарубежной практике. Они отличаются тем, что если в партисипаторном бюджетировании граждане участвуют в распределении части местного бюджета на конкурсной основе, то в инициативном бюджетировании их участие основывается на софинансировании.

Сегодня региональные и муниципальные власти организуют публичный процесс выдвижения, обсуждения и отбора проектов, информация о порядке выбора проекта (алгоритм, методика) размещается на электронном портале региональных властей, при отборе проектов проводится онлайн-голосование. Власти определяют сферы, в которых могут быть инициированы проекты, а граждане

сами выбирают конкретные приоритетные направления. Проекты-победители получают финансовую поддержку из областного, местного бюджетов, а также внебюджетных источников. Инициаторы проекта от населения могут быть разными (индивидуальные предприниматели, юридические лица, старосты поселений, ТОСы, НКО и др). Они запускают конкретный проект и участвуют в нем, внося определенный процент денежных средств, осуществляют контроль за ходом его реализации.

На федеральном уровне юридическую основу инициативного бюджетирования образует Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 236 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», который позволяет осуществить еще одну дополнительную форму участия населения в управлении – инициативные проекты. В настоящий момент также разработаны Методические рекомендации по процедуре проведения инициативного бюджетирования⁷. Однако в целом практика инициативного бюджетирования пока не унифицирована, и регионы во многом проявляют самостоятельность и творчество в ее реализации. В 2023 г. законы о реализации проектов инициативного бюджетирования приняты в 18 субъектах Российской Федерации, в 40 субъектах инициативное бюджетирование регулируется постановлениями высшего исполнительного органа. В 2022 г. в число субъектов Федерации, реализовавших наибольшее количество практик (более 15 практик разного уровня), вошли Краснодарский край, Республика Коми, Самарская область, Ставропольский край, Оренбургская область, Ульяновская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

В Свердловской области издан Приказ Министерства экономики и территориального развития Свердловской области от 9 июля 2018 г. № 40 «Об одобрении типовой формы постановления главы (администрации) муниципального образования, расположенного на территории Свердловской области, об утверждении Порядка проведения конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования и состава конкурсной комиссии». Министерство экономики и территориального развития в 2023 г. выпустило пособие «Инициативное бюджетирование Свердловской области: вопросы и ответы». В регионе действует постоянная конкурсная комиссия по отбору проектов инициативного бюджетирования.

Если в целом в 2022 г. по регионам России самыми востребованными типами инициативных проектов стали проекты дорожной сферы, связанные с ремонтом и обустройством автомобильных дорог и тротуаров, проекты организации мест массового отдыха населения и комплексного благоустройства дворов, то специфика инициативного бюджетирования в Свердловской области отражается в выборе таких проектов, как благоустройство территорий, дополнительное образование детей и информационные технологии для виртуальных экспозиций в учреждениях культуры. В модели софинансирования, принятой в Свердловской области, предполагается, что доля средств от городского населения колеблется в пределах от 5 до 60 %, для сельского – от 1 до 56 %; от юридических лиц

⁷ Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации (подготовлено Минфином России) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». 2021. 8 февр. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400065718/> (дата обращения: 17.01.2024).

и индивидуальных предпринимателей – в пределах от 10 до 65 %; местного бюджета – 5–85 %; регионального – не более 50 % и 2 млн руб. При этом участие населения, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей осуществляется в денежной форме. В 2023 г. победителями стали 89 проектов из 44 муниципальных образований Свердловской области. В рамках практики столицы Свердловской области «Екатеринбург, предлагай!» в 2022 г. были реализованы 69 проектов общей стоимостью около 22 млн руб. Основной источник финансирования – бюджет города (50 %). Объем средств софинансирования гражданами составил 26 %, юридическими лицами – 24 %⁸.

В настоящее время электронная составляющая преобладает не на всех этапах инициативного бюджетирования. Первый этап – выдвижение проектов – в основном осуществляется в форме очных личных встреч, однако электронное голосование в Свердловской области доминирует на этапе голосования за предложенные проекты. Можно также добавить, что сам факт появления инициативного бюджетирования во многом порожден развитием электронных форм голосования.

Обсуждение и заключение. Взаимодействие власти и населения в настоящее время стало более разнообразным. Если в недавнем прошлом оно осуществлялось в традиционных формах, закрепленных в Федеральном законе от 3 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», то теперь к ним добавилась еще форма «инициативные проекты». Изменилась форма взаимодействия – оно все более переходит в разряд электронного взаимодействия, что обусловлено самой информационной эпохой. Следует заметить, что аналогичные процессы идут и в других развитых странах мира.

Оценивая практику дистанционного электронного голосования, отечественные авторы надеются на повышение уровня явки избирателей. Однако по мнению зарубежных исследователей, электронное голосование не оказывает существенного влияния на уровень явки, хотя и повышает участие случайных избирателей [34].

Весьма высоко оценивается в научной литературе инициативное бюджетирование. Если ранее население только информировалось и с ним советовались, то теперь мы наблюдаем факт непосредственного вовлечения населения в распределение денежных потоков, что следует считать большим шагом вперед в процессе вовлечения жителей к участию в управлении территорией. Технология, предполагающая выдвижение проектов от групп граждан, действует в направлении их консолидации и укрепления доверия в обществе.

Полученные результаты позволили выявить и оценить современные электронные формы взаимодействия власти и населения, что представляет интерес как для ученых, так и для руководителей всех уровней, обязанных расширять взаимодействие по закону. Они также практически значимы с точки зрения определения проблемных точек взаимодействия. Всякий новый процесс влечет

⁸ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях [Электронный ресурс] / Минфин России. М., 2023. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2023/Doklad_best_practics_2023_.pdf (дата обращения: 17.01.2024).

за собой и новые трудности, порождает новые вызовы, которые требуют изучения и новых решений от властных органов всех уровней.

Дальнейшее направление исследований предполагает расширение и углубление спектра новых форм взаимодействия, изучение специфики взаимодействия по крупным и малым городам, оценки содержания обращений, обобщение опыта инициативного бюджетирования и расширяющейся практики дистанционного голосования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коновалов Д. А. Политико-экономический подход в изучении институциональных оснований диктатур // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 3 (19). С. 234–241. EDN: YVMYXR
2. Черкасов А. И. Прямая и партисипационная демократия как средство вовлечения населения в процесс принятия решений на местном уровне // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 190–215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamaya-i-partisipatsionnaya-demokratiya-kak-sredstvo-vovlecheniya-naseleniya-v-protsess-prinyatiya-resheniy-na-mestnom-urovne> (дата обращения: 19.01.2024).
3. Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 65–77. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6>
4. Реутов Е. В. Ответственное участие в делах местного сообщества как фактор развития местного самоуправления // Управление городом: теория и практика. 2020. № 1 (35). С. 8–13. URL: <https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2020/06/1-35-2020-upravlenie-gorodom.pdf> (дата обращения: 19.01.2024).
5. Белый В. А., Видясова Л. А., Чугунов А. В. Электронная среда взаимодействия власти и граждан в современном мегаполисе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15, вып. 2. С. 105–122. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.201>
6. Боброва Д. Н., Петрова О. С. Современные технологии в работе с обращениями граждан в органах местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 212–218. EDN: QVRYJN
7. Соколов А. П., Семенов Д. А. Взаимодействие органов государственной власти с населением с помощью цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 3, № 4 (124). С. 301–306. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.03.023>
8. Звонарева А. Ю. К вопросу организации работы с обращениями граждан // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 117–121. URL: <https://clck.ru/3AW6ew> (дата обращения: 17.01.2024).
9. Меретукова И. В., Чернов Ю. И. Специфика оказания электронных государственных и муниципальных услуг // Эпомен. 2021. № 65. С. 197–203. URL: <https://www.epomen.ru/issues/2021/65/epomen-65-66-2021.pdf> (дата обращения: 19.01.2024).
10. Савоськин А. В. «Обращения граждан» как правовая категория // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 85–99. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.3.8599>
11. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1. С. 9–21. URL: <https://clck.ru/3AW7Vd> (дата обращения: 18.01.2024).
12. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30. EDN: XMVPCJ
13. Федоров В. И., Ежов Д. А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 146–162. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1055>
14. Best E., Augustyn M., Lambermont F. Direct and Participatory Democracy at Grassroots Level: Levers for Forging EU Citizenship and Identity? Maastricht : EIPA, 2011. 117 p. <https://doi.org/10.2863/63437>

15. Baiocchi G., Ganuza E. Becoming a Best Practice: Neoliberalism and the Curious Case of Participatory Budgeting // *Democratizing Inequalities: Dilemmas of the New Public Participation* / eds. by C. W. Lee, M. McQuarrie, E. T. Walker. New York University Press., 2015. Pp. 187–203. <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479847273.003.0010>
16. De Oliveira B. Participatory Action Research as a Research Approach: Advantages, Limitations and Criticisms // *Qualitative Research Journal*. 2023. Vol. 23, no. 3. Pp. 287–297. <https://doi.org/10.1108/QRJ-08-2022-0101>
17. Models of Participatory Budgeting. Analysis of Participatory Budgeting Procedures in Poland / K. Maćzka [et al.] // *Polish Sociological Review*. 2021. Vol. 216, issue 4. Pp. 473–492. <https://doi.org/10.26412/psr216.03>
18. Вагин В. В. Участие граждан в государственных программах Российской Федерации // *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. 2023. № 1. С. 23–26. URL: <https://lawinfo.ru/articles/2231/ucastie-grazdan-v-gosudarstvennyh-programmax-rossiiskoi-federacii> (дата обращения: 18.01.2024).
19. Виноградова Т. И. Партиципаторное бюджетирование как инструмент, способствующий достижению целей устойчивого развития // *Финансовый журнал*. 2021. Т. 13, № 2. С. 46–60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-46-60>
20. Дербенева В. В. Электронное общественное участие как вектор развития инициативного бюджетирования // *ЭКО*. 2020. № 9 (555). С. 90–113. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4113> (дата обращения: 19.01.2024).
21. Rodríguez-Hevia L. F., Rodríguez-Fernández L., Ruiz-Gómez L. M. European Regional Inequalities in Citizens' Digital Interaction with Government // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2022. Vol. 16, issue 4. Pp. 504–518. <https://doi.org/10.1108/TG-03-2022-0031>
22. Gerber A. S., Rogers T. Descriptive Social Norms and Motivation to Vote: Everybody's Voting and so should you // *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71, issue 1. Pp. 178–191. <https://doi.org/10.1017/S0022381608090117>
23. Haro-de-Rosario A., Sáez-Martín A., del Carmen Caba-Pérez M. Using Social Media to Enhance Citizen Engagement with Local Government: Twitter or Facebook? // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20, issue 1. Pp. 29–49. <https://doi.org/10.1177/1461444816645652>
24. Sweeney A. D. P. Electronic Government-citizen Relationships: Exploring Citizen Perspectives // *Journal of Information Technology & Politics*. 2008. Vol. 4, issue 2. Pp. 101–116. <https://doi.org/10.1080/19331680802076165>
25. Hand L. C., Ching B. D. “You Have One Friend Request” An Exploration of Power and Citizen Engagement in Local Governments' Use of Social Media // *Administrative Theory & Praxis*. 2011. Vol. 33, issue 3. Pp. 362–382. <https://doi.org/10.2753/ATP1084-1806330303>
26. Chadwick A., May C. Interaction between States and Citizens in the Age of the Internet: “E-Government” in the United States, Britain, and the European Union // *Governance*. 2003. Vol. 16, issue 2. Pp. 271–300. <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00216>
27. Clayton T. J., Streib G. The New Face of Government: Citizen-initiated Contacts in the Era of E-Government // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2003. Vol. 13, issue 1. Pp. 83–102. <https://doi.org/10.1093/jopart/mug010>
28. McNeal R., Hale K., Dotterweich L. Citizen–Government Interaction and the Internet: Expectations and Accomplishments in Contact, Quality, and Trust // *Journal of Information Technology & Politics*. 2008. Vol. 5, issue 2. Pp. 213–229. <https://doi.org/10.1080/19331680802298298>
29. Santini R. M., Carvalho H. Online Platforms for Citizen Participation: Meta-synthesis and Critical Analysis of their Social and Political Impacts // *Comunicação e sociedade*. 2019. Vol. 36. Pp. 163–182. [https://doi.org/10.17231/comsoc.36\(2019\).2350](https://doi.org/10.17231/comsoc.36(2019).2350)
30. Шевченко О. М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия // *Гуманитарий Юга России*. 2023. Т. 12, № 1 (59). С. 54–65. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.4>
31. Digital Inequalities and why they Matter / L. Robinson [et al.] // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, issue 5. Pp. 569–582. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1012532>
32. Khan K., Arshad J., Khan M. Investigating Performance Constraints for Blockchain Based Secure E-voting System // *Future Generation Computer Systems*. 2020. Vol. 105. Pp. 13–26. <https://doi.org/10.1016/j.future.2019.11.005>

* Принадлежит компании Meta, признана в России запрещенной экстремистской организацией.

33. Assuring Anonymity and Privacy in Electronic Voting with Distributed Technologies Based on Blockchain / V. Neziri [et al.] // *Applied Sciences*. 2022. Vol. 12, issue 11. Article no. 5477. <https://doi.org/10.3390/app12115477>

34. Petitpas A., Jaquet J., Sciarini P. Does E-Voting Matter for Turnout, and to Whom? // *Electoral Studies*. 2021. Vol. 71. Article no. 102245. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102245>

REFERENCE

1. Kononov D.A. Political and Economic Approach in Studying of the Institutional Bases of Dictatorships. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2018;(3):234–241. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YVMYXR

2. Cherkasov A.I. Direct and Participatory Democracy as the Means of Citizen's Involvement into the Local Decision-Making. *Proceedings of the Institute of State and Law*. 2018;13(2):190–215. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamaya-i-partisipatsionnaya-demokratiya-kak-sredstvo-vovlecheniya-naseleniya-v-protsess-prinyatiya-resheniy-na-mestnom-urovne> (accessed 19.01.2024).

3. Bogdanov V.S., Merzlyakov A.A. Diagnostics of the Potential of Social Participation in the Context of Organizing Feedback between Authorities and Population. *Research Result. Sociology and Management*. 2018;4(4):65–77. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6>

4. Reutov E.V. Responsible Participation in the Affairs of Local Community as a Factor of Development of Local Self-Governance. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*. 2020;(1):8–13. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2020/06/1-35-2020-upravlenie-gorodom.pdf> (accessed: 01.19.2024).

5. Bely V.A., Vidyasova L.A., Chugunov A.V. Citizens E-Participation in the Modern Metropolis: Area and Specifics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2022;15(2):105–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.201>

6. Bobrova D.N., Petrova O.S. Modern Technologies in Working with Citizens' Appeals in Local Self-Government Bodies. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):212–218. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: QVRYJN

7. Sokolov A.P., Semenov D.A. Interaction of State Authorities with the Population Through Digitalization. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2022;3(4):301–306. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.03.023>

8. Zvonareva A.Yu. To the Question of Organization of Work with Appeals of Citizens. *Academic Thought*. 2020;(2):117–121. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3AW6ew> (accessed 17.01.2024).

9. Meretukova I.V., Chernov Yu.I. To the Question of the Constitutional and Legal Foundations of Economic Activity. *Epomen*. 2021;(65):197–203. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.epomen.ru/issues/2021/65/epomen-65-66-2021.pdf> (accessed 19.01.2024).

10. Savoskin A.V. Citizen's Appeal as Legal Category. *Nauchnyi yezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2017;17(3):85–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.3.8599>

11. Alekseev R.A., Abramov A.V. Problems and Prospects of Using Electronic Voting and Blockchain Technology in Elections in Russia and Abroad. *Citizen. Elections. Authority*. 2020;(1):9–21. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3AW7Vd> (accessed 18.01.2024).

12. Kolyushin E.I. Legal Issues of Remote Electronic Voting. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;(2):25–30. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: XMVPCJ

13. Fedorov V.I., Yezhov D.A. Evolution of Electronic Voting in Russia: Problems of Classification and Periodization. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2021;(1):146–162. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1055>

14. Best E., Augustine M., Lambermont F. Direct Democracy and Grassroots Participation: Levers for Shaping EU Citizenship and Identity? Maastricht: EIPA; 2011. <https://doi.org/10.2863/63437>

15. Baiocchi G., Ganuzan. Definition of Best Practices: Neoliberalism and the Long-Term Effect of Applying the Badge in Practice. In: Lee K.W., McQuarrie M., Walker E.T., eds. *Democratizing Inequality: Dilemmas of New Public Opinion*. New York University Press.; 2015. p. 187–203. <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479847273.003.0010>

16. De Oliveira B. Participatory Action Research as a Research Approach: Advantages, Limitations and Criticism. *Journal of Qualitative Research*. 2023;23(3):287–297. <https://doi.org/10.1108/QRJ-08-2022-0101>
17. Monchka K., Jeran A., Matczak P., Milewicz M., Allegretti G. Models of Participatory Budgeting. Analysis of Participatory Budgeting Procedures in Poland. *Polish Sociological Review*. 2021;216(4):473–492. <https://doi.org/10.26412/psr216.03>
18. Vagin V.V. Participation of Citizens in State Programs of the Russian Federation. *Municipal Property: Economics, Law, Management*. 2023;(1):23–26. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://lawinfo.ru/articles/2231/ucastic-grazdan-v-gosudarstvennyx-programmax-rossiiskoi-federacii> (accessed 18.01.2024).
19. Vinogradova T.I. Participatory Budgeting as a Tool Contributing to the Achievement of the Sustainable Development Goals. *Financial Journal*. 2021;13(2):46–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-46-60>
20. Derbeneva V.V. E-Participation as a Vector of Developing Participatory Budgeting. *ECO*. 2020;(9):90–113. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ecotrends.ru/index.php/eo/article/view/4113> (accessed 19.01.2024).
21. Rodríguez-Hevía L.F., Rodríguez-Fernández L., Ruiz-Gómez L.M. European Regional Inequalities in Citizens' Digital Interaction with Government. *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2022;16(4):504–518. <https://doi.org/10.1108/TG-03-2022-0031>
22. Gerber A.S., Rogers T. Descriptive Social Norms and Motivation to Vote: Everybody, s Voting and so Should You. *The Journal of Politics*. 2009;71(1):178–191. <https://doi.org/10.1017/S0022381608090117>
23. Haro-de-Rosario A., Sáez-Martín A., del Carmen Caba-Pérez M. Using Social Media to Enhance Citizen Engagement with Local Government: Twitter or Facebook? *New Media & Society*. 2018;20(1):29–49. <https://doi.org/10.1177/1461444816645652>
24. Sweeney A.D.P. Electronic Government-Citizen Relationships: Exploring Citizen Perspectives. *Journal of Information Technology & Politics*. 2008;4(2):101–116. <https://doi.org/10.1080/19331680802076165>
25. Hand L.C., Ching B.D. “You Have One Friend Request” An Exploration of Power and Citizen Engagement in Local Governments' Use of Social Media. *Administrative Theory & Praxis*. 2011;33(3):362–382. <https://doi.org/10.2753/ATP1084-1806330303>
26. Chadwick A., May C. Interaction Between States and Citizens in the Age of the Internet: “E-Government” in the United States, Britain, and the European Union. *Governance*. 2003;16(2):271–300. <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00216>
27. Clayton T.J., Streib G. The New Face of Government: Citizen-Initiated Contacts in the Era of E-Government. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2003;13(1):83–102. <https://doi.org/10.1093/jopart/mug010>
28. McNeal R., Hale K., Dotterweich L. Citizen–Government Interaction and the Internet: Expectations and Accomplishments in Contact, Quality, and Trust. *Journal of Information Technology & Politics*. 2008;5(2):213–229. <https://doi.org/10.1080/19331680802298298>
29. Santini R.M., Carvalho H. Online Platforms for Citizen Participation: Meta-Synthesis and Critical Analysis of their Social and Political Impacts. *Comunicação e sociedade*. 2019;36:163–182. [https://doi.org/10.17231/comsoc.36\(2019\).2350](https://doi.org/10.17231/comsoc.36(2019).2350)
30. Shevchenko O.M. Digital Divide in Modern Russian Society: Levels and Social Consequences. *Humanities of the South of Russia*. 2023;12(1):54–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.4>
31. Robinson L., Cotten S.R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., et al. Digital Inequality and Why It Matters. *Information, Communication and Society*. 2015;18(5):569–582. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1012532>
32. Khan K., Arshad J., Khan M. Investigating Performance Constraints for Blockchain Based Secure E-Voting System. *Future Generation Computer Systems*. 2020;105:13–26. <https://doi.org/10.1016/j.future.2019.11.005>
33. Neziri V., Shabani I., Dervishi R., Rexha B. Assuring Anonymity and Privacy in Electronic Voting with Distributed Technologies Based on Blockchain. *Applied Sciences*. 2022;12(11):5477. <https://doi.org/10.3390/app12115477>
34. Petitpas A., Jacquet J., Schiarini P. Does E-Voting Matter for Turnout, and to Whom? *Electoral Studies*. 2021;71:102245. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102245>

Об авторе:

Заборова Елена Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4319-6440>, Scopus ID: 7801409598, ezaborova@yandex.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 23.01.2024; поступила после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.

About the author:

Elena N. Zaborova, Dr.Sci. (Sociol.), Professor of the Chair of Regional, Municipal Economics and Management of the Ural State University of Economics (62 8th March St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4319-6440>, Scopus ID: 7801409598, ezaborova@yandex.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 23.01.2024; revised 29.02.2024; accepted 12.03.2024.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.308-325

УДК 338.2:339.142

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Системная оценка Транскаспийского маршрута международного транспортного коридора «Север – Юг» методом динамического норматива

В. В. Перская¹Ф. И. Аржаев¹✉Я. Ван²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)

² Шэньчжэньский университет (г. Шэньчжэнь, Китай)
✉ arzhaevfedor@gmail.com

Аннотация

Введение. Оценка объема и структуры торговли представляет собой сложную задачу, особенно когда цель такой оценки состоит в том, чтобы найти «узкие места» и устранить их. Методические подходы к решению таких задач существенно различаются, включают достаточно сложные методы, такие как объектно-ориентированное программирование, сетевые модели и т. д., что позволяет отразить дискретный характер товаропотока. Тем не менее с учетом особой роли международной инфраструктуры в современной мировой экономике решение этой задачи представляется актуальным и имеет прикладную значимость. Цель исследования – разработать методологию дискретной, высокочастотной оценки объема транзита товаров по Транскаспийскому маршруту международного транспортного коридора «Север – Юг».

Материалы и методы. Методология работы состоит из двух частей – обработки данных и их систематизации и моделирования функционирования международного транспортного коридора с использованием метода динамического норматива для товарных потоков. Первая часть необходима из-за ограниченности данных о товарах, перевозимых по международному транспортному коридору. Во второй части коридор поделен на участки и проанализировано изменение товарооборота по каждому из них методом динамического норматива.

Результаты исследования. Оценены барьеры развития Транскаспийского коридора и заинтересованность участников в его функционировании. Разработан инструментарий оценки функционирования коридора, учитывающий узкое место при транспортировке грузов через Иран. Проведена обработка статистических данных, выявлены проблемные периоды и участки коридора. Сформулированы рекомендации по развитию Транскаспийского и международного транспортного коридоров в современных условиях.

Обсуждение и заключение. Основные результаты и выводы исследования включают авторскую систему мониторинга и балансирования товаропотока по коридору, выявление дисбалансов функционирования Транскаспийского и международного транспортного коридоров как системы

© Перская В. В., Аржаев Ф. И., Ван Я., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и возможных решений по их выравниванию. Исследование имеет практическую значимость для логистических предприятий, компаний финансового сектора российских экспортеров и органов власти экономического блока.

Ключевые слова: международный транспортный коридор «Север – Юг», модель динамического норматива, Транскаспийский коридор, эффективность товаропотока, международная торговля, транспортировка грузов

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Перская В. В., Аржаев Ф. И., Ван Я. Системная оценка Транскаспийского маршрута международного транспортного коридора «Север – Юг» методом динамического норматива // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2. С. 308–325. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.308-325>

System Assessment of the International “North-South” Transport Corridor’ Trans-Caspian Route Based on Dynamic Standard Model

V. V. Perskaya^a, F. I. Arzhaev^a✉, Ya. Wang^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

^b Shenzhen University (Shenzhen, China)

✉ arzhaevfedor@gmail.com

Abstract

Introduction. Assessing the volume and structure of trade, particularly in multimodal transportation, is a challenging task, especially when the aim of such an assessment is to identify bottlenecks and remove them. Methodological approaches for solving such problems can vary significantly and include rather complex techniques such as object-oriented programming and network models, allowing to reflect the discrete character of trade flow. Nevertheless, considering the significant role of international transportation infrastructure in the modern global economy, solving this problem appears relevant and has practical significance. The purpose of this study is to develop a methodology for a discrete, high-frequency evaluation of the volume of goods transit along the Trans-Caspian corridor of the International “North-South” Transport Corridor, whereas the objective is the trade volume along this route.

Materials and Methods. The methodology of this work consists of two components – data processing and analysis and model construction, based on the standard dynamic model. The first component is necessary due to the limited character of data on goods transported via the International “North-South” Transport Corridor. In the second part of the study, the corridor is divided into several sections and the changes in the turnover for each section are analyzed using the dynamic standard method.

Results. The barriers to the development of the Trans-Caspian Corridor and the interests of participants in its operation are assessed. A toolkit for evaluating the performance of the corridor is created, considering the bottle neck in the transportation of goods via Iran. Statistical data are processed, and problematic times and sections of the corridor are identified. Recommendations on the development of the Trans-Caspian and international transport corridors in modern conditions are formulated.

Discussion and Conclusion. The main results and conclusions of this study include the authors’ system for monitoring and regulating the flow of goods along the corridor; identifying imbalances in the operation of the Trans-Caspian Corridor and International “North-South” Transport Corridor as a system; and possible solutions to align these imbalances. Recommendations for the development of the Trans-Caspian corridor and the International “North-South” Transport Corridor in modern conditions. This study has practical implications for logistics companies, financial institutions, Russian exporters, and authorities of economic blocs.

Keywords: International “North-South” Transportation Corridor, dynamic standard model, Trans-Caspian corridor, efficiency of goods flow, international trade, cargo transportation

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Perskaya V.V., Arzhaev F.I., Wang Ya. System Assessment of the International “North-South” Transport Corridor’ Trans-Caspian Route Based on Dynamic Standard Model. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):308–325. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.308-325>

Введение. Характерной особенностью мировой торговли последнего десятилетия является стремительное развитие сектора услуг; инфраструктурные проекты выступают драйверами роста национальных экономик, не только способствуя развитию внешнеторгового оборота между странами, но и выступая катализаторами национальной экономики. Транспортные услуги в 2019 г. составляли 16,3 %, а в 2021 г. – 17,3 %, а в 2022 г. – уже 20,8 % от общего объема услуг в мировом ВВП. По экспертным оценкам, в 2022 г. мировая экономика практически вышла на траекторию восстановления и ожидалось, что в 2023 г. доля транспортных услуг еще возрастет¹. Таким образом, несмотря на процесс фрагментации мировой экономики, транспортный сегмент способен выступить драйвером ее развития.

На воздушный и морской транспорт сегодня приходится примерно равная доля экспорта услуг в этом секторе – около 40 %. Экспортные перевозки товаров сами по себе являются экспортом услуг: на грузовые перевозки приходится 8 % общего мирового экспорта услуг.

Пандемия COVID-19 обусловила разрыв существующих глобальных цепочек создания стоимости, что потребовало от правительств развитых и развивающихся стран вмешательства, в том числе изменения денежно-кредитной политики. В целом это позволило стабилизировать ресурсное обеспечение и запустить новые производственные мощности. Ожидается, что развитие национальных хозяйств будет идти более быстрыми темпами, чем рост мировой торговли². В этой связи примерно на 75–80 % (в зависимости от маршрута) упали спотовые ставки на контейнерные перевозки. В начале 2023 г. более 50 % мирового объема контейнерных перевозок было зафиксировано в срочных контрактах с фиксированными более высокими ставками. Однако срок действия большинства из них истекает в течение года, после чего ставки снова упадут; транспортные услуги станут дешевле, что обуславливает особую роль международных транспортных коридоров в дальнейшем развитии мировой экономики³.

Введение экономических санкций развитыми странами и попытка блокирования внешнеторговых операций России и ряда стран (Китая, Венесуэлы и Ирана) поставили перед этими государствами вопрос о формировании новых собственных транспортных коридоров и создании регулируемого в интересах развития национальных экономик подвижного состава и транспортных средств под национальными флагами.

Следовательно, развитие международного транспортного коридора (далее – МТК) «Север – Юг» представляется важнейшим проектом не только для использования конкурентных преимуществ стран-участниц для развития взаимной

¹ Will “Slowbalisation” Snowball into the Global Services Trade? [Электронный ресурс] // PwC : сайт. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/global-economy-watch/global-services-trade.html> (дата обращения: 20.02.2024).

² Colijn B., Luman R. World Trade to See Big Shifts and Weaker Growth in 2023 [Электронный ресурс] // ING Thinking : сайт. URL: <https://think.ing.com/articles/world-trade-to-see-big-shifts-and-weak-growth-in-2023/> (дата обращения: 20.02.2024).

³ Там же.

торговли, но и для создания условий поступательности развития национальных хозяйств в условиях формирования многополярной конфигурации мирового сообщества, где вопрос национальной конкурентоспособности и обеспечения национальным хозяйством возможности внутренних драйверов развития является «краеугольным» фактором.

В этой связи необходимо предложить инструментарий оперативного контроля и корректировки функционирования МТК с целью обеспечения его эффективности, так как в условиях рыночной экономики это важнейшая характеристика любого проекта. Цель исследования – разработать методологию дискретной, высокочастотной оценки объема транзита товаров по Транскаспийскому маршруту МТК. Для ее достижения решен ряд задач: оценены барьеры развития Транскаспийского коридора и заинтересованность участников в его функционировании; разработан инструментарий оценки функционирования коридора, учитывающий узкое место при транспортировке грузов через Иран; проведена обработка статистических данных и выявлены проблемные периоды и участки коридора в 2023 г.; разработаны рекомендации по повышению эффективности функционирования коридора.

Научная новизна исследования заключается в характере разработанной модели, а именно: предложенная модель позволяет проводить оперативное регулирование деятельности международного транспортного коридора с целью достижения и устойчивого поддержания экономической эффективности. Предложенный в работе механизм позволяет выявить проблемные участки движения товаропотоков по МТК, а пространственно-временная фрактализация (или, другими словами, разукрупнение участков и временных периодов) процесса функционирования МТК позволит выявить комплекс проблем и разработать пути их устранения для повышения эффективности мультимодального транспортного коридора в целом.

Обзор литературы. Проблематика МТК в целом хорошо исследована. Например, во многих публикациях подробно описано экономическое и политическое значение проекта для стран-участниц⁴ [1; 2], поэтому в рамках нашего исследования этот аспект рассматривается с точки зрения современных трендов достаточно бегло. Основные идеи, предложенные в части перспектив развития МТК⁵, а также расширения и включения в проект новых членов также достаточно широко освещены [3].

Отдельного интереса заслуживают работы, предлагающие статистические подходы к оценке роли МТК в современной экономике, в частности, в связанности отдельных стран-участниц и регионов⁶ [4]. Интерес представляют анализ территориального эффекта Транскаспийского маршрута для ключевых участников [5], а также результаты гравитационного моделирования, хотя и изложены несколько упрощенно [6]. Отметим особую роль Евразийского банка развития

⁴ Котляков В. М., Швецов А. Н., Глезер О. Б. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2020. 365 с.

⁵ Panda J. P. Revitalizing INSTC: Analyzing Geopolitical Realignments and the China Factor [Электронный ресурс] // ISDP : сайт. URL: <https://www.isdp.eu/publication/revitalizing-instc-analyzing-geopolitical-realignments-and-the-china-factor/> (дата обращения: 20.02.2024).

⁶ Recent Advances in Commerce, Management, and Tourism / P. Kumar [et al.]. Bhanjipur : B P International, 2023. 136 p.

в сборе, анализе и предоставлении данных по МТК. Во многом именно его оценки легли в основу эмпирической части настоящей работы.

Особого внимания заслуживают подходы к оценке транспортных возможностей и эффективности транзита по МТК. Данные исследования встречаются редко и носят в основном описательный характер [7]. Более значимые публикации указывают на необходимость использования сложных методов математического программирования [8], в том числе основанного на гиперэкспоненциальном распределении, или же обращения к матричным методам анализа пространственных данных [9], одна из модификаций которых представлена в этом исследовании. Отметим также, что оптимизационный потенциал в рассматриваемых подходах достаточно сложно рассчитать [10], несмотря на наличие общепринятых подходов к решению оптимизационных задач.

Таким образом, наличие обширного обзорно-эмпирического и фактическое отсутствие прикладного анализа МТК формирует пробел в научных знаниях по вопросу, на заполнение которого и направлено данное исследование.

Материалы и методы. Методика оценки и балансирования торговых потоков по МТК проистекает из характера коридора, а именно его мультимодальности и наличия «узких мест» (естественных ограничений транзитных возможностей). Маршрут можно разделить на два участка: первый – из России в Иран, второй – из Ирана в Индию. Данное исследование ограничено только одним маршрутом, выбор методологии обусловлен наличием «узкого места» на нем – транзитом через Иран. Очевидно, что иранский реэкспорт из Индии в Россию составляет большую часть иранского экспорта, так же как иранский экспорт в Индию в основном представлен реэкспортом из России [4]. С учетом выделенных факторов методология статьи основана на модели динамического норматива, в работе использован следующий алгоритм сбора и обработки данных.

1. Вид транспорта, в первую очередь железнодорожный, ограничивает номенклатуру товаров, которые можно перевозить транзитом. Например, из анализа исключены продукты с коротким сроком хранения, а также углеводороды, поскольку экономически их транзит значительно выгоднее с использованием морского транспорта.

2. Накладывается ограничение на долю товара в экспорте/импорте. В случае, если стоимость экспорта/импорта невелика, потенциал оптимизации такого вида товаров незначителен, как и их влияние на развитие коридора в целом. Чтобы исключить колебания экспорта/импорта, вызванные транзитом таких товаров, они убираются из расчетов, если стоимость их экспорта/импорта на основе классификации SITC-2 составляет менее 1 % от общего объема экспорта, подходящего для транзита через МТК. Результаты показывают, что данный вид товаров составляет до 1,5 % от общего объема экспорта, что незначительно.

3. На основе второго и третьего этапов анализа собираются ежемесячные данные.

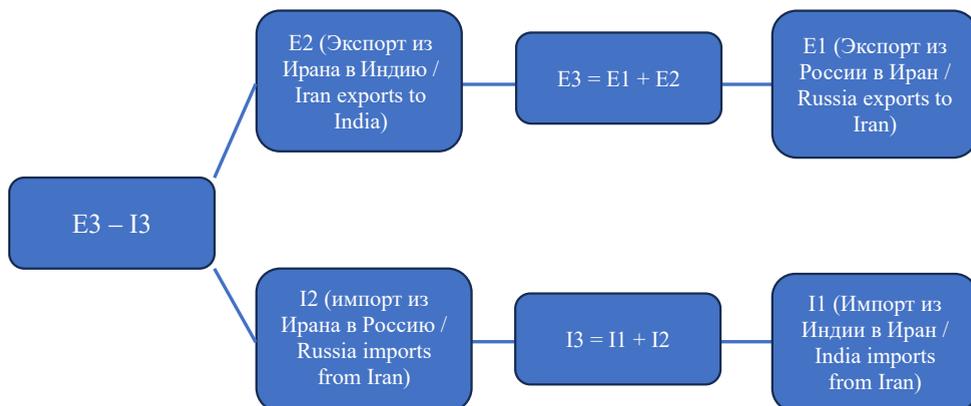
4. Данные по ежемесячной международной торговле России ограничены январем 2022 г., по иранскому импорту – мартом 2023 г. Так как для анализа требуются данные за 2023 г., использованы классические прогнозы ARIMA,

скорректированные на месячные отклонения (а именно ежемесячное отклонение прогнозных и реальных данных за последний доступный год)⁷.

При наличии всех необходимых данных к товаропотоку была применена модель динамического норматива. Опишем этапы ее использования.

Прежде всего были построены ориентированные графы эталонного норматива (рисунок), которые строятся на основе сравнения темпов роста выбранных показателей.

Р и с у н о к. Ориентированный граф для модели динамического норматива⁸
 F i g u r e. Oriented graph for dynamic normative model

Рисунок представляет темпы роста от самых низких до самых высоких слева направо. Следовательно, разница между экспортом и импортом (в нашем случае разница между товарооборотом в обоих направлениях) должна быть наименьшей, а сам товарооборот – максимальным. Следует отметить, что в данном исследовании не рассматриваются прямые торговые потоки между Индией и Россией, поскольку их логистика может существенно отличаться, в том числе товары, их составляющие, могут поставляться с использованием Северного морского пути для экспорта в Китай или экономики Юго-Восточной Азии и затем реэкспортироваться в Индию. Помимо того, что Иран представляется «узким местом» инфраструктуры маршрута, достаточно очевидно, что иранский экспорт в Россию и Индию ограничен специализацией страны и ее долгосрочной ориентированностью на самодостаточность, тогда как индийская и российская экономики экспортоориентированы и их торговля растет быстрее иранской.

Темпы роста каждого параметра ориентированного графа рассчитаны на основе реальных данных. В случае, если рост отрицательный, он представляется в виде $(1 - d) \cdot 100\%$, где d – темп роста в десятичных долях.

1. Матрица a_{ij} строится с использованием набора правил и ориентированного графа. Правило построения матрицы следующее: количество строк (i) и столбцов (j) одинаково и равно количеству элементов ориентированного графа (в нашем случае размерность матрицы 7×7). Основная диагональ матрицы заполнена

⁷ Hillmer S. C., Tiao G. C. An ARIMA-based Approach to Seasonal Adjustment // Journal of the American Statistical Association. 1982. Vol. 77, issue 377. Pp. 63–70.

⁸ Рисунок составлен авторами статьи.

значениями «+1». В случае, если скорость роста параметра i прогнозируется быть выше, чем скорость роста параметра j , элемент n_{ij} имеет значение «+1», в противном случае – «-1». В тех случаях, когда параметры не имеют прямой связи на графе (например, П1 и Е1 на рисунке), значение n_{ij} на их пересечении равно «0». Матрица a_{ij} – матрица эталонного распределения.

2. По тем же принципам строится матрица b_{ij} , но заполняется она на основе реальных данных о темпах роста. Это матрица фактического порядка.

3. Следующий шаг – сравнение эталонной матрицы и матрицы фактического порядка. Для этого используется показатель меры сходства (1).

$$S = (1 - R)100 \%, \quad (1)$$

где S – мера сходства, R – мера разности матриц фактического порядка и эталонной. Последняя показывает, насколько далека реальная ситуация от наиболее эффективной. Рассчитывается показатель следующим образом (2):

$$R = \frac{d}{2 \cdot K}, \quad (2)$$

где K – количество ненулевых ячеек в эталонной матрице, не считая главной диагонали (в нашем случае $K = 24$), d – расстояние между стандартной матрицей и матрицей фактического порядка, рассчитываемое по формуле (3):

$$d = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n |a_{ij} - b_{ij}|, \quad (3)$$

где n_{ij} – элемент на пересечении i -й строки и j -го столбца эталонной матрицы; o_{ij} – элемент на пересечении i -й строки и j -го столбца матрицы фактического порядка; n – количество рассматриваемых показателей.

Мера сходства демонстрирует интегральную характеристику системы – достаточно ли хорошо она функционирует и возможно ли ее оптимизировать. Тем не менее необходимо использовать дополнительные параметры для характеристики динамики развития системы.

4. Проанализируем динамику развития системы с помощью коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и тау-ранговой корреляции Кендалла. Для этого необходимо проранжировать все параметры в каждом периоде по темпу их роста от наивысшего к наименьшему. Это фактическое ранжирование. Нормативное ранжирование известно из ориентированного графа. В случае, если нам необходимо ранжировать несвязанные показатели, они получают ранг в соответствии с количеством значений «+1» в столбцах эталонной матрицы (чем меньше, тем выше их ранг); в случае, если несколько параметров имеют одинаковое количество значений, они получают одинаковый ранг.

5. Рассчитаем коэффициент Спирмена, который используется для оценки эффективности развития системы, достигаемой за счет экстенсивного роста параметров, и вычисляется следующим образом (4):

$$Ks = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n y_i^2}{n(n^2 - 1)}, \quad (4)$$

где y_i – модуль разницы между стандартным и фактическим рангом, а n – количество параметров.

6. Коэффициент тау-корреляции Кендалла позволяет сделать вывод об эффективности внутренних процессов системы (5):

$$Kk = 1 - \frac{4 \sum_{i=1}^n m_i}{n(n-1)}, \quad (5)$$

где m_i – количество инверсий в ранге. Он рассчитывается путем суммирования числа случаев, когда ранг нижестоящего показателя в фактическом нормативе должен быть выше, чем у того, для которого он рассчитывается.

Интегральный коэффициент ранговой корреляции рассчитывается по формуле (6). Он характеризует общую динамику системы (при положительном значении система улучшает свое функционирование, при отрицательном – увеличивается количество провалов системы).

$$Ki = \frac{(1 + Ks)(1 + Kk)}{4}. \quad (6)$$

Представленная выше методология не нова и подробно описана в зарубежных публикациях [11], но редко применяется в экономическом анализе. Первое ее описание было дано И. М. Сыроежиным еще в 1986 г.⁹ На основе методики, представленной выше, производительность МТК оценивается ежемесячно, что, в свою очередь, позволяет отслеживать и оптимизировать ее. В нашей статье потенциалом для оптимизации является задержка или перенос поставки товара на 1 месяц. Правило линейной оптимизации заключается в том, что для максимизации меры сходства, экспорт/импорт в период t должен быть равен или меньше, чем в период $t + 1$, в случае их падения в период $t + 1$ потенциал оптимизации в текущем периоде t ограничен сверху значением в период $t - 1$. Это ограничение позволяет рассчитать потенциал оптимизации.

На основании полученных результатов даны рекомендации по устранению «узких мест» коридора с учетом потенциала роста товаропотока.

Результаты исследования. Россия, Индия и Иран заинтересованы в реализации МТК как экономически, так и политически. Несмотря на геостратегическое положение Ирана, а также региональные сложности и противостояние между Ираном и США, Индия заинтересована расширять транспортный коридор сухопутными, морскими и железнодорожными маршрутами, соединяющими ее с Евразийским регионом через Иран. Для развития Индии как крупной евразийской экономики необходимо придать новый импульс, поддерживаемый международными агентствами, в том числе со стороны региональных партнеров, по возрождению старых инициатив и созданию новых коридоров [12]. В эту концепцию вписывается объявленная в 2023 г. инициатива о создании экономического коридора между Индией, Ближним Востоком и Европой (India – Middle

⁹ Сыроежин И. М. Планомерность, планирование, план: теоретические очерки. М. : Экономика, 1986. 247 с.

East – Europe Economic Corridor, ИМЕС)¹⁰. Он соединит и будет стимулировать экономическое развитие и рост трех регионов: Южной и Юго-Восточной Азии, Персидского залива и Европы. Индия заинтересована в расширении поставок в США и страны Евросоюза, причем увеличение будет кратное. Одновременно МТК «Север – Юг» также представляет интерес как для контрагентов Индии, так и для Пакистана и стран Юго-Восточной Азии. Он также позволяет России получить выход к морским портам Ирана и выйти на рынки названных стран. Именно это взаимодействие с быстро растущими экономиками дружественных стран помогает преодолеть блокаду экономики России.

Для Ирана исследуемый проект значим для развития экономики и для социальной сферы. Страна стремится обеспечить себе независимую политическую и экономическую позицию, для чего активно сотрудничает с Россией, Китаем, Индией, странами Персидского залива и другими развивающимися государствами. Соответственно, МТК для Ирана представляется ключевым доказательством успеха проводимой политики, успехом в противостоянии «коллективному Западу», что в целом справедливо для всех участников проекта. После выхода МТК на проектную мощность Иран станет крупным грузовым транзитным центром на пути из Европы в Азию. Здесь нужно учитывать то, что МТК соединяет не столько конкретные страны, обеспечивая бесперебойность движения товаропотоков, преодоление барьеров на пути движения товаров и способствуя выполнению внешней торговлей функции стимулирования развития национальных экономик, сколько товаропотоки в Евразии, а с учетом использования Китая как части маршрутов ОПОП Иран имеет перспективы стать одним из евразийских торгово-логистических хабов. МТК «Север – Юг» позволит несколько снизить внутренние экономические риски страны (инфляция в мае 2023 г. в годовом исчислении составила 54,6 %, в том числе продовольственная – 78,5 %, а безработица – 9,7 %) ¹¹. Официальная иранская пресса называет проект «золотым маршрутом к экономическому процветанию Ирана» ¹².

Проведем краткий анализ инвестиций в МТК и определим текущий и планируемый товаропоток, уделяя особое внимание «узким местам» проекта. Общий запланированный объем инвестиций в развитие МТК превышает 37 млрд долл., 61 % из которых планируется вложить в развитие Восточного коридора, 12,87 млрд – в иранскую инфраструктуру и 13,21 – в российскую ¹³. Состояние иранской транспортной системы хорошо описано в нескольких предыдущих работах [13; 14], указывающих на неразвитость железнодорожной системы страны, отсутствие железных дорог в целом, а также на необходимость изменения модальности транспорта на пути из Астары в Решт; необходимость

¹⁰ Bhatt Y., Roychoudhury J. India Middle East Europe Economic Corridor: Bridging Economic and Digital Aspirations [Электронный ресурс] // KAPSARC : сайт. URL: <https://www.kapsarc.org/research/publications/india-middle-east-europe-economic-corridor-bridging-economic-and-digital-aspirations/> (дата обращения: 20.02.2024).

¹¹ «Это их спасет»: Иран последовал примеру России [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20230304/iran-1855420899.html> (дата обращения: 08.04.2024).

¹² Там же.

¹³ Международный транспортный коридор Север – Юг: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2. Алматы – М., 2022. 86 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

строительства транзитных узлов с нуля и на международную изоляцию страны. К этому следует добавить следующие ограничения: различия в колее иранских и российских железных дорог; отсутствие достаточных портовых мощностей в Иране [15] и недостаточную развитость инфраструктуры российских портов для растущих объемов транзита; низкое качество и обеспеченность данными о транзите товаров по коридорам МТК в целом, ограничивающее возможности оптимизации логистических потоков и оценки инфраструктуры; длительное время прохождения границ – оно составляет до 50 % времени транзита товаров из России в Индию¹⁴. Второй участок коридора – из Ирана в Индию – морской, его основные ограничения совпадают с названными выше, главным из них видится иранская портовая инфраструктура.

Таким образом, приведенный выше анализ позволяет утверждать, что основным «узким местом» Транскаспийского коридора МТК, исследуемого в данной статье, является Иран; 34 % всех инвестиций, запланированных на развитие МТК, которые планируется предоставить Ирану на инфраструктурные проекты, подтверждают это¹⁵. Что же касается российской инфраструктуры, которая получит практически 36 % всех инвестиций в МТК, то, несмотря на значительную сумму инвестиций, она характеризуется недостаточной пропускной способностью для активного развития вертикальной евразийской торговли и гибкостью. Предполагаемая пропускная способность коридоров МТК варьируется от 325 до 662 тыс. 20-футовых эквивалентов (ТФЕ) до 2030 г., а эффект от его интеграции с другими транспортными маршрутами Евразии позволяет увеличить транзитные мощности от 127 до 246 тыс. ТФЕ. Дельта в указанных сценариях существенно варьируется в основном в зависимости от развития транспортно-логистических мощностей Ирана. Сроки транспортировки грузов по коридору из России в Индию могут составлять до 25 дней, тогда как по существующим альтернативным маршрутам достигают 40 дней. Это, по оценкам отдельных экспертов, может снизить стоимость поставок до 30 %. В долгосрочной перспективе МТК «Север – Юг» может стать альтернативой или органически дополнить китайский проект «Один пояс, один путь». Однако из-за ряда технических проблем (например, отсутствия у России и Ирана современных торговых судов «река – море» с высокой вместимостью, нуждающаяся в модернизации инфраструктура российских портов и пр.) МТК «Север – Юг» еще далек от полноценного функционирования; необходимо его длительное расширение и совершенствование¹⁶.

Товары и способы их транспортировки являются еще одним ограничением коридора. Транспортные расходы для товаров с низкой добавленной стоимостью настолько высоки, что делают их неконкурентоспособными для конечного потребителя. Во избежание этого вводится дополнительный критерий ограничения по добавленной стоимости экспортируемого товара. Товары, используемые в анализе, должны быть конкурентоспособны на мировом рынке и иметь значительную

¹⁴ Международный транспортный коридор Север – Юг: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и его значение для Ирана [Электронный ресурс] // РСМД : сайт. 2023. 26 июля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (дата обращения: 12.02.2024).

долю добавленной стоимости, произведенную в России, Индии или Иране. Основные товары, транспортируемые по коридору, представлены ниже (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Основные транспортируемые грузы, выбранные по ограничительным критериям¹⁷

Table 1. Main transported cargoes selected according to restrictive criteria

Участок / Leg	Товар / Goods
Россия – Иран / Russia – Iran	Зерно / Grain Продукция мукомольной промышленности / Products of the flour milling industry Резина и изделия из нее / Rubber and products made from it Органические химикаты / Organic chemicals Неорганические химикаты / Inorganic chemicals Пластмассы и изделия из них / Plastics and plastics products Фармацевтическая продукция / Pharmaceutical products Электроника и продукция машиностроения / Electronics and mechanical engineering products Транспортные средства, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава / Vehicles other than railway or tram rolling stock Изделия из железа или стали / Iron or steel products Хлопок / Cotton Шелк / Silk Неклассифицируемые товары / Unclassifiable goods
Иран – Индия / Iran – India	Стекло и изделия из него / Glass and glass products Неорганические химикаты / Inorganic chemicals Органические химикаты / Organic chemicals Пластмассы и изделия из них / Plastics and plastics products Шерсть и изделия из нее / Wool and wool products Кожа и изделия из нее / Leather and leather goods Ковры и другие текстильные напольные покрытия / Carpets and other textile floor coverings Лак, камеди, смолы и другие растительные экстракты / Varnish, gums, resins and other plant extracts Кофе, чай, мате и специи / Coffee, tea, mate and spices Какао и продукты из него / Cocoa and cocoa products
Индия – Иран / India – Iran	Зерно / Grain Кофе, чай, мате и специи / Coffee, tea, mate and spices Хлопок / Cotton Органические химикаты / Organic chemicals Фармацевтическая продукция / Pharmaceutical products Дубильные или красящие экстракты / Tanning or coloring extracts Эфирные масла и резиноиды; парфюмерные, косметические или туалетные средства / Essential oils and rubbers; perfumes, cosmetics or toiletries Пластмассы и изделия из них / Plastics and plastics products Белковые вещества; модифицированные крахмалы; клеи; ферменты / Protein substances; modified starches; adhesives; enzymes Резина и изделия из нее / Rubber and products made from it Железо и сталь / Iron and steel Электроника и продукция машиностроения / Electronics and mechanical engineering products
Иран – Россия / Iran – Russia	Пищевая продукция / Food products Сельскохозяйственное сырье / Agricultural raw materials Машины и транспортное оборудование / Machinery and transport equipment Прочие промышленные товары / Other industrial goods

¹⁷ Таблица составлена авторами на основе данных: Trade Statistics [Электронный ресурс] // Trademap : сайт. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> ; Exports, Imports, Trade Volume. Quarterly data [Электронный ресурс] // UNCTADStat : сайт. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.MerchVolumeQuarterly> (дата обращения: 12.02.2024).

Данные о транспортируемых товарах позволяют выдвинуть предположение о несбалансированном характере транзита по Транскаспийскому коридору МТК. В то же время товары, проходящие транзитом по другим коридорам, в анализе не участвуют, поэтому общий товарооборот через МТК может оказаться сбалансированным. Тем не менее Транскаспийский коридор имеет значительные дисбалансы в структуре товаропотока – преобладает транзит из России в Иран и в Иран из Индии, а номенклатура торгуемых товаров, например экспорт зерновых из Индии в Иран, позволяют предположить индийский реэкспорт российских товаров в Иран.

После обработки данных, согласно предложенной методике, обратимся к применению модели динамического норматива. На основе ориентированного графа (рисунок) построена эталонная матрица (табл. 2).

Таблица 2. Эталонная матрица¹⁸

Table 2. Etalon matrix

	E1	E2	I1	I2	I3	E3	E3 – I3
E1	1	1	0	0	0	1	1
E2	-1	1	0	0	0	-1	1
I1	0	0	1	1	1	0	1
I2	0	0	-1	1	-1	0	1
I3	0	0	-1	1	1	0	1
E3	-1	1	0	0	0	1	1
E3 – I3	-1	-1	-1	-1	-1	-1	1

Были построены 12 матриц фактического порядка по одной для каждого месяца 2023 г. Полученные результаты (табл. 3) включают меру сходства для каждого периода и ранговые коэффициенты корреляции. В таблице 3 указан показатель потенциала оптимизации – это нормированный коэффициент, который можно интерпретировать как процентное изменение объема транзита месяц к месяцу для минимизации транзита незагруженных транспортных средств. Он рассчитывается методом линейной оптимизации транзитных потоков на обоих участках коридора, мера сходства выступает в качестве целевой переменной максимизации.

Таблица 3. Результаты применения модели динамического норматива для ежемесячного транзита по Транскаспийскому маршруту международного транспортного коридора

Table 3. Results of application of the dynamic normative model for monthly transit along the Trans-Caspian route of the international transport corridor

	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12
SM 1	0,905	0,857	0,810	0,810	0,857	0,905	0,524	0,810	0,571	0,857	0,619	
Ks 1	0,393	0,321	0,357	0,143	0,536	0,393	-0,286	0,250	-0,214	0,214	-0,321	
Kk 1	0,333	0,143	0,333	0,048	0,429	0,238	-0,238	0,238	-0,143	0,143	-0,238	
Ki 1	0,464	0,378	0,452	0,299	0,548	0,431	0,136	0,387	0,168	0,347	0,129	
OP 0	0,095	0,048	0,048	0,048	0,048	0,000	0,381	0,000	0,238	0,000	0,238	

Примечание / Note: SM – мера сходства / similarity measure; OP – потенциал оптимизации / optimization potential.

¹⁸ Матрица и таблицы 3 и 4 построены авторами статьи по материалам исследования.

Таблица 3 позволяет сделать несколько важных выводов о функционировании МТК и потенциале его оптимизации для снижения стоимости транзита.

Прежде всего, учитывая барьеры развития коридора, его современную работу можно охарактеризовать как достаточно результативную. Падение общей эффективности произошло во второй половине 2023 г., когда объемы транзита резко выросли из-за ужесточения антироссийских санкций [16].

Дисбалансы между месячными объемами товаропотока возникли из-за роста сроков транзита с 45 до 60 дней – двухмесячная длина волны изменения меры сходства это демонстрирует, а удвоение стоимости транзита (до 7000 \$/TFE¹⁹) позволяет сделать вывод о значительном дисбалансе между транзитными мощностями и спросом на перевозку грузов по маршруту. Более высокие значения, чем и K_k , и волатильность K_s доказывают это.

Внутренняя динамика системы коррелирует с ее экстенсивным ростом, а именно: K_s коррелирует с K_k , следовательно, коридор имеет достаточно сбалансированные характеристики как экономическая система, но используется слишком активно.

Интегральный показатель (K_i) остается положительным несмотря на общую тенденцию к снижению. Это указывает на то, что система (Транскаспийский коридор) устойчива к экономическим потрясениям. Тем не менее исключительно низкие показатели K_i в нынешних условиях доказывают наличие такого экономического шока, что коридор балансирует на грани сбоя, хотя динамика системы по-прежнему положительная.

Потенциал оптимизации функционирования коридора существует, но он может быть обеспечен более ранним транзитом грузов, поскольку оптимизация происходит в основном до значения меры сходства в предыдущем (8/11), а не следующем месяце (3/11). Потенциал оптимизации сдерживается и ограничениями иранской инфраструктуры, как и более высокими затратами на перенос транзита на более ранний срок [17] в силу высокой загруженности существующих транзитных мощностей. Для оценки жизнеспособных решений оптимизации функционирования коридора обратимся к таблице 4, демонстрирующей участок коридора, транзит по которому нужно оптимизировать, и направление данной оптимизации (увеличение/уменьшение транзита) (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Результаты оптимизации на основе анализа участков Транскаспийского коридора

Table 4. The optimization results for the “legs” of Trans-Caspian corridor

Показатель / Indicator	02	03	04	05	06	08	10	11
Экспорт Россия – Иран / Export Russia – Iran	Green		Green		Green	Green	Red	
Экспорт Иран – Индия / Export Iran – India	Green		Red	Green	Red			Green
Импорт Иран – Индия / Import Iran – India	Red	Green		Green	Green	Green	Green	Green
Импорт Россия – Иран / Import Russia – Iran		Red	Red	Red	Green		Green	Red

Примечание / Note: зеленый – требует роста; красный – нуждается в уменьшении / green – requires to be increase; red – requires to be decreased.

¹⁹ Коридор «Север – Юг» не справляется с возросшим грузопотоком [Электронный ресурс] // Вестник : сайт. 2023. 28 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/03/28/968353-koridor-sever-yug-ne-spravlyaetsya-s-vozroschim-gruzopotokom> (дата обращения: 12.02.2024).

Очевидно, что технически нарастить (как и ограничить) российский экспорт в Иран возможно, это справедливо и для импорта в Иран из Индии, тогда как рост иранского экспорта в Индию ограничен, так же, как и в Россию, не только возможностями инфраструктуры, но и потенциалом роста выпуска продукции иранской экономикой²⁰. Именно это делает невозможной оптимизацию в феврале, мае и декабре.

Стоит отметить, что полученные результаты не противоречат данным, представленным в эмпирических исследованиях [7], а описанные возможности оптимизации имеют важное практическое значение. Описанную методологию можно довольно просто перенести на другие международные транспортные коридоры, имеющие хотя бы одно «узкое место». В результате можно оценить эффективность западного маршрута МТК (Туркменистан как «узкое место») и восточного маршрута (российские порты как «узкие места»), однако представленный метод не является универсальным в полной мере, так как при отсутствии «узких мест» его применение затруднено вследствие необходимости в явном виде оценить и ранжировать значимость товарных потоков из и в отдельные страны, а также сам по себе он может указать на наименее эффективную часть системы, но одновременно не позволяет безальтернативно сослаться на единственность «узкого места» транспортной инфраструктуры. Это ограничение можно преодолеть с помощью фиктивных переменных роста, основанных на желаемых прогнозах взаимной торговли, вводимых в динамический норматив, но в такой форме он будет иметь более высокую степень субъективности.

Другим важным фактором, определяющим важность проведенного исследования, является потенциал коридора с точки зрения развития горизонтальной инфраструктуры Евразии. Как говорилось ранее, выгоды, которые торговля обеспечивает для развития Евразии, столь же значительны, как и социальное воздействие на наиболее уязвимые социальные группы [18; 19]. Необходимо отметить, что наряду с влиянием международной торговли коридор оказывает стимулирующее воздействие на экономики стран-участниц, обеспечивая рабочие места, прямые иностранные инвестиции и способствуя развитию промышленности. Отметим, что промышленная кооперация между Ираном, Россией и Индией также усилится при дальнейшем развитии коридора, особенно при сокращении сроков поставок, что соответствует национальным интересам стран-участниц, однако требует оптимизации транзита грузов по коридору фактически в реальном времени.

Антироссийские санкции существенно повлияли на проект: выросла его значимость для всех участников, но, как следствие, упала эффективность логистики (объемы транзита превышают возможности логистической системы). МТК развивается быстро²¹, но объем инвестиций, предусмотренных для его строительства, не может существенно ускорить работы по созданию

²⁰ Всемирный банк сообщил о «потерянном десятилетии» в экономике Ирана [Электронный ресурс] // РБК : сайт. 2023. 24 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/11/2023/656009a29a7947f6dfdc85b3> (дата обращения: 08.04.2024).

²¹ Sahakyan M. D. Rebuilding Interconnections: Russia, India and the International North-South Transport Corridor [Электронный ресурс]. URL: <https://hal.science/hal-02943336/document> (дата обращения: 12.02.2024).

инфраструктуры, что приводит к проблемам с внутренней эффективностью системы и повышению стоимости перевозок.

Проведенный анализ дополняет концепцию МТК идеей о том, что чем более диверсифицированы перевозки по коридорам проекта товаров по странам происхождения, тем выше потенциал балансировки и оптимизации транзита. «Узкое место» в Иране сегодня можно преодолеть путем введения новых альтернативных маршрутов либо создания в Иране зон свободной торговли или же дублирующих инфраструктурных хабов для увеличения транзита через страну.

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ продемонстрировал, что функционирование международных транспортных коридоров в условиях нарастающей фрагментации мировой торговли требует мониторинга и контроля за прохождением товаропотоков и оперативной «развязки» возникающих проблем в условиях усиления мер протекционизма или санкционного давления со стороны западных стран.

Предложенная модель позволяет осуществлять такой оперативный контроль, а возможность ее пространственно-временной фрактализации позволяет сфокусировать внимание на наиболее острых проблемах, препятствующих динамичному развитию собственно инфраструктуры МТК «Север – Юг», и диверсификации товаропотоков, позволяя тем самым обеспечить устойчивость функционирования транспортно-логистической системы международного транспортного коридора.

Представленную авторами методологию отличает преимущество, заключающееся в возможности дискретной оценки эффективности транзита, в том числе применительно к торговым потокам в реальном времени.

Транскаспийский коридор МТК сегодня функционирует достаточно эффективно, но значительно перегружен. Без расширения инфраструктуры или снижения товаропотока (возможно, путем его перенаправления по другим коридорам) он окажется дорогим и неэффективным маршрутом. При этом внутренние характеристики Транскаспийского коридора как системы позволяют говорить о его значительной устойчивости к экономическим шокам. Оптимизация товаропотока в рамках коридора возможна, но в основном путем переноса доставок на более ранние сроки, что явно указывает на необходимость развития системы хранения и складирования грузов в Иране.

Данное исследование позволяет концептуально дополнить МТК идеей, что чем более диверсифицированы перевозки товаров по странам происхождения, тем выше потенциал обеспечения эффективности функционирования транспортно-логистической системы МТК. И в этой связи целесообразно расширить системную работу по формированию новых альтернативных маршрутов или вовлечения в транспортно-логистическую систему МТК зон свободной торговли и дублирующих инфраструктурных узлов, что позволит существенным образом повысить грузопотоки, идущие по коридору в целом.

Полученные результаты и описанный метод исследования могут стать основой для системного изучения коридоров МТК и потенциала оптимизации логистических потоков в рамках коридора, дальнейшее исследование вопроса позволит оптимизировать не только российский экспорт в новых условиях, но

и оценить перспективы локальных транспортных коридоров и приграничной торговли России с сопредельными странами. Результаты настоящего исследования имеют практическое применение в логистической отрасли, а также могут использоваться при анализе инвестиционной привлекательности и спроса на инвестиции на отдельных участках коридора. При этом рекомендации могут быть полезны органам государственной власти, профильным госкорпорациям и институтам для совершенствования функционирования МТК.

REFERENCES

1. Gogna S. Assessing India's Engagements in the INSTC and Analysing its Implications on India's Commercial and Strategic Interests. *Strategic Analysis*. 2019;1(43):1–12. <https://doi.org/10.1080/09700161.2019.1573747>
2. Athar Z. India and Russia in Central Asia: Growing Convergence of Interests? *MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(2):251–262. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-251-262>
3. Asaul M.A., Malygin I.G., Mohov A.E. International Transport Corridors of Eurasia and the Silk Road Economic Belt. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2019;(4):33–40. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.ejournal.ru/jour/article/view/249> (accessed 20.02.2024).
4. Chatterjee A. International North South Transport Corridor (INSTC) Connecting India Central – Asia. *International Journal of Research in Social Sciences*. 2018;8(4):601–616. Available at: <https://www.indianjournals.com/ijor.aspx?target=ijor:ijrss&volume=8&issue=4&article=045> (accessed 20.02.2024).
5. Khan Z., Khan K.H., Koch H. Aggregating an Economic Model and GIS to Explore Trade Potentials of India-Caspian Countries and a Way Forward for INSTC. *Research in Globalization*. 2023;7:100154. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2023.100154>
6. Azmi S.N., Khan K.H., Koch H. Assessing the Effect of INSTC on India's Trade with Eurasia: An Application of Gravity Model. *Cogent Economics & Finance*. 2024;12(1):2313899. <https://doi.org/10.1080/23322039.2024.2313899>
7. Zakharov A. The International North-South Transport Corridor: The Prospects and Challenges for Connectivity between Russia and India. *MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(2):216–234. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234>
8. Cancela H., Mauttone A., Urquhart M.E. Mathematical Programming Formulations for Transit Network Design. Transportation Research Part B: Methodological. *Journal of Sustainable Development of Transport and Logistics*. 2015;77:17–37. <https://doi.org/10.1016/j.trb.2015.03.006>
9. Zou Y., Zhu J. Reachability of Higher-Order Logical Control Networks via Matrix Method. *Applied Mathematics and Computation*. 2016;287:50–59. <https://doi.org/10.1016/j.amc.2016.04.013>
10. Singh S., Dubey G.C., Shrivastava R. Various Method to Solve the Optimality for the Transportation Problem. *International Journal of Mathematical Engineering and Science*. 2012;1(4):21–28. Available at: <https://vixra.org/abs/1405.0173> (accessed 20.02.2024).
11. Schoenenberger L., Schmid A., Tanase R., Beck M., Schwaninger M. Structural Analysis of System Dynamics Models. *Simulation Modelling Practice and Theory*. 2021;110:102333. <https://doi.org/10.1016/j.simpat.2021.102333>
12. Roy M.S. Iran: India's Gateway to Central Asia. *Strategic Analysis*. 2012;36(6):957–975. <https://doi.org/10.1080/09700161.2012.728862>
13. Sahih A.Z., Shahmiri S., Momtazi M., Zohreh M. Optimization of Fleet Size and Determining the Optimal Allocation of Wagons in Minerals Transport Network: A Case Study of Iran's Railway System. *Journal of Rail Transport Planning & Management*. 2023;28:100414. <https://doi.org/10.1016/j.jrtpm.2023.100414>
14. Li J., Lei Y. Development and Challenges of Iran's Railway Transportation Infrastructure Based on The Perspective of "The Belt and Road" Initiative. In: Proceedings of the 2023 International Conference on Management Innovation and Economy Development (MIED 2023). Guilin: Atlantis Press; 2023. p. 242–249. https://doi.org/10.2991/978-94-6463-260-6_31

15. Leila A.S.D., Abdullah M.S. The Economic and Strategic Significance of Iranian Ports: Jask Port as a Case Study. *Journal for Iranian Studies*. 2021;13(5):49–66. Available at: <https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploads/sites/2/2021/09/THE-ECONOMIC-AND-STRATEGIC-SIGNIFICANCE-OF-IRANIAN-PORTS-JASK-PORT-AS-A-CASE-STUDY.pdf> (accessed 20.02.2024).

16. Vinokurov E.Y., Ahunbaev A., Zaboev A.I. International North–South Transport Corridor: Boosting Russia’s “Pivot to the South” and Trans-Eurasian Connectivity. *Russian Journal of Economics*. 2022;8(2):159–173. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.86617>

17. Farshidnejad M., Javanmard H., Abutalebpur A. Investigation and Identification of Variables of Cost and Time Affecting International Freight Transportation in the International North-South Transit Corridor (INSTC). *International Journal of Transportation Engineering*. 2022;10(1):899–918. <https://doi.org/10.22119/IJTE.2022.278236.1562>

18. Palu R., Hilmola O.P. Future Potential of Trans-Caspian Corridor: Review. *Logistics*. 2023;7(3):39. <https://doi.org/10.3390/logistics7030039>

19. Belov (Yurtaev) V.I., Binish. India, Russia and Iran: A New Study on “North – South” International Transport Corridor. *Information and Innovations*. 2021;16(4):18–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25>

Об авторах:

Перская Виктория Вадимовна, доктор экономических наук, профессор, директор Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1988-4374>, Researcher ID: HII-7219-2022, Scopus ID: 57197793892, vprofessor7970@gmail.com

Аржаев Федор Игоревич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2986-3235>, Researcher ID: KAZ-9367-2024, Scopus ID: 58037855500, arzhaevfedor@gmail.com

Ван Яньмин, кандидат экономических наук, главный специалист и председатель Союза инвестиций и торговли с Россией и странами Средней Азии Шэньчжэньского университета (518060, Китай, Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Наньшань, б-р Наньхай, д. 3688), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8108-9354>, Researcher ID: GXG-3765-2022, Scopus ID: 55734018900, infochina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В. В. Перская – постановка проблемы; разработка концепции статьи; формулирование выводов исследования.

Ф. И. Аржаев – сбор статистических данных; разработка и реализация модели; табличное и графическое представление результатов; описание результатов.

Я. Ван – обсуждение результатов; обзор литературы.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 26.02.2024; поступила после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 10.04.2024.

About the authors:

Victoria V. Perskaya, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Director of the Institute for International Economic Relations Research at the Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradskiy Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1988-4374>, Researcher ID: HII-7219-2022, Scopus ID: 57197793892, vprofessor7970@gmail.com

Fedor I. Arzhaev, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Institute for Research on International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradskiy Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2986-3235>, Researcher ID: KAZ-9367-2024, Scopus ID: 58037855500, arzhaevfedor@gmail.com

Yanming Wang, Cand.Sci. (Econ.), Chief Specialist and Chairman of the Union of Investment and Trade with Russia and Central Asian Countries of Shenzhen University (3688 Nantai Blvd., Nanshan, Shenzhen, Guangdong Province 518060, China), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8108-9354>, Researcher ID: GXG-3765-2022, Scopus ID: 55734018900, infochina@mail.ru

Contribution of the authors:

V. V. Perskaya – formulation of the problem; development of the concept of the article; formation of the conclusions of the research.

F. I. Arzhaev – statistical data collection; model development and implementation; tabular and graphical presentation of results; description of results.

Ya. Wang – discussion of the results; literature review.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 26.02.2024; revised 04.04.2024; accepted 10.04.2024.

Методика оценки и ранжирования социально-экономического развития моногородов на основе многофакторного анализа фрактальных показателей

С. М. Никоноров¹✉А. И. Кривичев²А. Н. Насонов²И. В. Цветков³

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация)*

² *Московский государственный университет геодезии и картографии (г. Москва, Российская Федерация)*

³ *Тверской государственный университет (г. Тверь, Российская Федерация)*
✉ nico73@mail.ru

Аннотация

Введение. Оценка урбанизированных территорий с точки зрения их устойчивого развития и рационального использования ресурсно-экологического потенциала остается наиболее востребованной в современных условиях, так как в определенных случаях открывает возможности предупредительного управления антропогенно нарушенными территориями. Цель исследования – с помощью многофакторного анализа социально-экономических показателей моногородов и с использованием системного и фрактального подходов провести ранжирование моногородов по ряду показателей.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе многофакторного анализа социально-экономических показателей моногородов, с использованием системного и фрактального подходов. Проанализированы существующие методики оценки социально-экономического устойчивого развития региона и разработки интегральных региональных индикаторов. Использована авторская методика, которую можно рассматривать как развитие существующих методик и разработку новых методов индикации и ранжирования социально-экономических процессов с точки зрения их устойчивости.

Результаты исследования. Разработана новая методика социально-экономической оценки и ранжирования моногородов на основе многофакторного анализа фрактальных показателей их жизнеобеспечения: социальных, экономических, ресурсно-экологических. С помощью предлагаемой методики проведено ранжирование моногородов Архангельской области по интегрированному фрактальному показателю классов социально-экономических процессов, индицирующих качество жизнеобеспечения рассматриваемых моногородов, потенциальные риски и устойчивость их развития.

Обсуждение и заключение. Разработанная методика верифицирует и дополняет существующие критерии перевода моногородов из одной категории в другую. За счет введения определенных показателей она позволяет оценить устойчивость социально-экономического развития моногородов и возможности диверсификации их экономик, а также является полезным практическим инструментом для федеральных, региональных и муниципальных институтов, специализирующихся в вопросах управления развитием территорий.

Ключевые слова: моногород, устойчивое развитие, социально-экономические процессы, индикатор социально-экономического развития, ранжирование уровня социально-экономического развития.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Методика оценки и ранжирования социально-экономического развития моногородов на основе многофакторного анализа фрактальных показателей / С. М. Никоноров [и др.] // Регионология. 2024. Т. 32, № 2. С. 326–344. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.326-344>

Methodology for Assessing and Ranking of the Socio-Economic Development of Single-Industry Towns Based on Multifactor Analysis of Fractal Indicators

S. M. Nikonorov^a ✉, A. I. Krivichev^b, A. N. Nasonov^b, I. V. Tsvetkov^c

^a Moscow State University named after M. V. Lomonosov
(Moscow, Russian Federation)

^b Moscow State University of Geodesy and Cartography
(Moscow, Russian Federation)

^c Tver State University (Tver, Russian Federation)

✉ nico73@mail.ru

Abstract

Introduction. Assessment of urbanized areas in terms of their sustainable development and rational use of resource and environmental potential remains the most demanded in modern conditions, because in certain cases it opens up opportunities for preventive management of anthropogenically disturbed areas. The aim of the study is to rank single-industry towns by a number of indicators by means of multifactor analysis of socio-economic indicators of single-industry towns and using systemic and fractal approaches.

Materials and Methods. The study was carried out on the basis of a multifactor analysis of socio-economic indicators of single-industry towns, using systemic and fractal approaches. Existing methods for assessing the socio-economic sustainable development of a region and developing integrated regional indicators are analyzed. The authors' methodology was used, which can be considered as the development of existing methods and the development of new methods for indicating and ranking socio-economic processes from the point of view of their sustainability.

Results. A new methodology for socio-economic assessment and ranking of single-industry towns has been developed based on multifactor analysis of fractal indicators of their life support: social, economic, resource and environmental. Using the proposed methodology, single-industry towns of the Arkhangelsk Region were ranked according to an integrated fractal indicator of classes of socio-economic processes that indicate the quality of life support of the single-industry towns under consideration, potential risks and the sustainability of their development.

Discussion and Conclusion. The developed methodology verifies and complements the existing criteria for transferring single-industry towns from one category to another. It allows, by introducing certain indicators, to assess the sustainability of the socio-economic development of single-industry towns and the possibility of diversifying their economies, and is also a useful practical tool for federal, regional and municipal institutions specializing in managing the development of territories.

Keywords: single-industry town, sustainable development, socio-economic processes, indicator of socio-economic development, ranking of the level of socio-economic development

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Nikonorov S.M., Krivichev A.I., Nasonov A.N., Tsvetkov I.V. Methodology for Assessing and Ranking of the Socio-Economic Development of Single-Industry Towns Based on Multifactor Analysis of Fractal Indicators. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):326–344. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.326-344>

Введение. В настоящее время особо востребована оценка урбанизированных территорий с точки зрения их устойчивого развития и рационального использования ресурсно-экологического потенциала. Такая оценка открывает возможности предупредительного управления антропогенно нарушенными территориями в случае, когда существует угроза необратимой утраты природного ресурса, являющегося основой развития социально-экономических процессов и качества жизни населения на конкретной территории. К сожалению, существующие средства обработки мониторинговой информации в области социально-экономической безопасности не позволяют фиксировать моменты перехода системы в неустойчивое состояние, что является причиной наступления социально-экономических кризисов, ликвидация которых сопряжена с высокими материальными затратами и снижением качества жизни.

В этих условиях существует насущная необходимость разработки математических инструментов, оперирующих предупредительными индикаторами состояний, на основании которых принимаются своевременные решения об управлении сложившейся негативной ситуацией, чтобы она не переросла в кризисную.

Цель исследования – осуществить оценку возможностей агломеративного развития моногородов на основе новой методики многофакторного анализа фрактальных показателей, провести ранжирование моногородов для эффективного и оптимального принятия управленческих решений.

Обзор литературы. Неравномерность развития моногородов Архангельской области обусловлена миграцией населения на территории с более благоприятными условиями проживания. Это может привести к стагнации развития социально-экономических процессов и, как следствие, деградации территорий. Эта проблема неразрывно связана с вопросами устойчивого развития территорий и индексирования состояний в процессе мониторинга социально-экономических процессов. Анализ исследований и литературы касается различных сфер: экономики, экологии, социума, но не представлен формализованный подход к созданию методики интегрированной оценки и ранжирования социо-эколого-экономического развития моногородов.

В числе исследований по этой проблематике можно выделить публикации с методикой сравнительного анализа способов классификации моногородов России по уровням их социально экономического развития [1–3], а также с методикой оценки возможности агломеративного развития городов, на основе системы расселения, формализуемых моделью Ципфа [4]. Так, Ю. В. Павлов рассматривает проявления неоднородного характера регионального расселения, формализуемые моделью Ципфа и влияющие на уровень социально-экономического развития [4]. В некоторых работах представлен набор индикаторов, позволяющих оценить факторную нагрузку на социально-экономическое развитие региона, на основе статистических показателей¹ [5], а А. П. Соколовым разработана система индикаторов социально-экономического развития на

¹ Dolgova O., Nikitaeva A. Industrial Symbiosis as a Way to Solve Environmental Problems in Regions (on the Example of the Russian Black Sea Area) // BIO Web of Conferences (July 2023). 2023. Vol. 63. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20236303007>

основе статистико-экономических, балансовых и экономико-математических методов². Также учеными анализируются методики, основанные на расчете динамических показателей социально-экономического развития и рейтинговой оценки регионов [6; 7].

В контексте нашего исследования следует также отметить публикации, посвященные моногородам как важным экономическим образованиям Российской Федерации [8–11], а также развитию моногородов конкретных регионов, в том числе зарубежных [12; 13].

У иностранных авторов существует свой подход к теории фракталов [14–16]. Публикация З.-Дж. Ду и соавторов посвящена исследованиям в области кластерной политики в регионах [17]. Полезны для полноты картины устойчивого развития региона и исследования демографических и миграционных процессов в регионе [18]. Международное исследование в области разработки стратегий развития регионов после пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 также имеет научный интерес [19].

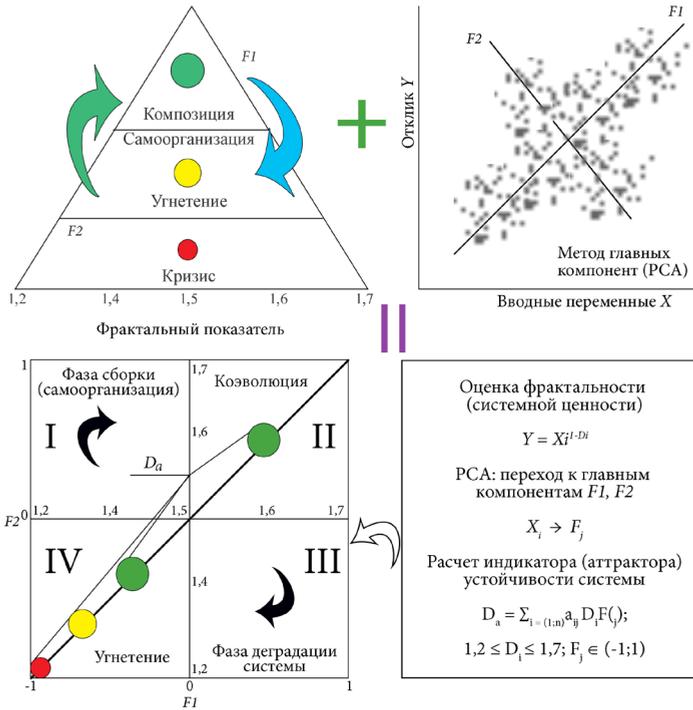
Все указанные научные исследования, как российские, так и зарубежные, представляют собой фрагментарный характер, но позволили нам создать свою комплексную методику оценки моногородов для принятия оптимальных и сбалансированных управленческих решений. В отличие от перечисленных, предлагаемая нами в данной публикации методика позволяет оценить экологический след (аттрактор развития в фазовом пространстве), который определяет возможности агломеративного развития моногородов как единого функционала (триады устойчивого развития).

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе многофакторного анализа социально-экономических показателей моногородов с использованием системного и фрактального подходов. Рассмотрены существующие методики оценки социально-экономического устойчивого развития региона и разработки интегральных региональных индикаторов. Предложенную авторами методику можно рассматривать как развитие существующих методик и разработку новых методов индикации и ранжирования социально-экономических процессов с точки зрения их устойчивости. В рамках методики авторами разработана фрактальная модель самоорганизации социально-экономических процессов моногородов.

Синтез модели самоорганизации состоит во фрактальном нормировании фазового пространства в структуре метода главных компонент (РСА), переводящем исчисления функциональных переменных (X_i) социально-экономических процессов в структурные (F_j). Состояние системы в условиях конкуренции факторных нагрузок (F_j) определяет цикл системного развития через механизм самоорганизации и оценивается аттрактором в биполярной системе координат фазового пространства.

При этом диагональ фазового пространства отображает тренд самоорганизации, на котором фиксируется аттрактор системы, начиная от сборки системных компонентов до вырождения, когда система не может оставаться в состоянии гомеостаза (рис. 1).

² Соколов А. П. Индикативное планирование социально-экономического развития региона: на примере Вологодской области : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Вологда, 2013. 176 с.

Р и с. 1. Структура фрактальной модели самоорганизации социально-экономических процессов, используемой в методике

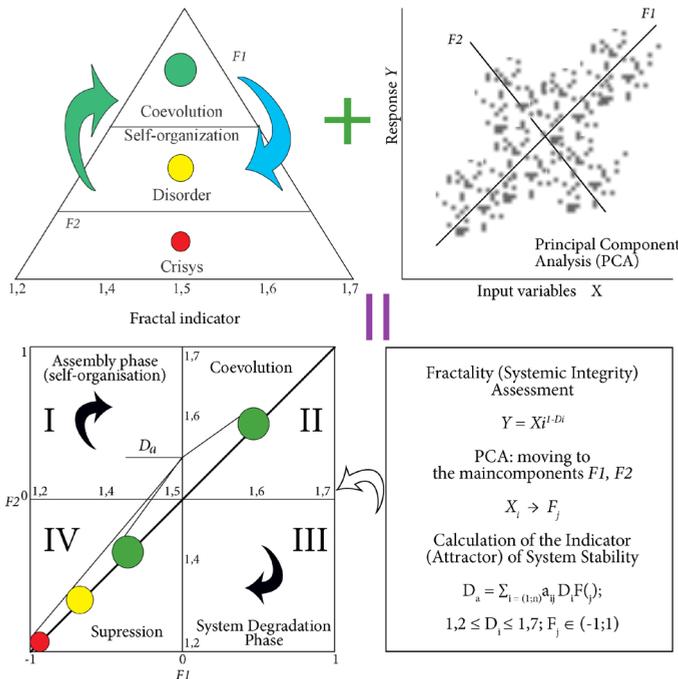

Fig. 1. The structure of the fractal model of self-organization socio-economic processes used in the methodology

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе для научного исследования были выбраны моногорода Архангельской области. На втором этапе была поставлена цель – представить все моногорода Архангельской области по трем категориям социально-экономического развития и связать с разработанной авторами фрактальной моделью самоорганизации социально-экономических процессов в моногородах. На третьем этапе разработана шкала устойчивости моногородов в четырехфазном пространстве. На четвертом этапе проведено новое ранжирование моногородов согласно авторской методике. На пятом этапе сделаны выводы о дальнейшем развитии моногородов Архангельской области.

Результаты исследования. Разработана новая методика социально-экономической оценки и ранжирования моногородов на основе многофакторного анализа фрактальных показателей их жизнеобеспечения: социальных, экономических, ресурсно-экологических. Предлагаемая методика ранжирует моногорода по интегрированному фрактальному показателю классов социально-экономических процессов, индицирующих качество жизнеобеспечения рассматриваемых моногородов, потенциальные риски и устойчивость их развития. Расширению информативности представленной методики способствует рассмотрение моногорода или других урбанизированных территорий как сложной нелинейной системы, способной к самоорганизации и сохранению ресурсно-экологического потенциала как базиса социально-экономического развития территории.

Методика основывается на оценке уровня социально-экономического развития в условиях экологических ограничений территории, занимаемой моногородом. Это вписывается в триаду устойчивого развития территорий по базовым категориям их жизнеобеспечения: экология, экономика, социальная среда. Серьезной методологической проблемой при поиске официальных статистических данных по моногородам является «неполноценность информационно-статистической базы в разрезе муниципальных образований» [20].

При таком подходе развитие социально-экономических процессов моногородов рассматривается в условиях экологических ограничений, которые включают сырьевые, природные, человеческие и технологические ресурсы, необходимые для жизнеобеспечения территории, занимаемой моногородом.

Формально среда жизнеобеспечения моногорода, как и других урбанизированных территорий, формируется на основе множества процессов, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Множества анализируемых процессов

Table 1. Sets of Analyzed Processes

Вид процесса / Type of process	Анализируемые процессы / Analyzed processes
R1 – Демография / Demographics	Система расселения территории и ее демографические показатели / System of settlement of the territory and its demographic indicators
R2 – Социальная сфера / Social sphere	Социальные процессы, формирующие среду обитания населения и качество его проживания / Social processes that shape the habitat of the population and the quality of its living
R3 – Экономика / Economics	Экономические процессы, формирующие доходность населения и его уровень жизни / Economic processes shaping the income of the population and its standard of living
R4 – Экология / Ecology	Экологические процессы, выступающие ресурсным ограничением социально-экономического развития территории и показателем эффективности использования ресурсов / Environmental processes acting as a resource constraint of socio-economic development of the development territory and an indicator of resource utilization efficiency

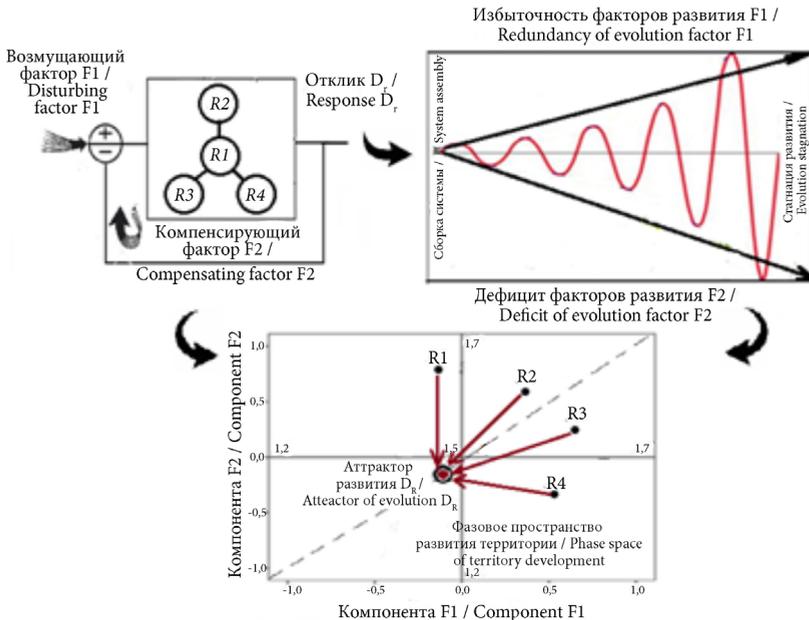
В теоретическом плане социально-экономическая система моногорода рассматривается как сложная система, способная к самоорганизации или адаптации в условиях действия многофакторных внешних и внутренних нагрузок, конкурирующих между собой в динамике.

В плане структурной динамики модель самоорганизации социально-экономической системы может быть представлена биполярной структурой конкурирующих между собой возмущающих факторов внешней среды ($F1$) и внутренних, ресурсных факторов ($F2$), компенсирующих внешнюю нагрузку по схеме отрицательной обратной связи. Такая структура формирует определенный цикл социально-экономического развития моногорода или других урбанизированных территорий, по которому оценивают качество их жизнеобеспечения.

В результате самоорганизации внешних и внутренних процессов система стабилизируется на определенном уровне социально-экономического развития, который в математическом плане отображается аттрактором в фазовом пространстве системных состояний [12].

Аттрактор здесь классически понимается как ограниченная область устойчивых состояний, к которым эволюционирует социально-экономическая система в условиях действующих на нее внешних и внутренних факторных нагрузок.

Оценить размерность аттрактора как математическую свертку многофакторных социально-экономических процессов моногорода в единый интегрированный индикатор позволяет нормирование фазового пространства фрактальными показателями дефицита и избыточности факторов развития (рис. 2).

Р и с. 2. Процесс самоорганизации социально-экономической среды моногорода и его индикации в фазовом пространстве состояний

F i g. 2. Process of self-organization of socio-economic environment of a single-industry town and its indication in the phase space of states

В аналитическом плане результат самоорганизации может быть получен в виде расчета интегрированного фрактального индикатора социально-экономической системы на основе следующего соотношения:

$$D_A = \sum_{j=2}^{i=4} a_{ij} F_j D_i \tag{1}$$

$$1,2 \leq D_i \leq 1,7; F_j \in (-1;1),$$

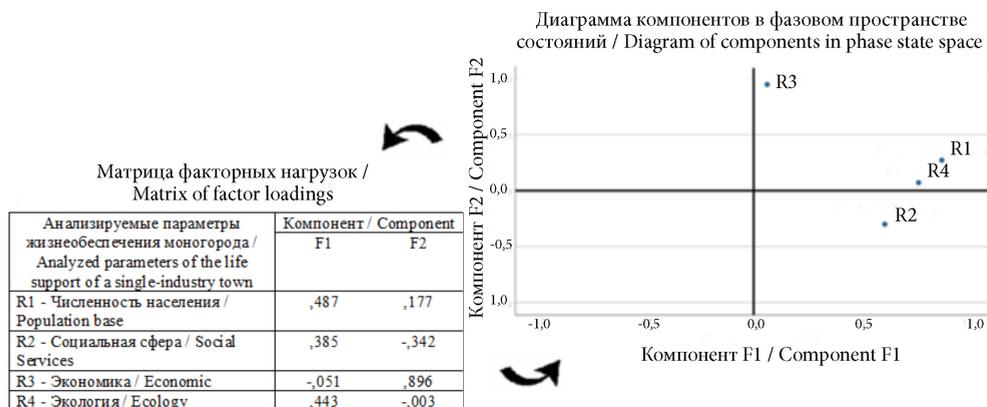
где D_A – интегрированный фрактальный индикатор (аттрактор) социально-экономического развития моногорода; D_i – локальные фрактальные показатели моногорода по выбранным параметрам жизнеобеспечения R_i ; $F_j(D_i)$ – фрактальные показатели факторных нагрузок социально-экономических процессов анализируемого моногорода; a_{ij} – весовые коэффициенты параметров жизнеобеспечения, обеспечивающих сбалансированность факторных нагрузок.

Локальные фрактальные показатели моногорода по выбранным параметрам жизнеобеспечения R_i рассчитываются по временным рядам анализируемых процессов R_1-R_4 на основе соотношения [21]:

$$L(\delta) = L_0 \delta^{1-D}, \tag{2}$$

где $L(\delta)$ – длина кривой временного ряда, D – фрактальный показатель временного ряда, L_0 – длина кривой при $D = 1$.

Весовые коэффициенты параметров жизнеобеспечения, обеспечивающих сбалансированность и структурирование факторных нагрузок, определяются в плагине метода главных компонент (PCA) в структуре SPSS. Пример матрицы факторных нагрузок и ее визуального структурирования в фазовом пространстве представлен на рисунке 3.

Р и с. 3. Матрица факторных нагрузок параметров жизнеобеспечения моногорода и ее диаграмма в фазовом пространстве состояний

F i g. 3. Matrix of factor loadings of life support parameters of a single-industry town and its diagram in the phase space of states

Существенная особенность модели в том, что она работает на всех стадиях социально-экономического развития моногорода, которые можно представить как усложнение структуры социально-экономических отношений в результате усиления факторных нагрузок.

В результате усиления факторных нагрузок социально-экономическое развитие моногорода последовательно проходит стадию коэволюции процессов, когда формируется замкнутый социально-экономический цикл развития в условиях ограниченности экологического ресурса (сырье, население, природные ресурсы, геоэкологическое состояние территории). Далее следует стадия угнетения или социально-экономической напряженности, когда экологический ресурс начинает расходоваться нерационально, что приводит к торможению социально-экономических процессов, вплоть до их стагнации.

Перечисленные стадии (фазы) социально-экономического развития моногорода соответствуют существующим классификационным рангам, формируемым на основе анализа экономической деятельности базового градообразующего предприятия³:

1-й ранг (категория) – высокие экономические риски градообразующих предприятий, связанные с оттоком населения моногорода, значительным сокращением рабочих мест, деградацией социальной инфраструктуры (фаза истощения ресурса, приводящая к стагнации развития);

2-й ранг – средние экономические риски градообразующих предприятий, связанные с торможением социально-экономических процессов, сохранением или частичной утратой рабочих мест, частичным снижением качества обслуживания населения (фаза угнетения или социально-экономической напряженности);

3-й ранг – низкие экономические риски градообразующих предприятий, связанные с устойчивым развитием моногорода без утраты его экологического ресурса (фаза коэволюции социально-экономических процессов).

Очевидно, что из трех стадий развития фаза истощения экологического ресурса, приводящая к стагнации социально-экономической системы моногорода, является наиболее неблагоприятным состоянием, ранжируемым по 1-й категории.

Если появляются факторы риска, приводящие к торможению социально-экономических процессов моногорода, то мы можем ранжировать такое состояние как угнетенное, т. е. система не может самостоятельно справиться с возникшими экономическими рисками только за счет собственных ресурсов. Такие моногорода ранжируются по 2-й категории.

Наиболее благоприятный режим развития моногорода связывают с коэволюцией (устойчивостью) социально-экономических процессов, при которой экологический ресурс расходуется наиболее рационально, что способствует его сохранению. Такие моногорода ранжируются по 3-й категории.

Все множество аналитических решений уравнения (1), определяющих уровни социально-экономического развития моногорода и их ранжирования по выделенным категориям, можно представить в таблице 2.

³ Вертяков А. А. Анализ понятия «моногород» и выделение проблем моногородов // Научные механизмы решения проблем инновационного развития : сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2018. Ч. 1. С. 56–61.

Т а б л и ц а 2. Аналитические решения по оценке размерностей аттракторов социально-экономических процессов в фазовом пространстве состояний⁴

Table 2. Analytical solutions for estimating the dimensions of attractors of socio-economic processes in the phase space of states

Фрактальный показатель аттрактора развития / Fractal index of the development attractor	Интерпретация решений / Interpretation of decisions	Ранг моногорода / Monocity rank
$r = 0;$ $D_A \rightarrow 1,5$	Баланс факторных нагрузок при сохранении экологического ресурса / Balance of factor loadings while preserving an ecological resource	Теоретический оптимум, относительно которого осуществляется ранжирование социально-экономического уровня развития моногородов / Theoretical optimum against which the socio-economic level of development of single-industry towns is ranked
$0 < r < 1;$ $1,4 \leq D_A \leq 1,6$	Фаза коэволюции социально-экономических процессов, соответствующая рациональному использованию экологического ресурса / Phase of co-evolution of socio-economic processes corresponding to the rational use of environmental resource	Моногорода 3-й категории с низкими экономическими рисками развития градообразующих предприятий / Single-industry towns of the 3 rd category with low economic risks for the development of city-forming enterprises
$0 \ll r < 1;$ $1,2 < D_A < 1,4$	Фаза угнетения или социально-экономической напряженности, появление потенциальных факторов риска, не компенсируемых системой / Phase of oppression or socio-economic tension, emergence of potential risk factors not compensated for by the system	Моногорода 2-й категории со средними экономическими рисками развития градообразующих предприятий / Single-industry towns of the 2 nd category with medium economic risks for the development of city-forming enterprises
$r \rightarrow 1;$ $D_A \rightarrow 1,2$	Фаза истощения экологического ресурса, приводящая к стагнации развития / Phase of ecological resource depletion leading to development stagnation	Моногорода 1-й категории с высокими экономическими рисками развития градообразующих предприятий / Single-industry towns of the 1 st category with high economic risks for the development of city-forming enterprises

В расчете ранжирования уровня социально-экономического развития участвовали семь моногородов Архангельской области: г. п. «Онежское», г. п. «Октябрьское», с. п. «Киземское», г. п. «Североонежское», г. о. «Новодвинск», г. о. «Коряжма», г. о. «Северодвинск». Ряд исследователей отмечают произошедшие за последнее десятилетие негативные изменения в социально-экономическом развитии как Архангельска, так и Архангельской области в целом, которые нуждаются в формальной проверке [22].

Как было отмечено ранее, оценка состояний и ранжирование моногородов основывается на расчете фрактальной размерности социально-экономического аттрактора в фазовом пространстве состояний, который агрегирует в себе все процессы жизнеобеспечения исследуемой территории моногорода ($R_1 - R_4$) в условиях ресурсно-экологических ограничений.

⁴ Управление устойчивым развитием моногородов. Социо-эколого-экономические индикаторы / С. М. Никоноров [и др.]. М. : ДеЛибри, 2019. 158 с.

Расчет локальных фрактальных показателей моногородов Архангельской области по выбранным параметрам жизнеобеспечения R_1 – R_4 позволил получить следующий результат (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Локальные фрактальные показатели моногородов Архангельской области
T a b l e 3. Local fractal indicators of single-industry towns in the Arkhangelsk Region

Параметры жизнеобеспечения / Life support options	Моногород / Single-industry towns						
	Онежское / Onezhskoe	Октябрьское / Oktyabrskoe	Киземское / Kizemskoe	Северо-онежское / Severo-onezhskoe	Новодвинск / Novodvinsk	Коряжма / Koryazhma	Северодвинск / Severodvinsk
R1 – Демография / Demographics	1,23	1,15	1,21	1,28	1,29	1,31	1,48
R2 – Социальная сфера / Social sphere	1,24	1,23	1,17	1,26	1,27	1,35	1,39
R3 – Экономика / Economics	1,32	1,12	1,19	1,29	1,35	1,28	1,25
R4 – Экология / Ecology	1,38	1,18	1,35	1,22	1,25	1,39	1,51

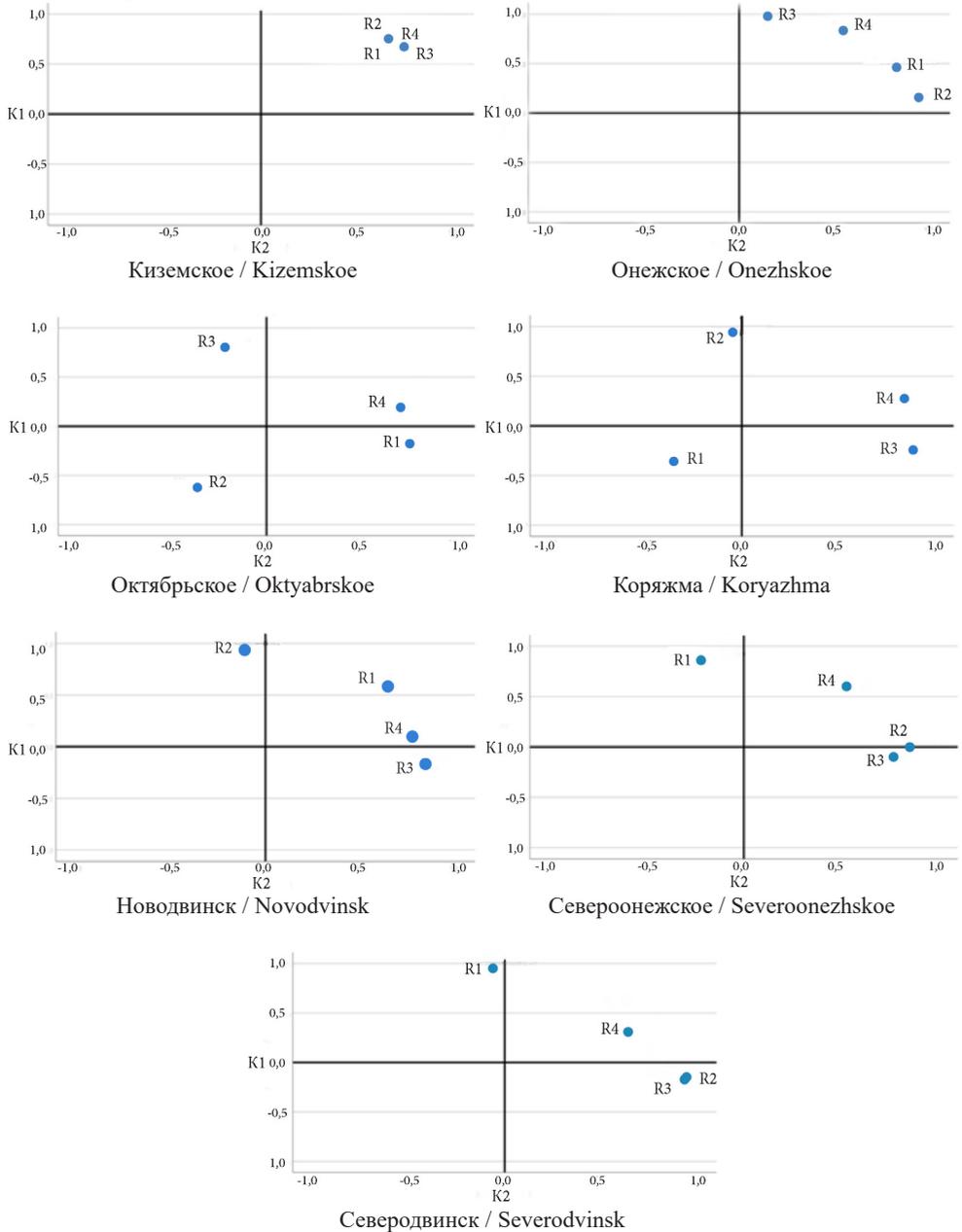
Следующий этап оценки состояний и ранжирования связан с получением матрицы факторных нагрузок и оценкой весовых коэффициентов параметров жизнеобеспечения, способствующих их сбалансированности и структурированию в фазовом пространстве состояний. Для этого используется плагин метода главных компонент (PCA) в структуре SPSS. Эта процедура позволяет перейти от разнородных параметров процессов жизнеобеспечения R_i , представленных в различных измерительных шкалах, к факторным переменным $F1$, $F2$ и оценить их корреляцию в фазовом пространстве состояний.

Диаграмма социально-экономических процессов моногородов отображает срез их структурной сбалансированности в двумерном пространстве на исследуемом временном интервале. Разница структурирования компонентов, представленная в таблице 4, указывает на различие ресурсно-экологической эксплуатации территории, определяющее ее социально-экономическое развитие.

Результат структурирования социально-экономических процессов моногородов Архангельской области представлен на рисунке 4.

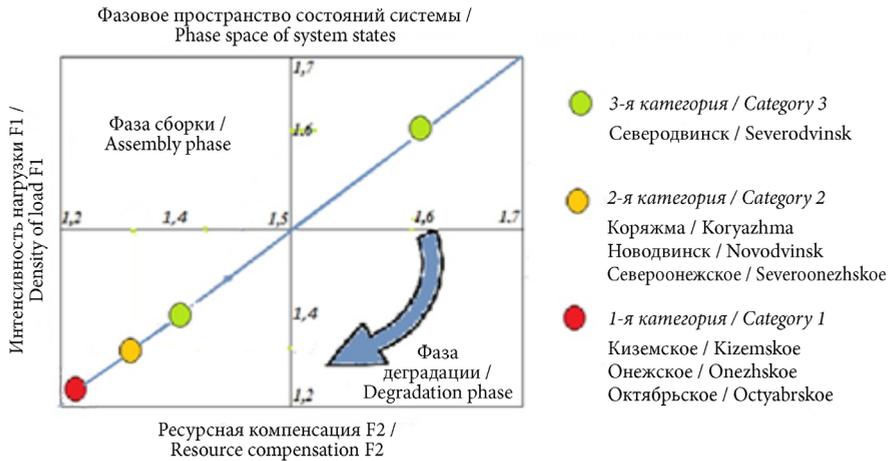
Теперь мы имеем все исходные данные, чтобы на основе уравнения (1) рассчитать фрактальные показатели аттракторов социально-экономических процессов для анализируемых моногородов Архангельской области, сравнить их между собой и дать соответствующую интерпретацию.

Решение модели (1) может быть реализовано как в графическом (рис. 5), так и в аналитическом виде (табл. 4).

Р и с. 4. Структурирование социально-экономических процессов моногородов в фазовом пространстве состояний: K1 – компонент 1, K2 – компонент 2

F i g. 4. Structuring the socio-economic processes of single-industry towns in the phase space of states: K1 – component 1, K2 – component 2

Р и с. 5. Аттракторы социально-экономического развития моногородов Архангельской области в факторном пространстве
F i g. 5. Attractors of socio-economic development of single-industry towns in the Arkhangelsk region in the factor space

Таблица 4. Факторное ранжирование социально-экономического развития моногородов Архангельской области

Table 4. Factor ranking of the socio-economic development of single-industry towns in the Arkhangelsk Region

Моногород / Monocity	Факторное ранжирование / Factor ranking	
	1	2
Киземское / Kizemskoe	$D_A \rightarrow 1,22$. Наиболее неблагоприятное, неустойчивое состояние (1-я категория). Деятельность градообразующего предприятия прекращена (см. табл. 1) / The most unfavorable, unstable condition (category 1). The activity of the city-forming enterprise has been terminated (see Table 1)	
Онежское / Onezhskoe	$D_A \rightarrow 1,23$. Социально-экономическая ситуация близка к неустойчивой. Совокупный уровень риска очень высокий (см. табл. 1) / Socio-economic situation is close to unstable. The overall level of risk is very high (see Table 1)	
Октябрьское / Otyabrskoe	$D_A \rightarrow 1,21$. Социально-экономическая ситуация близка к неустойчивой. Рекомендуется перевести моногород из 2-й категории в 1-ю на основе расчетов по методике SPARK и по авторской методике / Socio-economic situation is close to unstable. It is recommended to transfer a single-industry city from the 2 nd category to the 1 st one based on calculations using the SPARK method and the author's method	
Коряжма / Koryazhma	$D_{RA} \rightarrow 1,3$. Относительно устойчивая социально-экономическая система с небольшим торможением социальных процессов. По градообразующему предприятию совокупный уровень риска низкий. Рекомендовано оставить моногород в 2-й категории / Relatively stable socio-economic system with a slight slowdown in social processes. For the city-forming enterprise, the aggregate level of risk is low. It is recommended to leave the monoton in the 2 nd category	
Новодвинск / Novodvinsk	$D_A \rightarrow 1,3$. Относительно устойчивая социально-экономическая система с торможениями социальных процессов. По градообразующему предприятию совокупный уровень риска низкий. Моногород относится ко 2-й категории, но можно рекомендовать 3-ю / Relatively stable socio-economic system with inhibitions of social processes. For the city-forming enterprise, the aggregate level of risk is low. The monoton belongs to the 2 nd category, but the 3 rd one can be recommended	

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2
Североонежское / Severoonezhskoe	$D_A \rightarrow 1,25$. Неблагоприятная, условно неустойчивая социально-экономическая ситуация. Рекомендуется перевод моногорода из 3-й категории во 2-ю / Unfavorable, conditionally unstable socio-economic situation. It is recommended to transfer the single-industry town from the 3 rd category to the 2 nd category
Северодвинск / Severodvinsk	$D_A \rightarrow 1,4$. Условно благоприятная социально-экономическая ситуация без торможения процессов и с рациональным использованием экологического ресурса / Conditionally favorable socio-economic situation without slowing down processes and rational use of the ecological resource

При ранжировании моногородов Архангельской области полученные аналитические решения сравнивались со множеством решений, представленных в таблице 4. Так, к 3-й, наиболее благоприятной, категории социально-экономического развития относится Северодвинск с достаточно устойчивым социально-экономическим положением и стабильным развитием; ко 2-й – моногорода Коряжма, Новодвинск и рекомендуемый к переводу в нее Североонежск, который ранее находился в 3-й категории; к 1-й, наиболее неблагоприятной, категории социально-экономического развития относятся моногорода Киземское, Онежское, Октябрьский.

Обсуждение и заключение. Существующие факторы риска социально-экономического развития моногородов тормозят социально-экономические процессы вплоть до их стагнации. В таких условиях социально-экономическая система может утратить устойчивость развития. Данные состояния характерны для моногородов первой категории, в которых деятельность градообразующих предприятий либо прекращена, либо находится в крайне неустойчивом состоянии, а диверсификация экономики не производится. На основе предложенной авторами методики социально-экономической оценки и ранжирования моногородов выполнена верификация фрактальной модели социально-экономических процессов моногородов Архангельской области и проведено их ранжирование по категориям моногородов. Разработанный фрактальный индикатор позволяет принимать обоснованные решения о переводе моногородов из одной категории в другую в условиях изменения социально-экономического состояния.

Сформирована новая методика факторного ранжирования моногородов по трем категориям, основанная на оценке размерности аттрактора социально-экономических процессов. При этом в структуре моногородов выделяются три базовых состояния (категории), сменяющих друг друга в динамике:

- 1) благоприятная, без утраты системно-экологического ресурса, отнесенная к 3-й категории моногородов;
- 2) напряженная, с частичной утратой самостоятельно восстанавливаемого системно-экологического ресурса, отнесенная ко 2-й категории моногородов;
- 3) неблагоприятная, с истощением системно-экологического ресурса, отнесенная к 1-й категории моногородов.

Методика факторного ранжирования позволяет структурировать социально-экономические процессы в фазовом пространстве состояний и выделять факторы риска социально-экономического развития моногородов, которые тормозят социально-экономические процессы вплоть до их стагнации, когда

система переходит в неустойчивость. Такие состояния характерны для моногородов 1-й категории, в которых деятельность градообразующих предприятий либо прекращена, либо находится в крайне неустойчивом состоянии, а диверсификация экономики не производится.

Наблюдается корреляция решений между разработанной методикой факторного ранжирования уровня социально-экономического развития моногородов и существующей методикой SPARK, оценивающей финансовые риски градообразующих предприятий моногородов. Разработанная нами методика отличается от существующей тем, что позволяет не только ранжировать уровни социально-экономического развития моногорода, но и выделять параметры риска, потенциально влияющие на устойчивость социально-экономических процессов.

Особенностью разработанной методики является повышение точности ранжирования анализируемых объектов (моногородов) по мере увеличения мощности статистических показателей по выделенным блокам: экономика, экология, социальная сфера. При этом открывается возможность кластеризации объектов в фазовом пространстве со сходными социально-экономическими процессами.

Перспективы развития моногородов Архангельской области, в частности попавших в 1-ю и 2-ю категории социально-экономического развития, основываются на следующих рекомендациях:

- диверсификация экономики, открытие новых производств, совершенствование инженерной и социальной инфраструктуры, создание комфортной среды проживания для населения;

- выделение муниципальных образований, на территории которых расположены исторические поселения, в отдельный вид муниципальных образований с целью выработки особых подходов в формировании межбюджетных отношений для создания в данных муниципальных образованиях комфортной среды проживания и повышения их туристско-рекреационного потенциала;

- изменение схемы распределения налоговых поступлений по специальным режимам налогообложения в пользу бюджетов муниципальных образований, на территории которых расположены исторические поселения;

- пересмотр структуры доходной части бюджета исторических поселений в части налоговых поступлений с зачислением в доход местного бюджета сборов от упрощенной системы налогообложения с нормативом 100 %, собираемых на территории исторического поселения, с последующим направлением их на развитие территории исторического поселения, в том числе на сохранение объектов культурного наследия;

- проработка вопроса финансирования комплексных проектов развития исторических поселений и мероприятий по сохранению их историко-градостроительной среды на уровне Министерства культуры Российской Федерации, Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации;

- приоритетное финансирование работ по сохранению объектов культурного наследия исторических поселений в рамках конкурсов заявок на федеральном уровне.

Предложенная авторами методика не имеет отечественных и зарубежных аналогов. Основу методики составляет оценка воспроизводимости социально-экономических процессов, позволяющая проводить анализ устойчивости развития моногородов. В плане управления моногородами методика показателями устойчивости и риска развития существенно уточняет и дополняет существующую классификацию моногородов.

Предложенная авторами оригинальная методика, основанная на многофакторном анализе социально-экономических показателей моногородов с использованием системного и фрактального подходов, позволит специалистам и управленцам принимать оптимальные решения по устойчивому развитию и рациональному использованию ресурсного потенциала моногородов России как на федеральном, так и на региональном и муниципальных уровнях управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бен Р. М. Моногорода Российской Федерации – вопросы о будущем // Архонт. 2019. № 1 (10). С. 107–112. EDN: YZXS RF
2. Ворошилов Н. В., Губанова Е. С. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 54–69. <https://doi.org/10.15838/esc/2014.6.36.5>
3. Druzhinin P. V., Shcherbak A. P., Tishkov S. V. Modeling the Interdependence of the Economy and Power Industry Based on Multiplicative Two-Factor Functions // Studies on Russian Economic Development. 2018. Vol. 29, issue 3. Pp. 280–287. <https://doi.org/10.1134/S1075700718030036>
4. Павлов Ю. В. Баланс системы расселения региона: оценка по закону Ципфа и влияние на региональное развитие // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8, № 2. С. 2–14. <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.1>
5. Титова И. Н. Факторный анализ экономического развития областей центрально-черноземного макрорегиона // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 1 (25). С. 168–187. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-1-168-187>
6. Аюбов Э. Н. Зарубежный и отечественный опыт оценки уровня социально-экономического развития территорий // Технологии гражданской безопасности. 2022. Т. 19, № 1 (71). С. 36–40. <https://doi.org/10.54234/CST.19968493.2022.19.1.71.8.36>
7. Modeling and Forecasting of Socio-economic Development of the Region / E. A. Stryabkova [et al.] // The Journal of Social Sciences Research. 2018. No. 5. Pp. 404–410. <https://doi.org/10.32861/jssr.spi5.404.410>
8. Лапин А. Е., Вуйко М. Б. Модели регионального развития в Российской Федерации и инвестиционные стратегии // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 1. С. 10–29. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029>
9. Панова Е. А., Андрюшина Е. В. Российские моногорода: факторы развития социально-политических конфликтов // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. С. 134–145. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-134-145>
10. Фролов А. А. Моногорода как традиционный элемент российской экономической системы: историко-политологический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 10 (103). С. 4185–4197. EDN: AVXFWR
11. Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф. Моногорода России: возможные варианты развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 109–135. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10006>
12. Секушина И. А. Состояние социальной инфраструктуры малых и средних городов Республики Коми // Социальное пространство. 2019. № 3 (20). <https://doi.org/10.15838/sa.2019.3.20.3>
13. Александрова М. В. Моногорода ресурсного типа в КНР: исторический экскурс и актуальные проблемы // Российское китаеведение. 2023. Т. 4, № 3. С. 33–52. <https://doi.org/10.48647/ISSA.2023.12.82.003>

14. Survey on Fractality in Complex Networks / Y. Huang [et al.] // *Recent Developments in Intelligent Computing, Communication and Devices*. Springer, 2019. Pp. 675–692. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-8944-2>
15. Karmakar A. Fractal Antennas and Arrays: A Review and Recent Developments // *International Journal of Microwave and Wireless Technologies*. 2021. Vol. 13, issue 2. Pp. 173–197. <https://doi.org/10.1017/S1759078720000963>
16. Investigation and Application of Fractal Theory in Cement-Based Materials: A Review / W. Lei [et al.] // *Fractal and Fractional*. 2021. Vol. 5, issue 4. Article no. 247. <https://doi.org/10.3390/fractal-fract5040247>
17. A Trust-similarity Analysis-based Clustering Method for Large-scale Group Decision-making under a Social Network / Z.-J. Du [et al.] // *Information Fusion*. 2019. Vol. 63. Pp. 13–29. <https://doi.org/10.1016/j.inffus.2020.05.004>
18. Tan Z.-X., Cheong K. H. Periodic Habitat Destruction and Migration Can Paradoxically Enable Sustainable Territorial Expansion // *Nonlinear Dynamics*. 2019. Vol. 98. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.1007/s11071-019-05094-3>
19. Social Network-based Distancing Strategies to Flatten the COVID-19 Curve in a Post-lockdown World / P. Block [et al.] // *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4, issue 6. Pp. 588–596. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0898-6>
20. Насонов А. Н. Классификация экологических рисков нарушения устойчивости экосистемы // *Грозненский естественнонаучный бюллетень*. 2022. Т. 7, № 1 (27). С. 33–43. <https://doi.org/10.25744/genb.2022.55.24.004>
21. Стратегирование развития городских урбосистем на основе мультифрактальной динамики / С. М. Никоноров [и др.] // *Стратегирование: теория и практика*. 2022. Т. 2, № 3. С. 360–376. <http://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-360-376>
22. Моногорода: проблемы и современное развитие / Ю. Г. Волошин [и др.] // *Регион: государственное и муниципальное управление*. 2020. № 1 (21). EDN: GKKHGB

REFERENCES

1. Ben R.M. Company Towns of the Russian Federation – Questions about the Future. *Arkhont*. 2019;(1):107–112. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YZXS RF
2. Voroshilov N.V., Gubanova E.S. Assessment of the Level of Socio-Economic Development in Municipal Formations of the Vologda Oblast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2014;(6):54–69. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc/2014.6.36.5>
3. Druzhinin P.V., Shcherbak A.P., Tishkov S.V. Modeling the Interdependence of the Economy and Power Industry Based on Multiplicative Two-Factor Functions. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(3):280–287. <https://doi.org/10.1134/S1075700718030036>
4. Pavlov Yu.V. Regional Settlement System Balance: Assessment under Zipf's Law and Impact on the Regional Development. *Territorial Development Issues*. 2020;8(2):2–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.1>
5. Titova I.N. Factor Analysis of the Central Black Earth Macroregion Areas Economic Development. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2021;7(1):168–187. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-1-168-187>
6. Ayubov E. Foreign and Domestic Experience in Assessing the Level of Socio-Economic Development of Territories. *Civil Security Technology*. 2022;19(1):36–40. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.54234/CST.19968493.2022.19.1.71.8.36>
7. Stryabkova E.A., Glotova A.S., Titova I.N., Lyschchikova J.V., Chistnikova I.V. Modeling and Forecasting of Socio-Economic Development of the Region. *The Journal of Social Sciences Research*. 2018;(5):404–410. <https://doi.org/10.32861/jssr.spi5.404.410>
8. Lapin A.E., Vuiko M.B. Models of Regional Development in the Russian Federation and Investment Strategies. *Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(1):10–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.010-029>
9. Panova E.A., Andryushina E.V. Russian Monotowns: Factors of Socio-Political Conflicts Extension. *Public Administration. E-Journal*. 2021;(88):134–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-134-145>

10. Frolov A.A. Single-Industry Towns as a Traditional Element of the Russian Economic System: Historical and Political Aspects. *Issues of National and Federative Relations*. 2023;13(10):4185–4197. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: AVXFWR
11. Shastitko A.E., Fatikhova A.F. Company Towns in Russia: Some Thoughts on Development Alternatives. *Public Administration. E-Journal*. 2019;(76):109–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10006>
12. Sekushina I.A. The Social Infrastructure in Small and Medium Cities in the Komi Republic. *Social Area*. 2019;(3). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/sa.2019.3.20.3>
13. Aleksandrova M.V. Resource-Based Cities of the PRC: Historical Background and Issues. *Russian China Studies Scientific Journal*. 2023;4(3):33–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.12.82.003>
14. Huang Y., Zhang S., Bao X.-L., Yao M.-H., Wang Y. Survey on Fractality in Complex Networks. In: Patnaik S., Jain V. *Recent Developments in Intelligent Computing, Communication and Devices*. Springer; 2019. Pp. 675–692. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-8944-2>
15. Karmakar A. Fractal Antennas and Arrays: A Review and Recent Developments. *International Journal of Microwave and Wireless Technologies*. 2021;13(2):173–197. <https://doi.org/10.1017/S1759078720000963>
16. Lei W., Zeng X., Yang H., Lv X., Guo F., Shi Y., et al. Investigation and Application of Fractal Theory in Cement-Based Materials: A Review. *Fractal and Fractional*. 2021;5(4):247. <https://doi.org/10.3390/fractalfract5040247>
17. Du Z.-J., Luo H.-Y., Lin X.-D., Yu S.-M. A Trust-Similarity Analysis-Based Clustering Method for Large-Scale Group Decision-Making under a Social Network. *Information Fusion*. 2019;63:13–29. <https://doi.org/10.1016/j.inffus.2020.05.004>
18. Tan Z.-X., Cheong K.H. Periodic Habitat Destruction and Migration Can Paradoxically Enable Sustainable Territorial Expansion. *Nonlinear Dynamics*. 2019;98:1–13. <https://doi.org/10.1007/s11071-019-05094-3>
19. Block P., Hoffman M., Raabe I.J., Dowd J.B., Rahal C., Kashyap R., et al. Social Network-Based Distancing Strategies to Flatten the COVID-19 Curve in a Post-Lockdown World. *Nature Human Behaviour*. 2020;4(6):588–596. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0898-6>
20. Nasonov A.N. Classification of Environmental Risks Disturbance to Ecosystem Resilience. *Grozny Natural Science Bulletin*. 2022;7(1):33–43. <https://doi.org/10.25744/genb.2022.55.24.004>
21. Nikonov S.M., Krivichev A.I., Nasonov A.N., Tsvetkov I.V. Development Strategizing of Urban Systems Based on Multifractal Dynamics. *Strategizing: Theory and Practice*. 2022;2(3):360–376. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-360-376>
22. Voloshin U.G., Malakhova O.A., Podvalny E.S., Vorobyova S.A. Monogorod: Problems and Modern Development. *Region: gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie*. 2020;(1):2. EDN: GKKHGB

Об авторах:

Никоноров Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики природопользования экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8205-2140>, Scopus ID: 56818917500, nico.73@mail.ru

Кривичев Александр Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления недвижимостью и развитием территорий Московского государственного университета геодезии и картографии (105064, Российская Федерация, г. Москва, Гороховский пер., д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4971-5264>, Researcher ID: V-5920-2017, krivichev@bk.ru

Насонов Андрей Николаевич, кандидат технических наук, доцент кафедры управления недвижимостью и развитием территорий Московского государственного университета геодезии и картографии (105064, Российская Федерация, г. Москва, Гороховский пер., д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7201-3407>, Scopus ID: 6701836873, adn22@yandex.ru

Цветков Илья Викторович, доктор технических наук, профессор кафедры общей математики и математической физики Тверского государственного университета (170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5284-880X>, Scopus ID: 56186407300, mancu@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

С. М. Никоноров – обзор литературы; проведение экспериментального исследования; анализ и обобщение результатов исследования; подготовка первоначального варианта статьи.

А. И. Кривичев – концепция статьи; проведение экспериментального исследования; обзор литературы; анализ и обобщение результатов исследования; критический анализ и доработка текста.

А. Н. Насонов – проведение экспериментального исследования; анализ и обобщение результатов исследования; критический анализ и доработка текста.

И. В. Цветков – проведение экспериментального исследования; анализ и обобщение результатов исследования; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 02.09.2023; поступила после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 22.11.2023.

About the authors:

Sergey M. Nikonorov, Dr.Sci. (Econ.), Professor of the Chair of Environmental Economics, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8205-2140>, Scopus ID: 56818917500, nico.73@mail.ru

Alexander I. Krivichev, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Chair of Real Estate Management and Territory Development, Moscow State University of Geodesy and Cartography (4 Gorokhovskiy Pereulok, Moscow 105064, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4971-5264>, Researcher ID: V-5920-2017, krivichev@live.ru

Andrey N. Nasonov, Cand.Sci. (Eng.), Associate Professor, Chair of Real Estate Management and Territory Development, Moscow State University of Geodesy and Cartography (4 Gorokhovskiy Pereulok, Moscow 105064, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7201-3407>, Scopus ID: 6701836873, adn22@yandex.ru

Ilya V. Tsvetkov, Dr.Sci. (Eng.), Professor of the Chair of General Mathematics and Mathematical Physics, Tver State University (33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5284-880X>, Scopus ID: 56186407300, mancu@mail.ru

Contribution of the authors:

S. M. Nikonorov – conducting a literature review; conducting an experimental study; analysis and synthesis of research results; drafting the initial version of the article.

A. I. Krivichev – concept of the article; conducting an experimental study; work with literature; analysis and generalization of the results of the study; work with the text of the manuscript.

A. N. Nasonov – conducting an experimental study; analysis and generalization of the results of the study; work with the text of the manuscript.

I. V. Tsvetkov – conducting an experimental study; analysis and generalization of the results of the study; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 02.09.2023; revised 09.11.2023; accepted 22.11.2023.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY**

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.345-367

УДК 314.04:314.143

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

**Северное Причерноморье – Приазовье:
демографо-экономический потенциал и перспективы
хозяйственного развития новых регионов России****С. Я. Суший**

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
SS7707@mail.ru*

Аннотация

Введение. Межгосударственный транзит Северного Причерноморья – Приазовья, происходивший в условиях вооруженного конфликта, был связан с масштабной геодемографической и социально-экономической трансформацией региональных социумов. Цель исследования – проанализировать наличный демографический и экономический потенциал Херсонской и Запорожской областей, определить наиболее вероятные векторы их хозяйственной динамики.

Материалы и методы. Аналитико-эмпирическая база исследования помимо научной литературы включала сборники статистики, а также публикации СМИ, фиксирующие демографическую и экономическую динамику исследуемых регионов в 2022–2023 гг. Методологической основой являлся системный подход, позволявший сочетать методы, используемые в демографии, социальной и экономической географии, с элементами структурно-функционального подхода и дискурсно-анализом информации, получаемой из публикаций СМИ.

Результаты исследования. Установлено, что в течение весны – лета 2022 г. в результате оттока произошло существенное сокращение наличного населения обеих областей. Причем убыль городского населения была выше, чем сельского. Максимальные потери населения понесли приднепровские города и поселенческая сеть прифронтовой зоны Запорожской области. В обеих областях выявлены деформация возрастной структуры населения (значительный рост доли пожилых и старых людей) и дефицит специалистов в основных сферах социально-экономической деятельности. Зафиксировано, что в 2022–2023 гг. единственной крупной сферой хозяйственной жизни, продолжавшей функционировать в масштабах, сопоставимых с предыдущим периодом, являлось сельхозпроизводство и отдельные, связанные с ним, сегменты промышленности (прежде всего пищевой).

Обсуждение и заключение. Демографические и социально-экономические перспективы развития обоих регионов в значительной степени определяются дальнейшей динамикой вооруженного конфликта. Его долгосрочное затягивание будет ускорять отток населения, а в экономической сфере – способствовать углублению сельскохозяйственной специализации региональных хозяйственных комплексов. Устойчивое прекращение боевых действий позволит диверсифицировать

© Суший С. Я., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

направления экономического роста, активизировать ряд отраслей промышленности, туристско-рекреационный комплекс, сферу транспорта и логистики. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и детализации планов социально-экономического развития новых территорий.

Ключевые слова: Северное Причерноморье – Приазовье, экономический потенциал региона, численность населения, миграция населения, агропромышленный комплекс, сфера рекреации, строительный комплекс

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН (№ регистрации проекта 122020100349-6).

Для цитирования: Сущий С. Я. Северное Причерноморье – Приазовье: демографо-экономический потенциал и перспективы хозяйственного развития новых регионов России // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2. С. 345–367. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.345-367>

Northern Black – Azov Sea Region: Demographic and Economic Potential and Prospects of Economic Development of New Regions of Russia

S. Ya. Suschiy

*Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russian Federation)
SS7707@mail.ru*

Abstract

Introduction. The interstate transit of the Northern Black Sea – Azov region, which took place under the conditions of the armed conflict, was associated with a large-scale geodemographic and socio-economic transformation of regional societies. The aim of the study is to investigate the available demographic resources and production potential of the Cherson and Zaporozhye Regions, to determine the most likely directions of their economic dynamics.

Materials and Methods. The analytical and empirical base of the study, in addition to scientific sources, included collections of statistics, as well as media publications documenting the demographic and economic dynamics of the studied regions in 2022–2023. The methodological basis was a systematic approach that allowed combining the methods used in demography, social and economic geography with elements of structural-functional approach and discourse analysis of information obtained from media publications.

Results. It was found that during the spring and summer of 2022, there was a significant decrease in the available population of both areas as a result of outmigration. Moreover, the losses of the urban population were higher than those of the rural population. The maximum population losses were suffered by the Dnieper cities and the settlement network of the frontline zone of the Zaporozhye Region. In both areas, the age structure of the population has significantly deformed (a significant increase in the proportion of elderly and old people), the shortage of specialists in the main areas of socio-economic activity has sharply worsened. It is recorded that in 2022–2023 the only major sphere of economic life that continued to function on a scale comparable to peacetime was agricultural production and related segments of industry (primarily food).

Discussion and Conclusion. Demographic and socio-economic prospects for the development of both regions will largely be determined by the further dynamics of the armed conflict. The prolongation of its active stage will accelerate the process of reducing the local population due to outflow, and in the economic sphere will contribute to the deepening of agricultural (and more broadly – Agro-industrial) specialization of regional economic complexes. A stable truce will allow to diversify the directions of economic growth, first of all, to activate a number of industrial clusters, the tourist and recreational complex, the sphere of transport and logistics. The results of the study can be used in the development and detailing of plans for the socio-economic development of new territories.

Keywords: Northern Black – Azov Sea region, economic potential, population, migration, agro-industrial complex, recreation sector, construction sector

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, No. of registration of the project 122020100349-6.

For citation: Suschiy S.Ya. Northern Black – Azov Sea Region: Demographic and Economic Potential and Prospects of Economic Development of New Regions of Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):345–367. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.345-367>

Введение. В 2022 г. геостратегическое и геоэкономическое противостояние России и «политического» Запада вышло на уровень, не предполагающий возврата к миропорядку, существовавшему до начала специальной военной операции (далее – СВО) [1]. Одним из центральных событий, предопределивших необратимый характер перемен, стало включение в сентябре 2022 г. в состав России четырех новых регионов (Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей). В отличие от сценария межгосударственного транзита республики Крым и Севастополя в марте 2014 г., включение Донбасса и Северного Причерноморья – Приазовья (далее – СПП) в состав России произошло в условиях вооруженного конфликта. Данное обстоятельство существенно удлинило линейку угроз и рисков новым российским регионам, максимально актуализировало проблему экспертного анализа системного потенциала новых территорий и определения наиболее оптимальных сценариев их развития.

Во многих значимых аспектах новые регионы отчетливо распадаются на два «тандема» – республики Донбасса и черноморско-приазовские области. Историческая, этнокультурная, ресурсная, хозяйственно-экономическая близость Донецкого и Луганского региональных социумов хорошо известна, иллюстрировалась самой устойчивостью их пребывания в составе одного экономического района в СССР, а затем в постсоветской Украине.

Этого нельзя сказать о двух других регионах. В сетке экономического районирования современной Украины Херсонская и Запорожская области относились к разным районам. Тем не менее у российских областей СПП в их существующем формате есть много общего в природно-ландшафтном, демографо-расселенческом, социально-экономическом аспектах.

Наличие протяженного морского побережья и обширных степных пространств с большой площадью плодородных земель определило ориентацию южных и центральных районов Херсонской и Запорожской областей на развитие различных сегментов сельхозпроизводства и рекреации. «Основные» региональные столицы (крупнейшие средоточия населения и хозяйственной жизни) обеих российских областей СПП в настоящее время располагаются за их пределами, что также сближает многие значимые стороны экономической динамики, позволяя анализировать их в связке. Причем в отличие от республик Донбасса, находящихся в исследовательском фокусе российского научного сообщества с середины 2010-х гг., работы, посвященные регионам СПП, остаются единичными, что ставит их в приоритетное положение в качестве объектов изучения.

Целью исследования является комплексный анализ наличных демографических ресурсов двух областей и их современного экономического потенциала, под которым понимается совокупная способность всех отраслей и сфер региональных

социально-хозяйственных систем осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворяя запросы населения и общественные потребности [2].

Формат журнальной публикации предполагает концентрацию внимания на центральных аспектах демографо-расселенческой динамики населения и оценке потенциала/перспектив ряда сфер экономической деятельности, в рамках которых может происходить сборка новых региональных «территориально-производственных» комплексов. В группу экономически приоритетных для СПП были отнесены сельское хозяйство, отрасли индустрии, имеющие в данных областях инфраструктурно-производственные заделы, рекреационно-туристический сектор, строительство и сфера транспортно-логистической деятельности.

Возникает вопрос, в каком территориальном формате должна осуществляться оценка их потенциала, если в условиях вооруженного конфликта невозможно предсказать, каковы будут окончательные контуры регионов СПП? Здесь, как представляется, следует учитывать ряд моментов: 1) позиционный характер конфликта, наблюдаемый с осени 2022 г., ведущий к серьезным разрушениям хозяйственной и социальной инфраструктуры территорий оставляемых одной из сторон; 2) развернутую с весны 2022 г. на Украине масштабную программу эвакуации ключевых производств и трудовых коллективов из крупных центров востока и юго-востока¹; 3) организованное перемещение в тыловые регионы Украины значительной части местного населения.

Иными словами, реализация положительного для российской стороны сценария СВО с установлением контроля над всей административной территорией новых регионов с большой вероятностью не приведет к заметному росту их наличного демографического или экономического потенциала. С другой стороны, из анализируемого спектра потенциальных вариантов динамики конфликта в пределах СПП можно исключить пессимистический, поскольку при его реализации фактически исчезает объект нашего исследования. Для обеих областей критически важно не сокращаться в размерах от контура, сложившегося в конце 2022 г. В случае ощутимых территориальных потерь, даже при сохранении контроля федеральной группировки над некоторыми частями СПП, эти фактически прифронтовые территории едва ли смогут функционировать в качестве полноценных регионов.

Таким образом, цель исследования – провести комплексный анализ демографического и экономического потенциала российских Запорожской и Херсонской областей в их современных контурах, почти не изменившихся с ноября 2022 г. Показательно, что разработчики проекта «Стратегии социально-экономического развития Запорожской области до 2034 г.» анализировали ресурсы и возможности данного российского региона в его существующем формате².

¹ Маржецкий С. Как Западная Украина индустриализируется за счет Новороссии [Электронный ресурс] // Репортер : [сайт]. 2022. 24 авг. URL: <https://topcor.ru/27642-kak-zapadnaja-ukraina-industrializiruetsja-za-schet-novorossii.html> (дата обращения: 05.09.2023).

² Стратегия социально-экономического развития Запорожской области до 2034 г. : проект [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9481dcbe7f8b76dc2d29b80e2bc99ecc/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_zaporozhskoy_oblasti.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

Обзор литературы. Как уже отмечалось, научных публикаций, посвященных СПП, крайне мало, что объясняется коротким периодом существования региона и незавершенным процессом территориальной делимитации. А. Г. Дружинин указывает на необходимость восстанавливать экономику СПП с опорой на существующий инфраструктурно-производственный потенциал, модернизацию ключевой транспортной инфраструктуры, полноценно используя фактор моря (наличие протяженного морского побережья) и кооперацию с сопредельными регионами России [2]. С. Л. Орлов и П. В. Строев считают перспективным создание в пределах СПП особой экономической зоны, свободного порта в Бердянске; единого Приазовского туристско-рекреационного комплекса [3].

Значительно шире ряд публикаций украинских исследователей, посвященных различным аспектам развития Запорожской и Херсонской областей в 2000–2010-е гг. В центре их внимания находился природно-заповедный, туристско-рекреационный и демографический потенциал. Учеными анализировались структура и география региональных рекреационных и климатических ресурсов, природоохранных и курортных зон, была выполнена балльная оценка их потенциала [4–9]. В работах Г. К. Нелипы [10], А. Л. Шевцова [11], В. В. Яворской³ [12], посвященных демографическим процессам, зафиксирована устойчивая депопуляция населения СПП, обусловленная как естественными потерями, так и миграцией.

Отметим практически полное отсутствие работ, анализирующих динамику «производительных» секторов региональной экономики – промышленности, сельского хозяйства, строительного комплекса. Одни из причин – затяжной кризис индустриального сектора, особенно очевидный в Херсонской области, низкая активность строительной сферы СПП на всем протяжении постсоветского периода.

Материалы и методы. В качестве статистико-аналитической базы исследования использовались сборники демографической и социально-экономической статистики последних 10–15 лет украинского периода, позволяющие зафиксировать структуру и основные отрасли специализации региональных экономик СПП⁴. Для анализа геодемографической и экономической динамики Запорожской и Херсонской областей в 2022–2023 гг. по необходимости учитывалась разнообразная информация, исходящая от представителей федерального центра, региональных властей, бизнеса, общественных деятелей. Ее фрагментарный и отчасти противоречивый характер, а также максимальный динамизм происходивших в новых регионах демографических и социально-экономических процессов, в известной мере придавали исследовательскому процессу форму экспертной реконструкции. Что, как представляется, не исключало возможности достоверной фиксации общих демографо-экономических трендов, характерных для СПП в 2022–2023 гг.

³ Яворська В. В. Регіональні геодемографічні процеси в Україні. Кам'янець Подільський : Аксіома, 2013. 384 с.; Яворська В. В. Геодемографічні процеси і геодемографічні райони Українського Причорномор'я: Методологічні і методичні проблеми. Одеса : Астропринт, 2007. 208 с.

⁴ Статистичний щорічник України за 2014 рік. Київ : Державний комітет статистики України, 2015. 368 с.; Статистичний щорічник України за 2021 рік. Київ : Державний комітет статистики України, 2022, 447 с.; Статистичний збірник «Регіони України». 2013. Ч. 2. Київ : Державний комітет статистики України, 2013. 783 с.; Статистичний збірник «Регіони України». 2021. Ч. 2. Київ : Державний комітет статистики України, 2022. 634 с.; Чисельність наявного населення України на 1 січня 2020. Київ : Держстат України, 2020. 82 с.; Чисельність наявного населення України на 1 січня 2022. Київ : Держстат України, 2022. 84 с.

Методологической основой исследования является системный подход, комплексный характер которого существенно облегчает анализ сложных социально-экономических процессов в условиях ощутимого дефицита достоверной статистики. При этом данный подход позволяет эффективно сочетать методы, используемые в демографических исследованиях, регионоведении, социальной и экономической географии. Потенциал развития различных сегментов экономической деятельности региональных социумов рассматривался с помощью элементов структурно-функционального метода и SWOT-анализа; для оценки разнообразной информации, извлекаемой из публикаций СМИ, применялись методики дискурса-анализа.

Результаты исследования. *Демографический потенциал СПП.* Стремительный (в пределах 7–10 дней) переход субрегиона под контроль российской армии и практически мирный характер данного процесса определили минимальный отток населения. В начале марта российская часть СПП включала всю Херсонскую и примерно 3/4 территории Запорожской области с населением около 1,8 млн чел. (до 1 млн в Херсонской и 780–800 тыс. чел. в Запорожской). Однако уже к началу лета наиболее украиноцентричная часть местного населения переместилась на территории, контролируемые Киевом.

Определить в деталях временную динамику и общие масштабы этого оттока едва ли возможно. Ситуация существенно варьировалась по центрам и территориям, при этом быстро меняясь во времени, но в целом оставалась в диапазоне 10–30 %⁵. Существенно выше была миграция из прифронтовых поселений, покинутых значительной частью жителей. Так, население Васильевки, районного центра Запорожской области, с начала спецоперации оказавшегося в российской зоне, сократилось к апрелю 2022 г. в 3,2 раза (с 12,7 тыс. до 4 тыс. чел.); Орехова, контролируемого ВСУ, – за февраль – август 2022 г. в 2,3 раза (с 13,9 тыс. до 6 тыс.)⁶. Столь же масштабный отток весной – летом 2022 г. происходил в других поселениях, оказавшихся на линии фронта.

Не вызывает сомнения и факт меньшей подвижности сельского населения СПП, в сравнении с городским⁷. Значительная часть поселян старалась переждать СВО, не покидая своих домовладений. Даже на летнем пике 2022 г. миграционный отток этого населения мог ограничиться 15–20 %.

Общая с начала СВО геодемографическая динамика двух областей начинает заметно различаться осенью 2022 г. Если для Запорожской области основным трендом становится возвратный рост населения многих пунктов, то

⁵ В Херсоне сравнили население с числом жителей до спецоперации [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. 2022. 22 июля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15281615> ; Макеев Д. «Едут сами и везут друзей»: мэр Мелитополя о возвращении жителей [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. 2022. 6 дек. URL: <https://crimea.ria.ru/20221206/edut-sami-i-vezut-druzey-mer-melitopolya-o-vozvrashchenii-zhiteley-1125701699.html> ; Сколько жителей покинуло Бердянск [Электронный ресурс] // Лента новостей Запорожья : сайт. 2022. 28 сент. URL: <https://zp-news.ru/society/2022/09/28/39303.html> (дата обращения: 08.09.2023).

⁶ Люди возвращаются: население прифронтовой Васильевки выросло вдвое. Новости Крым. [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. 2022. 3 дек. URL: <https://crimea.ria.ru/20221203/lyudi-vozvrashchayutsya-naselenie-prifrontovoy-vasilevki-vyroslo-vdvoe-1125647232.html> ; Ukraine: Situation Report, 17 Aug 2022 [Электронный ресурс] // ОСНА. 2022. 19 Aug. URL: <https://reliefweb.int/report/ukraine/ukraine-situation-report-17-aug-2022-enukru> (дата обращения: 12.09.2023).

⁷ Стратегия социально-экономического развития Запорожской области до 2034 г. С. 48.

для Херсонской центральным событием стало смещение линии фронта к руслу Днепра и связанный с этим масштабный отток местного населения с днепровского правобережья. В октябре – ноябре 2022 г. его, по данным российской стороны, покинули 115–150 тыс. чел. (около трети наличного населения)⁸. Значительная часть вынужденных переселенцев выехала в другие регионы России, что не позволило заметно нарастить демографический потенциал российской части Херсонской области⁹. По данным министра социальной политики областного правительства А. Бархатновой, в апреле 2023 г. в регионе проживало 305 тыс. чел. (55 % от численности на начало 2022 г.)¹⁰. Есть основания полагать, что в дальнейшем эта цифра менялась незначительно.

К весне 2023 г. в целом стабилизировалась и численность населения Запорожской области. Для большинства ее сельских территорий новый уровень демографической стабильности можно экспертно оценить в 70–75 % населения от довоенного уровня, для городской сети – в 60–70 % (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Динамика населения ряда городов Запорожской области в 2022–2023 гг., тыс. чел.¹¹

Table 1. Population dynamics of a number of cities of the Zaporozhye Region in 2022–2023, thousand people

Населенный пункт / Settlement	2022				2023	Население к уровню января 2022 г. / Population to the level of January 2022, %
	1*	6/8	9/10	11/12	1/2	
Мелитополь / Melitopol	148,8	100–105				67–71
Бердянск / Berdyansk	106,3		85–90			80–85
Энергодар / Energodar	52,2			35		67
Днепрорудное / Dneprogudnoye	17,7				10	56
Васильевка / Vasilevka	12,57	4		8		32–64

* Номер месяца / Number of the month.

Если данная оценка в целом соответствует действительности, в российской Запорожской области весной – летом 2023 г. проживало 500–550 тыс. чел. (300–340 тыс. – в городах, 200–210 тыс. – в сельской местности)¹². То есть наличное население всего СПП в середине – второй половине 2023 г. могло составлять 0,8–0,85 млн чел.

⁸ Население Херсона за полгода сократилось с 320 тысяч до 50 тысяч человек – Сальдо [Электронный ресурс] // EADaily : сайт. 2023. 29 мая. URL: <https://eaddaily.com/ru/news/2023/05/29/naselenie-herzona-za-polgod-a-sokratilos-s-320-tysyach-do-50-tysyach-chelovek-saldo> (дата обращения: 07.10.2023).

⁹ К началу марта 2023 г. около 53 тыс. из них получили жилищные сертификаты, позволяющие перебраться на постоянное место жительства в другие российские регионы. Еще порядка 15 тыс. чел. должны были получить сертификаты в скором времени.

¹⁰ Министр соцполитики Алла Бархатнова: Почему в Херсонской области настал «коммунизм»? [Электронный ресурс] // Украина.ру : сайт. 2023. 4 апр. URL: <https://ukraina.ru/20230404/1044991086.html> (дата обращения: 07.10.2023).

¹¹ Здесь и далее в статье таблицы и рисунки составлены автором по материалам исследования.

¹² Этот расчетный диапазон хорошо согласуется с данными Росстата, согласно которым в конце 2023 г. население российской Запорожской области ориентировочно составляло 556–588 тыс. чел. См.: Стратегия социально-экономического развития Запорожской области до 2034 г. С. 48.

Пиковый рост миграции в 2022–2023 гг. сопровождался ощутимыми сдвигами в половозрастной структуре населения, поскольку повышенную мобильность проявили люди молодого и среднего возраста. Современное наличное население обеих областей отличает повышенная доля старших возрастных групп. Весной 2023 г. число пенсионеров в Херсонской области составляло 123,6 тыс. чел. (40,5 % жителей)¹³. Двумя годами ранее этот показатель находился на уровне 23,2 %. Заметный удельный рост возрастных людей происходил и в Запорожской области. Ощутимая деформация возрастной структуры населения СПП представляется одной из центральных социодемографических проблем субрегиона. Тем более что в результате оттока ощутимо пострадали группы наиболее квалифицированных специалистов и коллективы ведущих производств (к концу 2022 г. Запорожскую АЭС покинуло более 5 тыс. сотрудников – около половины персонала; коллектив Днепрорудненского железорудного комбината сократился с 4,0 до 2,5 тыс. чел.)¹⁴.

При анализе возможных вариантов экономического развития СПП следует учитывать процессы в системе расселения. Прежде всего, глубокую депопуляцию пространственной полосы (10–15 км, местами до 20–30 км) по обе стороны от линии фронта (рис. 1). Даже там, где она прошла по Днепру, жесткие обстрелы прибрежных территорий заставили заметную часть жителей оставить свои населенные пункты. Свою роль сыграло подтопление береговой зоны после подрыва Каховской ГЭС в июне 2023 г., когда дома оставили десятки тысяч людей. На российской стороне было затоплено около 30 поселений, в том числе города Новая Каховка, Алешки, Голая Пристань¹⁵.

Р и с. 1. Общее зонирование территории Северного Причерноморья – Приазовья по масштабам депопуляции в 2022 – первой половине 2023 г., %

F i g. 1. General zoning of the Northern Black – Azov Sea Region territory by depopulation scale in 2022 – the first half of 2023, %

¹³ Министр соцполитики Алла Бархатнова: Почему в Херсонской области настал «коммунизм»...

¹⁴ Георгиев С. Поднимают из руин: как возрождают экономику Запорожской области [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. 2023. 22 сент. URL: <https://crimea.ria.ru/20230922/podnimayut-iz-ruin-kak-vozrozhdayut-ekonomiku-zaporozhskoy-oblasti-1131583917.html> ; Запорожскую АЭС покинула половина персонала [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5719691> (дата обращения: 07.10.2023).

¹⁵ В СК назвали число погибших в результате подрыва Каховской ГЭС [Электронный ресурс] // Регнум : сайт. 2023. 25 июля. URL: <https://regnum.ru/news/3821788> (дата обращения: 27.06.2023).

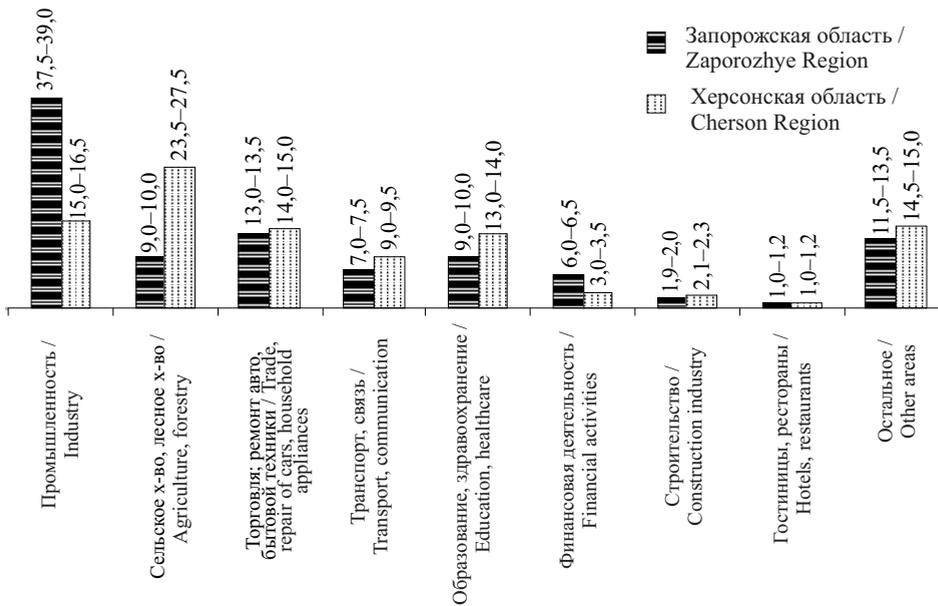
Еще большим был уровень демографических потерь системы расселения Запорожской области в зоне боевых действий весной – летом 2023 г. С началом украинского контрнаступления десятки пунктов по линии фронта обезлюдели окончательно. Причем полное уничтожение жилой застройки не оставляло жителям надежды на возвращение.

Весьма существенными оказались последствия вооруженного конфликта для городской системы СПП. Без Херсона и с учетом масштабной депопуляции прифронтовых городов Новой Каховки, Каховки и Алешки (2–4-й центры региона), Херсонская область фактически лишилась городской системы. Функции областной столицы выполняет Геническ (менее 20 тыс. чел.). В современных реалиях Херсонская область представляет сельский социум (доля горожан – 15–20 %), фактически лишенный крупных и средних многофункциональных центров, способных играть роль средоточий и локомотивов экономической и социокультурной жизни. В целом сходная ситуация и в Запорожской области. Мелитополь в несколько раз больше Геническа, но его демографические и социально-экономические ресурсы несопоставимы с Запорожьем, в котором перед началом СВО была сосредоточена половина населения области.

Ограниченный демографический ресурс и дефицит крупных городов при долговременном сохранении областей СПП в существующем формате способен актуализировать задачу оптимизации административно-территориальной сетки новых регионов. Самый очевидный вариант – объединение Херсонской и Запорожской областей в один регион, обладающий более значительным демографическим и социально-экономическим потенциалом. Не исключен вариант реформы, затрагивающей и Донецкую область, – создание большой черноморско-приазовской области с центром в Мариуполе. Данное административное образование по своим базовым параметрам (более 40 тыс. км²; 1,1–1,3 млн жителей) уже выходило бы на уровень, характерный для большинства российских регионов.

Экономика: структура, базовые специализации, потенциал развития. Структура экономики Херсонской и Запорожской областей существенно различалась и в период СССР, и в постсоветские десятилетия. В центре хозяйственной системы Запорожской области сохранялся индустриальный комплекс, на который в 2010-е гг. приходилось 37–39 % валовой добавленной стоимости (в том числе 26–27 % на обрабатывающую промышленность). Экономика Херсонской области строилась с упором на сельское хозяйство. Деиндустриализация 1990-х гг. аграрную специализацию региона еще более усилила. В отличие от Запорожья, большинство крупных предприятий Херсонщины в начале XXI в. не возобновило деятельность, а в 2010-е гг. на сельскохозяйственное производство в области приходилось около четверти ВРП (на промышленность – только 14,5–16,0 %) (рис. 2). Однако вооруженный конфликт и сумма трансформационных процессов 2022–2023 гг. существенным образом отразились на структуре экономики обеих областей и динамике ее крупных сегментов.

Промышленность. Запорожская область входила в число наиболее индустриальных регионов Украины. Имея 3,9 % населения страны, область в 2010-е гг. производила 8–9 % объема продукции обрабатывающей промышленности; 6,5–7,0 % производства и распределения электроэнергии, газа и воды. У Херсонской области, одного из регионов-аутсайдеров Украины по уровню промышленного развития, данные показатели составляли 2,2, 1,2–1,3 и 0,9–1,0 % соответственно.

Р и с. 2. Структура ВРП Запорожской и Херсонской областей в первой половине – середине 2010-х гг., %

Fig. 2. The GRP structure of the Zaporozhye and Kherson Regions in the first half – mid 2010s, %

Общим для промышленности обоих регионов являлась значительная концентрация производств в административных центрах. Из 37 крупных предприятий Херсонщины 21 локализовалось в Херсоне¹⁶; большинство ведущих производств Запорожской области также было сосредоточено в региональной столице. Таким образом, значительные сегменты региональной индустрии в настоящее время находятся за пределами российских областей СПП. В современных контурах они располагают определенным потенциалом в машиностроении, металлургии, химической и нефтехимической индустрии; деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности (табл. 2). Однако в результате боевых действий выведены из строя многие предприятия, расположенные в прифронтовой зоне.

Почти критическими эти потери являются для промышленности Херсонской области, все значимые очаги промышленного производства которой (Новая Каховка, Каховка, Цурюпинск) расположены в зоне активного огневого воздействия Вооруженных сил Украины. В настоящее время большинство предприятий в этих городах остановлено. Разрушена и Каховская ГЭС – крупнейший производственный объект региона (среднегодовая выработка – 1,4 млрд кВт·ч), обеспечивавший электроэнергией потребности Херсонской области и других областей южной Украины. С учетом небольших и малых производств, промышленный потенциал Херсонской области включает 110 предприятий (в том числе около 30 обрабатывающих), большинство которых в настоящее время не функционирует. В планах региональных властей возобновление в 2024–2025 гг. работы 25 из них. Однако основные перспективы восстановления промышленности региона связаны с завершением вооруженного конфликта и реанимацией экономики приднепровских центров.

¹⁶ Байков Д. Перечень ведущих промышленных предприятий Херсонской области [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/22/49619.php> (дата обращения: 07.10.2023).

Таблица 2. Центры промышленного производства Северного Причерноморья – Приазовья, 2000–2010 гг.

Table 2. Northern Black – Azov Sea Region industrial production centers, 2000–2010

Отрасль / Industries	Отраслевой кластер / Industry cluster	Запорожская область / Zaporozhye Region	Херсонская область / Cherson Region
1	2	3	4
Электроэнергетика / Electric power industry		<i>Энергодар / Energodar</i>	<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i>
Машиностроение / Mechanical engineering	Тяжелое машиностроение / Heavy engineering	Бердянск / Berdyansk Мелитополь / Melitopol Токмак / Tokmak <i>Днепрорудное / Dneprorudnoye</i>	
	Автомобилестроение / Automotive industry	Мелитополь / Melitopol	
	Сельскохозяйственное машиностроение / Agricultural engineering	Бердянск / Berdyansk Мелитополь / Melitopol	
	Станкостроение / Machine tool construction	Бердянск / Berdyansk	<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i> <i>Каховка / Kakhovka</i>
	Судоремонт / Ship repair		<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i>
Химия, нефтехимия / Chemistry, petrochemistry	Лакокрасочная / Paint and varnish	Мелитополь / Melitopol	
	Производство синтетических смол и пластмасс / Production of synthetic resins and plastics	Бердянск / Berdyansk	<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i>
	Производство кислот, солей, соды / Production of acids, salts, soda	<i>Пологи / Pologi</i>	
Металлургия / Metallurgy	Обогащение железных руд / Iron ore enrichment	<i>Днепрорудное / Dneprorudnoye</i>	
Деревообработка / Woodworking	Целлюлозно-бумажная / Pulp and paper		<i>Цурюпинск / Tsurupinsk</i>
	Мебельная / Furniture	Мелитополь / Melitopol Молочанск / Molochansk	
Производство строительных материалов / Production of building materials	Цементная / Cement	Бердянск / Berdyansk Мелитополь / Melitopol Куйбышево / Kuibyshevo <i>Пологи / Pologi</i>	<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i>
	Асбестоцементная / Asbestos cement	<i>Энергодар / Energodar</i>	
	Сборных железобетонных и бетонных конструкций / Precast reinforced concrete and concrete structures	Бердянск / Berdyansk <i>Васильевка / Vasilevka</i> <i>Днепрорудное / Dneprorudnoye</i>	<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i> <i>Каховка / Kakhovka</i>
	Строительная керамика / Construction ceramics	Осипенко / Osipenko	<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i> <i>Пологи / Pologi</i> <i>Днепрорудное / Dneprorudnoye</i> Куйбышево / Kuibyshevo Геничск / Genichesk Мирное / Mirnoye

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4
Легкая / Light industry	Хлопчатобумажная / Cotton		Геничеськ / Genichesk
	Швейная / Sewing	Мелитополь / Melitopol	
	Трикотажная / Knitted	Бердянск / Berdyansk Мелитополь / Melitopol	
	Обувная / Shoe	Бердянск / Berdyansk <i>Васильевка / Vasilevka</i>	<i>Каховка / Kakhovka</i>
Пищевая / Food industry	Масложировая / Fat and oil	Мелитополь / Melitopol <i>Пологи / Pologi</i>	
	Молочная / Dairy	Бердянск / Berdyansk Мелитополь / Melitopol <i>Днепрорудное / Dneprorudnoye</i>	Геничеськ / Genichesk <i>Новая Каховка / New Kakhovka</i> Новотроицкое / Novotroitskoe
	Флодоовощная / Fruit and vegetable	Мелитополь / Melitopol	Геничеськ / Genichesk Новотроицкое / Novotroitskoe
	Мясная / Meat	Бердянск / Berdyansk Мелитополь / Melitopol	<i>Новая Каховка / New Kakhovka</i> Новотроицкое / Novotroitskoe
	Мукомольная / Flour mill		Мирное / Mirnoye
	Рыбная / Fish	Бердянск / Berdyansk	Геничеськ / Genichesk

Примечания / Notes. 1. Курсивом выделены прифронтовые центры / Frontline centers are highlighted in bold italics. 2. Некоторые из производств, указанных в таблице, к началу 2022 г. не функционировали / Some of the productions listed in the table were not functioning by the beginning of 2022.

Существенные потери понесла и промышленность Запорожской области, прежде всего ее ведущие предприятия – Запорожская АЭС (крупнейшая в Европе) и региональный электроэнергетический кластер, включающий ведущую ТЭС, расположенную в Энергодаре. На этих двух производствах в 2000–2010 гг. вырабатывалось около 20 % электроэнергии Украины (42–44 млрд кВт·ч). Прифронтная локация, частые обстрелы и диверсии с украинской стороны заставили перевести их в режим консервации.

Потеряли значительную часть производств и другие прифронтовые центры Запорожской области (Пологи, Токмак, Васильевка). В отличие от Херсонской области, крупнейшие центры российского Запорожья – Мелитополь и Бердянск, расположены на юге области, далеко от зоны активных боевых действий, что позволяет обеспечить безопасность и устойчивость функционирования местной промышленности.

К концу 2023 г. региональные власти сумели запустить 130 из 206 предприятий. Более 80 действующих в настоящее время производств представляют различные отрасли машиностроения. Однако в большинстве это «микропроизводства»

(10–30 работников)¹⁷. Из крупных выделялся Днепрорудненский железорудный комбинат (2,6 тыс. работников), в течение 2023 г. планировавший добыть около 3 млн т руды¹⁸.

Значительная часть восстановленных предприятий локализована в Мелитополе (35 ед.), который в настоящее время является эпицентром индустриального комплекса области. Учитывая преимущества созданной в области свободной экономической зоны, линейку программ поддержки малого бизнеса и деятельность регионального фонда развития промышленности, можно ожидать устойчивого роста числа функционирующих производств и в других городах области, включая Бердянск, Токмак, Энергодар.

Однако восстановительный рост областной промышленности актуализирует комплекс проблем, среди которых трансформация системы производственной логистики, существенное обновление группы смежников, формирование новых рынков сбыта продукции. Далекое не все предприятия Запорожской области смогут решить эти проблемы. Рациональная программа промышленного развития области должна включать жесткую селекцию в отборе реанимируемых производств, предполагает создание «относительно самостоятельных цепочек, систем хозяйствования, товарных групп регионального производства» [2]. Наиболее перспективными являются несколько сегментов машиностроения, химической, пищевой и легкой промышленности, ресурсная база которых локализована в самом регионе, а продукция уже сейчас востребована в «большой» России¹⁹.

Транспортная инфраструктура. Модернизация и расширение системы транспортных коммуникаций, связывающих Херсонскую и Запорожскую области с Крымом, Донбассом и другими регионами России, является одним из системных приоритетов стратегии комплексной интеграции СПП в социально-экономическое пространство России, что находит отражение в хозяйственной практике. Достаточно указать на осуществленную в сжатые сроки модернизацию приазовской автомагистрали, существенно смягчившую проблему транспортной доступности Крыма в разгар последнего пляжного сезона после подрыва Крымского моста (июль 2023 г.).

Ощутимого социально-экономического эффекта можно ожидать от реализации двух масштабных инфраструктурных проектов – строительства скоростной автомагистрали (Азовское транспортное кольцо) и железной дороги, связывающей Крымский полуостров с Ростовской областью через все крупные центры северного Приазовья²⁰.

Значительным потенциалом развития обладает Бердянский морской порт (среднегодовая перевалка – 1,5–2,5 млн т), инфраструктура которого практически не пострадала в 2022 г. Даже в условиях незавершенного конфликта портовые мощности могут быть задействованы для организации каботажной перевозки

¹⁷ Стратегия социально-экономического развития Запорожской области до 2034 г. С. 124–125.

¹⁸ Днепрорудненский железорудный комбинат планирует в 2023 году довести добычу до 3 млн тонн [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. 2023. 18 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17785171> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁹ Георгиев С. Поднимают из руин...

²⁰ Ростовскую область и Крым свяжет новая железная дорога [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : сайт. 2023. 16 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6044859> (дата обращения: 10.10.2023).

сельхозпродукции и других товаров местного производства в другие регионы России, а в перспективе – и для международной торговли²¹.

Строительство. Одним из драйверов экономического развития СПП в планах региональных властей предполагается сделать строительную отрасль. Заметим, что для Украины на всем протяжении постсоветского периода были характерны незначительные масштабы работы строительного комплекса (7–11 млн м²/год). По душевому показателю Украина уступала России в два раза. Причем 50–55 % нового жилья приходилось на Киев и три области (Киевскую, Львовскую, Одесскую)²². Остальные регионы имели незначительные масштабы жилого строительства. Но и среди них области СПП находились в группе аутсайдеров.

В пределах днепровского левобережья Херсонской области в 2010-е гг. вводилось в строй всего 15–30 тыс. м² жилья в год, на территории российской Запорожской области – 27–42 тыс. м², т. е. соответственно 25–50 и 22–34 м² на 1 000 жителей²³. Основным ограничителем темпов роста жилищного строительства в украинский период являлись низкие материальные возможности местного населения. На фоне общей стагнации строительной отрасли СПП выделялись Мелитополь и Бердянск, в которых на рубеже 2020-х гг. находилось 12 из 15 возводимых в пригородной зоне Запорожской области жилых комплексов²⁴. Строительная активность в них была связана с ростом популярности приазовских курортов во второй половине 2010-х гг.

В настоящее время линейка значимых препятствий на пути активизации жилого строительства в СПП пополнилась другими факторами: помимо вооруженного конфликта, это значительное сокращение населения, снижающее спрос на новое жилье. Тем более, что часть квартир и домовладений жителей, выехавших на Украину или в другие регионы России, будет постепенно выходить на вторичный рынок, снижая цены на местную недвижимость.

Запланированные объемы строительства в Запорожской области на 2024 г. – 30 тыс. м². При реализации данного плана строительный сектор региона выйдет на уровень активности конца 2010-х гг. При этом душевой показатель составит 50–55 м² на 1 000 чел., что в 5–10 раз ниже уровня большинства российских регионов.

Таким образом, в краткосрочной перспективе сегмент жилого строительства едва ли в состоянии стать локомотивом экономического подъема Запорожской области, притом что перспективы у отрасли в регионе есть, но отодвинуты в более отдаленное будущее, коррелируют с динамикой конфликта и общим

²¹ Стратегия социально-экономического развития Запорожской области до 2034 г. С. 158.

²² Рассчитано по: Статистичний збірник «Регіони України». 2013. Ч. 2. Київ : Державний комітет статистики України, 2013. 783 с.; Статистичний збірник «Регіони України». 2021. Ч. 2. Київ : Державний комітет статистики України, 2022. 634 с.

²³ Рассчитано по: Статистичний щорічник України за 2014 рік. Київ : Державний комітет статистики України, 2015. 368 с.; Статистичний щорічник України за 2021 рік. Київ : Державний комітет статистики України, 2022. 447 с.; Статистичний збірник «Регіони України». 2013. Ч. 2. Київ : Державний комітет статистики України, 2013. 783 с.; Статистичний збірник «Регіони України». 2021. Ч. 2. Київ : Державний комітет статистики України, 2022. 634 с.

²⁴ Бердянск и Мелитополь – лидеры по количеству пригородных новостроек в регионе [Электронный ресурс]. 2019. 18 окт. URL: <https://www.zagorodna.com/ru/analitika/berdiansk-i-melitopol-lidery-po-kolichestvu-prigorodnyh-novostroek-v-zaporozhskoy-oblasti.html> (дата обращения: 10.10.2023).

социально-экономическим «самочувствием» широкой приморской зоны региона (от Мелитополя до Бердянска), концентрирующей значительную часть областного населения. Именно здесь планирует возводить жилье Запорожский домостроительный комбинат – региональный застройщик, работа которого должна начаться в 2024 г.²⁵

В Херсонской области эпицентром жилого строительства в ближайшие годы, очевидно, будет оставаться новая столица региона Геническ, и его окрестности. В самом Геническе планируется возвести 51 тыс. м² жилья для многочисленной группы переселенцев с днепровского правобережья и прифронтовых районов области, в том числе административных работников, переместившихся в город из Херсона²⁶.

В конце 2022 г. было анонсировано и строительство на Арабатской стрелке, в непосредственной близости от Геническа, нового города на 30 тыс. жителей²⁷. С учетом ГОСТов, объемы жилья могут составить 500–600 тыс. м². Учитывая концентрацию платежеспособного населения без жилья (беженцы с жилищными сертификатами, сотрудники областных административных структур и т. п.), превращение Геническа и его окрестностей в региональный эпицентр строительной деятельности в настоящее время представляется почти неизбежным.

При этом преимущественно сельская система расселения Херсонской области снижает вероятность активизации жилого строительства в других районах региона. По крайней мере, до окончания активной стадии конфликта. Восстановление мирной жизни является центральным условием подъема строительной деятельности в группе приднепровских центров области (Новая Каховка, Каховка, Алешки, Цурюпинск). Но необходимо и наличие других факторов, в том числе сохранение достаточной численности населения.

Рекреационно-туристический комплекс. Большим потенциалом развития в СПП обладает сфера рекреации и туризма. По мнению некоторых исследователей, в пределах приморской зоны обеих областей возможно создание единого Приазовского туристско-рекреационного комплекса протяженностью более 250 км (от Геническа до Новоазовска) [3, с. 42]. В приморских районах обеих областей действительно сложилась развитая рекреационная инфраструктура. По масштабам турпотока выделялось побережье Запорожской области – зона отдыха между Бердянском и Приморском. К началу 2020-х гг. рекреационный комплекс области включал около 700 заведений (санаториев, пансионатов, баз и домов отдыха, частных гостиниц), являясь одним из основных сфер экономической специализации приморских территорий [4; 7]. Перед пандемией COVID-19 в приморской зоне Запорожской области отдохнули до 1,5 млн чел.

²⁵ Мельников Р. В Запорожской области появится местный домостроительный комбинат [Электронный ресурс] // Российская газета : сайт. 2023. 4 окт. URL: <https://rg.ru/2023/10/04/v-zaporozhskoj-oblasti-poiavitsia-mestnyj-domostroitelnyj-kombinat.html> (дата обращения: 10.10.2023).

²⁶ С теплотой и заботой: херсонцам строят новые дома [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZHBt7dD75CyrY2Qe> (дата обращения: 10.10.2023).

²⁷ Георгиев С. Город на Арабатской стрелке – новое место для жизни, работы и отдыха [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. 2023. 16 февр. URL: <https://crimea.ria.ru/20230216/gorod-na-arabatskoy-strelke--novoe-mesto-dlya-zhizni-raboty-i-otdykha-1127028316.html?ysclid=lnfzex3yxn843707154> (дата обращения: 10.10.2023).

ежегодно²⁸, что способствовало расширению и модернизации инфраструктуры местных курортных центров.

В 2022 г. значительная часть рекреационных учреждений области была использована для размещения беженцев. В начале 2023 г. региональные власти рассчитывали на частичное восстановление работы рекреационного комплекса. Активизация боевых действий на севере Запорожской области не позволила этим планам реализоваться. Тем не менее осенью 2023 г. было анонсировано строительство крупного круглогодичного туристического спа-комплекса в Приморске, рассчитанного на 700 тыс. туристов в год²⁹. Однако реализация столь масштабного проекта, помимо устойчивого возвращения области к мирной жизни, предполагает синергию множества других факторов, связанных с финансированием, логистикой и т. п. В целом расчет региональных властей на значительный приток отдыхающих из «большой» России представляется излишне оптимистичным. В ближайшие годы областному туристско-рекреационному комплексу следует рассчитывать на отдыхающих из СПП и республик Донбасса.

Данный вывод в полной мере относится к курортным зонам Херсонской области, расположенным на азовском (Геническ и северная часть Арабатской стрелки) и черноморском побережье (Скадовск и окрестности). В Геническо-Арабатском курортном районе в 2023 г. сохранялась значительная концентрация переселенцев из Херсона, северных прифронтовых городов и районов области. Вооруженный конфликт и плохая транспортная доступность сорвали в 2022–2023 гг. курортный сезон и в Скадовской приморской зоне, располагавшей значительной рекреационной инфраструктурой (84 учреждения, развитый частный гостиничный сектор), принимавшей в 2010-е гг. порядка 150 тыс. отдыхающих ежегодно [7, с. 171].

Таким образом, краткосрочные перспективы развития туристско-рекреационного комплекса СПП остаются неопределенными. Для реалистичной оценки более отдаленного будущего следует принимать в расчет сложившуюся географию российского пляжного туризма, наличие таких крупных курортных зон, как Кубанское и крымское Причерноморье, Абхазия, восточное (кубанское) Приазовье. Конкуренция с ними будет существенно осложнять задачу превращения приморских территорий СПП в рекреационную зону федерального уровня. Что не отменяет возможности их развития в качестве рекреационных территорий регионального (отчасти межрегионального) значения, ориентированных на турпоток из новых российских территорий и небольшое число рекреантов из «большой» России.

Следует учитывать и то, что Херсонская область наряду с Закарпатской являлась одним из ведущих регионов Украины по площади природоохранных территорий. В пределах области расположено 76 объектов (заповедников, природных парков, заказников, памятников природы, включая два крупных биосферных заповедника «Аскания Нова» и «Черноморский»), занимающих 16 %

²⁸ Бердянский открывает морской сезон [Электронный ресурс] // Советnews : сайт. 2019. 10 июня. URL: <https://sovethnews.com/berdyansk-otkryvaet-morskoy-sezon> (дата обращения: 10.10.2023).

²⁹ В Приморске Запорожской области появится туристический спа-комплекс [Электронный ресурс] // Хлеб : сайт. 2023. 30 сент. URL: <https://hlebmmedia.ru/v-primorske-zaporozhskoy-oblasti-rouav/> (дата обращения: 10.10.2023).

территории региона [8, с. 33–35]. Очевидно, что все формы экологической и природоохранной деятельности получают в области дальнейшее развитие, оставаясь одной из «визитных» карточек региона.

Агропромышленный комплекс. Сельскохозяйственное производство, связанные с ним сегменты машиностроения, легкой и пищевой промышленности, определяются властями обеих областей СПП в качестве основных направлений экономического развития. Данный стратегический ориентир является вполне обоснованным, прежде всего для Херсонской области, представляющей в настоящее время почти исключительно сельский регион. Однако в новых условиях функционирования агросектор области ожидает серьезная трансформация. Анализ динамики урожая различных сельхозкультур в последние 10–15 лет обнаруживает сложившиеся отрасли специализации Херсонской области, к которым относились производство зерновых и овощеводство, а также выращивание подсолнечника, сои и рапса.

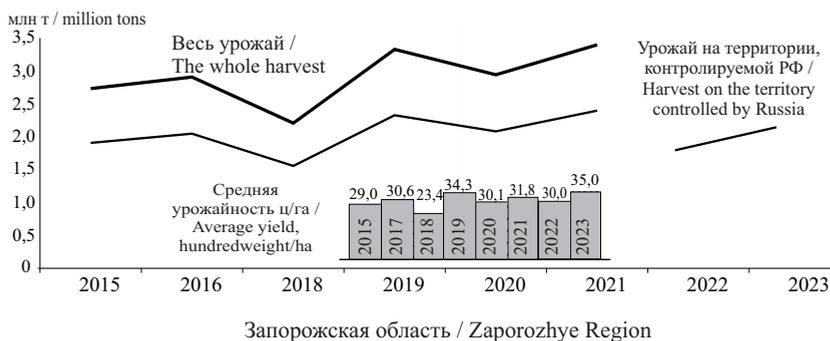
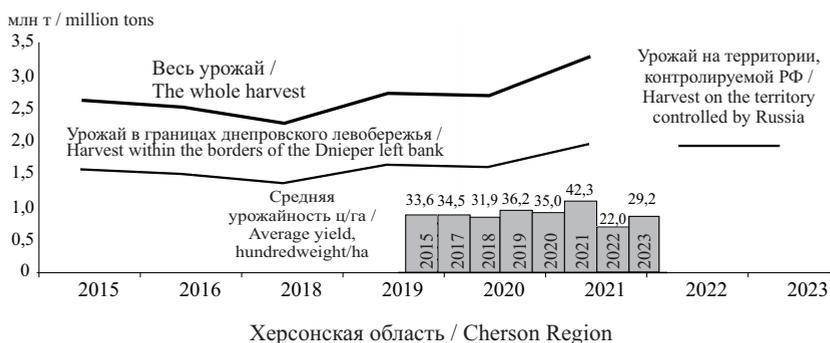
В 2010–2020 гг. в Херсонской области собирали 2,27–2,74 млн т зерна (3,2–4,5 % урожая Украины). Зерноводческий комплекс (пшеница, рожь, овес, ячмень, просо) представлял одну из устойчивых хозяйственных ниш региона, но максимальный вклад фиксировался в сегменте овощеводства. В 2015–2021 гг. в области собирали 1,25–1,32 млн т овощей (13,6–14,0 % урожая Украины). В 2022–2023 гг. урожай зерновых в области составлял по 1,5 млн т (рис. 3). Хотя без правобережья Днепра площадь пахотных земель сократилась с 1,78 млн га до 1,1 млн³⁰. Потери овощеводческого кластера были более весомыми – урожай упал с 860–870 тыс. до 80 тыс. т.

Следует учитывать, что в условиях засушливого климата самую значимую роль в функционировании регионального агросектора играли Каховская оросительная система и Северо-Крымский канал, орошавшие 427 тыс. га (более 20 % площади сельхозугодий области). Разрушение Новокаховской ГЭС и прекращение работы всех водоотводных каналов вернуло местных поселян к ситуации, существовавшей до 1958 г.

Без восстановления всей или значительной части оросительной системы наиболее вероятным направлением трансформации аграрной сферы Херсонской области станет возвращение к менее влаголюбивым культурам и более экстенсивным формам землепользования – отказ от риса, существенное сокращение посевов кукурузы и сои; заметное снижение урожайности сельхозкультур (без полива оно может составить у пшеницы 25–30 %, у кукурузы и сои – 70 %) ³¹. Не восстановится и овощеводческий сектор, в котором потеря основного источника водоснабжения наложилась на проблему нехватки рабочих рук. С большой вероятностью увеличатся посевы подсолнечника, бахчевых и других культур, требующих ограниченного полива.

³⁰ Сальдо рассказал Путину о сборе зерновых в Херсонской области [Электронный ресурс] // Взгляд : сайт. 2023. 24 авг. URL: <https://vz.ru/news/2023/8/24/1227259.html> (дата обращения: 12.10.2023).

³¹ Кубагыя Г. Здесь раньше был город-сад: что ждет плодородные поля Херсонской и Запорожской областей после обмеления водохранилища [Электронный ресурс] // Комсомольская правда : сайт. 2023. 17 июня. URL: <https://www.kp.ru/daily/27517.5/4780155/> (дата обращения: 12.10.2023).

Р и с. 3. Урожай зерновых и зернобобовых в Херсонской и Запорожской областях, 2015–2023 гг.

Fig. 3. Grain and leguminous crops in Cherson and Zaporozhye Regions, 2015–2023

В наиболее засушливых районах области можно ожидать распространения пастбищного животноводства. За 1990–2010-е гг. поголовье овец и коз в регионе сократилось почти в 40 раз. В новых условиях данный сегмент животноводства может быть реанимирован, но основным направлением сельхозпроизводства, очевидно, останется растениеводство.

Значительным потенциалом развития обладает и сельское хозяйство Запорожской области, также специализированное на производстве зерновых и масличных культур, плодово-ягодной и овощеводческой продукции. В 2022 г. в области было собрано 1,5 млн т зерновых и зернобобовых, в 2023 г. урожай вырос (1,86 млн т), несмотря на выпадение из сельхозоборота части угодий, используемых для нужд обороны³².

В 2015–2020 гг. среднегодовой сбор зерновых в Запорожье составлял 2,83 млн т. Учитывая, что в 2022–2023 гг. в области засеивалось около 1 млн га (менее 70 % от уровня 2010-х гг.), собранный урожай свидетельствует, что зерновой сегмент продолжал работать практически в обычном режиме. Сохранился и уровень урожайности (30–35 ц/га) (рис. 3). Хорошие показатели демонстрировал

³² Почти 2 млн тонн зерна собрали в Запорожской области [Электронный ресурс] // Смотрим : сайт. 2023. 26 сен. URL: <https://smotrim.ru/article/3569831> (дата обращения: 12.10.2023).

сектор технических сельхозкультур³³. Однако проблемы, связанные с утратой системы орошения, сказались и на агросекторе области. Производство овощей в 2023 г. составило около 170 тыс. т, что почти в 2 раза меньше среднегодового уровня 2010-х гг.³⁴ Без восстановления оросительной системы дефицит воды уже в ближайшие годы станет причиной заметных сдвигов линейки сельхозкультур, а возможно, и структуры землепользования, аналогичных тем, что будут происходить в Херсонской области.

В любом случае сельскохозяйственное производство СПП продемонстрировало в 2022–2023 гг. наибольшую степень адаптации к неблагоприятным факторам функционирования региональных экономик, включая вооруженный конфликт. Отчасти это объяснимо пространственными особенностями различных форм экономической деятельности. В настоящее время вся территория СПП находится в зоне потенциального огневого поражения Вооруженных сил Украины. В наиболее уязвимом положении оказываются «точечные» объекты (промышленные предприятия, мосты и транспортные развязки, ведущие элементы производственной инфраструктуры). Значительно больше возможностей для функционирования сохраняют «площадные» сферы хозяйственной деятельности, прежде всего сельхозпроизводство³⁵. Данная особенность аграрной сферы будет и дальше оказывать заметное влияние на общую социально-экономическую динамику СПП и структуру региональных экономик.

Обсуждение и заключение. К началу 2023 г., после масштабного оттока населения, связанного с вооруженным конфликтом и сменой государственной принадлежности областей СПП, произошла стабилизация их демографического потенциала, но линейка серьезных социодемографических проблем остается длинной: запустение десятков прифронтовых пунктов, деформация возрастной структуры населения (рост доли пожилых/старых), ощутимый дефицит трудовых ресурсов и др.

Ограниченный демографический потенциал уже в ближайшие годы может стать центральным препятствием на пути обоих регионов к устойчивому экономическому росту. Обе области в настоящее время представляют преимущественно сельские социумы без крупных городов, способных сыграть роль комплексных драйверов регионального развития. Особенно сложное положение у Херсонской области, административный центр которой – город с населением менее 20 тыс. чел. Данное обстоятельство не исключает возможности динамичного развития СПП, но требует обязательного и комплексного учета при определении обоеймы новых сфер специализации, адекватных современным условиям функционирования двух областей.

³³ Тихонова Т. Запорожская область осваивает российский рынок [Электронный ресурс] // Комсомольская правда : сайт. 2023. 13 окт. URL: <https://www.zap.kp.ru/daily/27568.5/4836954/> (дата обращения: 12.10.2023).

³⁴ Впрочем, анализ динамики овощеводческого сектора области обнаруживает устойчивое сокращение объемов производства уже с середины 2010-х гг. Урожайи 2022–2023 гг. продолжили данный тренд. И в новых условиях функционирования регионального агропрома он с большой вероятностью сохранится и в будущем.

³⁵ Показательно, что в группе районов Херсонской области с максимальной урожайностью зерновых в 2023 г. были приднепровские (т. е. фактически прифронтовые) Великопетитихский и Каховский районы. См.: Купорова О. Впервые Херсонская область стала участником выставки «Золотая осень – 2023» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда : сайт. 2023. 9 окт. URL: <https://www.herson.kp.ru/daily/27565.5/4834825/> (дата обращения: 12.10.2023).

В их экономической динамике в 2022–2023 гг. в первую очередь реализовался аграрный потенциал, как самый близкий к природной основе хозяйственной деятельности, связанный с земельными ресурсами, ландшафтными и агроклиматическими особенностями территории. В случае затягивания конфликта или реализации варианта его неустойчивой «заморозки» можно ожидать дальнейшее углубление сельскохозяйственной специализации СПП. Причем конкретные векторы развития аграрной сферы будут во многом задаваться состоянием региональной оросительной системы, без восстановления которой сельское хозяйство СПП ожидает структурное смещение к более экстенсивным формам землепользования.

Наличие четко фиксируемой базовой ниши экономической специализации (сельхозпроизводство с преимущественной опорой на зерновой сектор и связанные с ним сегменты промышленности) не отменяет необходимости ее поступательной оптимизации с целью более эффективного использования имеющихся земельных и природно-ландшафтных ресурсов, расширения масштабов межрегиональной и международной торговли.

Установление устойчивого перемирия существенно расширит возможности федерального центра и региональных властей по восстановлению и развитию в СПП других значимых сфер экономической деятельности (в том числе индустрии, строительства, туризма и рекреации). Можно будет приступить к избирательной реанимации промышленного потенциала приднепровских центров Херсонской области; электроэнергетики Энергодара в Запорожской области. От темпов возвращения в строй местных АЭС и ТЭС в значительной степени зависит динамика и отраслевая структура индустриального комплекса всего СПП и южного Донбасса. Но и в случае полного восстановления электроэнергетики промышленность обеих областей ждет глубокая структурная трансформация, учитывающая наличные трудовые ресурсы, новую логистику и возможности транспортной системы, изменения производственных цепочек и т. п.

Способна стать самостоятельным фактором положительной экономической динамики СПП и сфера транспортно-логистической деятельности, что предполагает модернизацию старых и строительство новых магистралей, комплексную реанимацию портового хозяйства, укрепление позиций СПП в качестве сухопутного коридора из «большой» России в Крым.

Известным потенциалом развития обладает туристско-рекреационный комплекс, преимущественно переориентированный на отдыхающих из новых территорий России. Активизации хозяйственной жизни СПП будет способствовать приоритетное внимание федеральной власти к проблемам социально-экономического развития новых территорий и комплексная помощь десятков российских регионов-шефов.

Самостоятельным фактором социально-экономической динамики способна стать административно-территориальная реформа СПП. С большой вероятностью современный территориальный формат двух областей не является окончательным. Если не произойдет их восстановления до административных контуров, включающих основные демографические и экономические центры

(Херсон и Запорожье), актуализируется задача создания в СПП более крупного и социоэкономически «состоятельного» региона. Среди возможных вариантов – объединение двух областей (с центром в Мелитополе) или создание еще более обширного региона, включающего южные районы Донецкой области. Административным центром такого территориального образования может стать Мариуполь. Системные преимущества данного варианта – более значительный демографический (1,1–1,3 млн чел.) и экономический (в том числе промышленный) потенциал; наличие крупного центра, способного стать локомотивом развития всего СПП; возможность развивать в рамках одного региона всю приморскую зону северного Приазовья.

Итак, анализ социально-экономических процессов последних двух лет позволяет утверждать, что при любом варианте динамики СВО возврат к существовавшей до 2022 г. структуре региональных экономик СПП невозможен. Уничтожена заметная часть промышленной инфраструктуры, остановлена деятельность значительного числа предприятий, распалось или существенно сократилось в размерах большинство трудовых коллективов; разорваны в своей массе производственные и транспортно-логистические цепочки, сложившиеся в предыдущий период развития региональных экономик. Каким бы ни оказался в итоге пространственный формат двух областей СПП, перед ними будет стоять задача комплексной интеграции в жизнедеятельные циклы российской экономики, поступательный многосоставной процесс «нащупывания» новых хозяйственных ниш и своего места в межрегиональном разделении труда.

Анализ принимаемых управленческих решений и планирующих документов убеждает в том, что федеральный центр и региональные власти в своей работе по комплексной интеграции новых территорий в жизнедеятельные циклы российской социохозяйственной системы нуждаются в более плотном взаимодействии с научным сообществом. Автор выражает надежду, что данная статья позволит активизировать исследовательскую работу по выявлению наиболее социодемографически и экономически оптимальных/эффективных направлений развития регионов СПП, а результаты этих исследований будут востребованы управленческими структурами разных уровней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохин К. В. Россия и Запад. Военно-политический конфликт 2022 года // Свободная мысль. 2022. № 2. С. 24–33. URL: <http://svom.info/entry/1197-rossiya-i-zapad-voenno-politicheskij-konflikt-2022/> (дата обращения: 12.10.2023).
2. Дружинин А. Г. Новые субъекты Российской Федерации: специфика, тренды, потенциал развития // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 62–74. URL: <http://nmkav.ru/ru/archive/2022/4/novye-sub-ekty-rossijskoj-federatsii-spetsifika-trendy-potentsial-razvitiya> (дата обращения: 12.10.2023).
3. Орлов С. Л., Строев П. В. О некоторых особенностях вхождения в национальное пространство России и об экономическом потенциале новых территориальных образований // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 39–43. URL: <https://www.vestnykeps.ru/0422/7.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).
4. Белик Е. В. Развитие курортных зон приморских территорий Запорожской области, как вариант оптимизации территориальной структуры региона // Ученые записки Таврического национального университета. Сер.: География. 2011. Т. 24 (63), № 2-2. С. 296–299. EDN: UNXJUJ

5. Василевська Я. В. Туристсько-рекреаційні ресурси Херсонської області: суспільно-географічні особливості // Часопис соціально-економічної географії. 2013. Т. 15, № 2. С. 153–156. URL: <https://periodicals.karazin.ua/socecongeo/article/view/6497> (дата обращения: 12.10.2023).
6. Василевська Я. В. Природно-заповідний фонд Херсонської області як об'єкт рекреаційного природокористування // Часопис соціально-економічної географії. 2012. Т. 13, № 2. С. 234–239. URL: <https://periodicals.karazin.ua/socecongeo/issue/view/477/542> (дата обращения: 12.10.2023).
7. Молодецкий А. Е., Пышная А. А. Бальнеологические, бальнеогрязевые и климатические рекреационные ресурсы северо-западного Причерноморья в курортной функции региона // Вісник Одеського національного університету. Сер.: Географічні та геологічні науки. 2014. Т. 19, № 4 (23). С. 167–175. [https://doi.org/10.18524/2303-9914.2014.4\(23\).39360](https://doi.org/10.18524/2303-9914.2014.4(23).39360)
8. Немец Л. Н., Василевская Я. В., Сегида К. Ю. Заповедные территории Херсонской области Украины: структура, территориальные различия, проблемы и перспективы // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 31–42. URL: <https://prj-pggu.narod.ru/prj-22-03.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).
9. Олененко А. «Новое наше море – новое наше горе»: Конфликт между украинским и советским в борьбе за конструирование ландшафта Нижнего Поднепровья // Ab Imperio. 2019. Вып. 1. С. 125–152. <https://doi.org/10.1353/imp.2019.0008>
10. Нелипа К. Г. Анализ современной демографической ситуации Запорожской области // Теоретические и практические проблемы развития современной науки : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (26 января 2015 г.). Махачкала, 2015. С. 96–97.
11. Шевцов А. Л. Современное состояние и проблемы государственного регулирования миграционных процессов в Украине // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 273–279. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-gosudarstvennogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsesov-v-ukraine> (дата обращения: 12.10.2023).
12. Яворская В. В. Загальна динаміка регіональних геодемографічних процесів в Україні // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія «Геологія – географія – екологія». 2013. Т. 39, № 1084. С. 201–205. URL: <https://periodicals.karazin.ua/geoco/article/view/7585> (дата обращения: 12.10.2023).

REFERENCES

1. Blokhin K.V. Russia and the West. Military-Political Conflict in 2022. Changing the Rules of the Game. *Svobodnaya mysl*. 2022;(2):24–33 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://svom.info/entry/1197-rossiya-i-zapad-voenno-politicheskij-konflikt-2022/> (accessed 12.10.2023).
2. Druzhinin A.G. The New Subjects of the Russian Federation: Specifics, Trends, Development Potential. *Scientific Thought of Caucasus*. 2022;(4):62–74. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://nmkav.ru/ru/archive/2022/4/novye-sub-ekty-rossijskoj-federatsii-spetsifika-trendy-potentsial-razvitiya> (accessed 12.10.2023).
3. Orlov S.L., Stroeв P.V. About Some Features of Entering the National Space of Russia and About the Economic Potential of New Territorial Formations. *The Review of Economy, Law and Sociology*. 2022;(4):39–43. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.vestnykeps.ru/0422/7.pdf> (accessed 12.10.2023).
4. Belik E.V. [Development of Resort Areas of Seaside Territories of the Zaporozhye Region, as a Variant of Optimization of the Territorial Structure of the Region]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta. Ser.: Geografiya*. 2011;24(2-2):296–299. (In Russ.) EDN: UNXJUJ
5. Vasilevskaya Ya.V. Tourist and Recreational Resources of Kherson Region: Socio-Geographical Features. *Human Geography Journal*. 2013;15(2):153–156. (In Ukrainian) Available at: <https://periodicals.karazin.ua/socecongeo/article/view/6497> (accessed 12.10.2023).
6. Vasilevskaya Ya.V. Nature Preserves of the Kherson Region as an Object Recreational Nature Management. *Human Geography Journal*. 2012;13(2):234–239. (In Ukrainian) Available at: <https://periodicals.karazin.ua/socecongeo/issue/view/477/542> (accessed 12.10.2023).
7. Molodetsky A.E., Pyshnaya A.A. Balneologic, Balneomud and Climatic Recreational Resources North-Western Black Sea Coast in Resort Function of Region. *Odesa National University Herald. Geography and Geology*. 2014;19(4):167–175. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.18524/2303-9914.2014.4\(23\).39360](https://doi.org/10.18524/2303-9914.2014.4(23).39360)
8. Nemets L.N., Vasilevskaya Ya.V., Segida K.Yu. Protected Areas of the Kherson Region in Ukraine: Structure, Territorial Differences, Problems and Prospects. *Pskov Journal of Regional Studies*.

2015;(22):31–42 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://prj-pgpu.narod.ru/prj-22-03.pdf> (accessed 12.10.2023).

9. Olenenko A. “Our New Sea Is Our New Sorrow”: The Conflict between the Ukrainian and the Soviet in the Struggle for the Design of the Lower Dnieper’s Landscape. *Ab Imperio*. 2019;(1):125–152. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.1353/imp.2019.0008>

10. Nelipa K.G. [Analysis of the Current Demographic Situation of the Zaporozhye Region]. In: [Theoretical and Practical Problems of Modern Science]. Makhachkala; 2015. p. 96–97 (In Russ.)

11. Shevtsov A.L. Modern Condition and Problems of State Regulation of Migration Processes in Ukraine. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*. 2013;(3):273–279. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-gosudarstvennogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsessov-v-ukraine> (accessed 12.10.2023).

12. Yavorskaya V.V. Total Dynamics of Regional Geodemographic Processes in Ukraine. *Visnyk of V. N. Karazin Kharkiv National University, Series “Geology. Geography. Ecology”*. 2013;39(1084):201–205. (In Ukrainian) Available at: <https://periodicals.karazin.ua/geoeco/article/view/7585> (accessed 12.10.2023).

Об авторе:

Суцкий Сергей Яковлевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр Российской академии наук (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, д. 41), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>, Scopus ID: 56584550300, SS7707@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 28.10.2023; поступила после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.

About the author:

Sergey Ya. Suschiy, Dr.Sci. (Philos.), Chief Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>, Scopus ID: 56584550300, SS7707@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 28.10.2023; revised 29.02.2024; accepted 12.03.2024.

Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана)

И. В. Киреева

Е. С. Куква ✉

С. А. Ляшьева

З. А. Жаде

Н. А. Ильинова

*Адыгейский государственный университет
(г. Майкоп, Российская Федерация)
✉ otvs_priem@mail.ru*

Аннотация

Введение. Риски дестабилизации этнополитической, этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе, активно протекающие миграционные процессы, а также традиционные для данного макрорегиона социально-экономические проблемы и вопросы межэтнических отношений актуализируют государственную политику идентичности на уровне регионов и страны в целом. Одним из механизмов укрепления российской национальной идентичности является брендинг регионов. Цель исследования – проанализировать представления об уникальности региона, ценности, уровни идентичности населения Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана, найти общие для регионов смыслы и ценности, которые, отражаясь в брендах, включаются в государственную политику идентичности, укрепляя ее национальный уровень.

Материалы и методы. Эмпирические материалы включают в себя количественные данные массового опроса, проведенного в октябре – ноябре 2023 г. в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Дагестане и качественные (нестандартизированные интервью с экспертами). Методологический дизайн исследования построен на использовании междисциплинарного подхода и сравнительного анализа кейсов трех регионов, что позволило, опираясь на принцип триангуляции, выявить общее и особенное в определении потенциала брендинга для укрепления российской национальной идентичности.

Результаты исследования. Выявлены особенности и ключевые характеристики исследуемых регионов. Установлено, что целостного сложившегося бренда региона в них нет, однако очевидны источники его формирования – это представления жителей об уникальности региона

© Киреева И. В., Куква Е. С., Ляшьева С. А., Жаде З. А., Ильинова Н. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и маркеры, по которым жители идентифицируют себя с ним. В Адыгее и Кабардино-Балкарии – это высокий уровень комфорта при сохранении этнических традиций, в Дагестане – значимая роль религии и этнических традиций, активная ориентация жителей на предпринимательскую деятельность.

Обсуждение и заключение. Региональная идентичность формируется вокруг уникальных объединительных черт – ценность сохранения этнических традиций и добрососедских отношений, отсутствие межнациональных конфликтов, общие для трех регионов идентификационные маркеры (отношение к родной земле, природе, территории, ценность культурных традиций, языка). Опора на эти ценности в процессе брендинга регионов обеспечивает связь с национальной идентичностью через общие для всех регионов смыслы и ценности. Полученные результаты могут представлять интерес для региональных органов власти, способствовать включению задач по брендингу регионов в политику укрепления национальной идентичности.

Ключевые слова: брендинг регионов, бренд региона, российская национальная идентичность, региональная идентичность, Адыгея, Кабардино-Балкария, Дагестан

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья выполнена при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Российской академии наук в рамках государственного задания Адыгейского государственного университета по проекту FZFE 2023-004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

Для цитирования: Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана) / И. В. Киреева [и др.] // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 2. С. 368–387. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.368-387>

The Potential of Regional Branding in Strengthening Russian National Identity (Cases of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan)

I. V. Kireeva, E. S. Kukva ✉, S. A. Lyausheva, Z. A. Zhade, N. A. Ilyinova
Adyge State University (Maykop, Russian Federation)
✉ otvs_priem@mail.ru

Abstract

Introduction. The risks of destabilization of the ethno-political and ethno-confessional situation in the North Caucasus, active migration processes, as well as traditional for this macro-region socio-economic problems and issues of inter-ethnic relations actualize the state policy of identity at the level of regions and the country as a whole. One of the mechanisms for strengthening the Russian national identity is regional branding. The purpose of the study is to analyze the perceptions of the region's uniqueness, values, levels of identity of the population of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan, to find common meanings and values for the regions, which, reflected in brands, are included in the state identity policy, strengthening its national level.

Materials and Methods. Empirical materials include quantitative data from a mass survey conducted in October-November 2023 in Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan, and qualitative (non-standardized interviews with experts). The methodological design is based on the use of an interdisciplinary approach and comparative analysis of cases from the three regions. This allowed us to identify common and special features in determining the potential of branding to strengthen the Russian national identity, based on the principle of triangulation.

Results. The peculiarities and key characteristics of the regions under study have been identified. It was found that there is no integral established brand of the region in them, but the sources of its formation are obvious - the residents' perceptions of the uniqueness of the region and the markers by which the residents identify themselves with it. In Adygea and Kabardino-Balkaria it is a high level of comfort with the preservation of ethnic traditions, in Dagestan it is the significant role of religion and ethnic traditions, active orientation of residents to entrepreneurial activity.

Discussions and Conclusions. Regional identity is formed around unique unifying features – the value of preserving ethnic traditions and good-neighborly relations, the absence of interethnic conflicts, identification markers common to the three regions (attitude to the native land, nature, territory, the value of

cultural traditions, language). The reliance on these values in the process of branding the regions provides a link to national identity through the meanings and values common to all regions. The obtained results may be of interest to regional authorities and contribute to the inclusion of regional branding tasks in the policy of strengthening national identity.

Keywords: regional branding, regional brand, Russian national identity, regional identity, Adygea, Kabardino-Balkaria, Dagestan

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was financially supported by the Expert Institute for Social Research, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences under the state assignment of Adyghe State University according to the project FZFE 2023-004 "The potential of regional branding in strengthening Russian national identity: traditions and innovations".

For citation: Kireeva I.V., Kukva E.S., Lyausheva S.A., Zhade Z.A., Ilyinova N.A. The Potential of Regional Branding in Strengthening Russian National Identity (Cases of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):368–387. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.368-387>

Введение. Северный Кавказ рассматривается нами как уникальное макро-региональное пространство. Современные исследования фиксируют необходимость корректировки сценариев развития региона, так как их реализация связана с «высоким уровнем неопределенности в целом, с существующей опасностью дестабилизации этнополитической, этноконфессиональной ситуации» [1, с. 453], с притоком мигрантов, в том числе из новых регионов России. Эти процессы, наряду с традиционными для данного макрорегиона проблемами (социально-экономическими, а также вопросами межэтнических отношений), воздействуют на национальное (на уровне нации) самосознание. В этой связи актуализируется государственная политика идентичности: как на уровне регионов, так и страны в целом.

Выбор исследуемых регионов обусловлен стремлением представить широкое географическое пространство Северного Кавказа, а также тем, что в последнее время они демонстрируют высокую активность в области развития туризма и поиска уникального бренда региона. Мы исходим из предположения, что брендинг исследуемых регионов будет иметь как общие черты, так и свои особенности. Мы рассматриваем брендинг регионов как длительный процесс по активизации региональной и российской национальной идентичности, использующий новые технологии создания и продвижения позитивных образов территории.

Для настоящего исследования мы остановились на следующем понимании ключевых терминов. Бренд региона – идея, формируемая совместно населением и властью региона, отражающая его уникальность, зависящая от представлений жителей рассматриваемой территории о ее будущем развитии, от чувства гордости за нее и нацеленная на формирование и укрепление региональной идентичности. В работе мы сознательно разделяем понятия «бренд региона» и «региональный бренд». Региональный бренд – это устойчиво ассоциирующиеся с регионом и обладающие высокой степенью привлекательности и известности конкретные объекты, события или люди. Это материальные активы, которые участвуют в брендинге регионов – процессе формирования и продвижения бренда региона,

конвертируясь в имидж, коммуникацию, впечатления, престиж и другие нематериальные активы, частью которого является брендинг как конкретные рекламные и маркетинговые технологии визуализации атрибутов бренда.

Бренд региона – феномен, который конструируется, опираясь на реальные образы-идеи, поддерживаемые большинством жителей региона. Это связано с идентичностью, т. е. осознанием как на индивидуальном, так и на групповом уровнях принадлежности к этническому, религиозному, региональному, локальному сообществу, нации и другим общностям.

В то же время, рассматривая бренд региона как инструмент укрепления российской национальной идентичности, мы считаем возможным расширить его функциональную значимость. Классик в области брендинга Ф. Котлер выделяет сигнификацию как функцию бренда, обеспечивающую возможность идентификации с теми или иными объектами при распознавании их среди других¹. Его коллега К. Келлер добавляет, что при этом не нужно опасаться точек соприкосновения с брендами-конкурентами, за счет которых преимущество других брендов можно нейтрализовать, в то же время используя различия для того, чтобы сделать собственный бренд уникальным².

Говоря о бренде региона как инструменте укрепления российской национальной идентичности, мы выходим на более глубинные механизмы, связанные с ценностями, смыслами, символами, направленными на поиск общего, сближение, консолидацию в масштабах страны. Формирование и продвижение бренда региона именно на таком содержании способно укрепить российскую национальную идентичность. При данном подходе брендинг рассматривается как механизм поддержания гражданского согласия, интегрирующий в общенациональный контекст природные, культурные, персональные, инновационные инфраструктурные атрибуты региона.

Цель исследования – эмпирически выявить специфику оснований конструирования брендов Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана, основываясь на структуре идентичности, представлениях об уникальности региона и ключевых маркерах региональной идентичности, а также найти общие для регионов смыслы и ценности, которые, отражаясь в брендах, сбалансированно и органично включаются в государственную политику идентичности, укрепляя ее национальный уровень.

Обзор литературы. Современные российские исследования брендинга как механизма укрепления региональной и национальной идентичности развиваются, главным образом, в рамках социологии культуры (с опорой на методологию Л. М. Дробизевой [2] и В. А. Тишкова³) и региональной социологии (работы В. А. Авксентьева [1; 3] и О. В. Аксеновой [4]).

В современной зарубежной науке проблема брендинга территорий имеет, в первую очередь, практическую направленность, нацеленную на развитие экономики и бизнеса, в том числе в области туризма. Понятие «territorial (regional) brands» («территориальные (региональные) бренды») раскрывает

¹ Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / пер. с англ.; под ред. С. Г. Божук. СПб. : Питер, 2006. 464 с.

² Keller K. The Brand Report Card // Harvard Business Review. 2000. Vol. Jan.–Feb. Pp. 147–157.

³ Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М. : ИЭА РАН, 2023. 69 с.

возможности той или иной территории создавать и продвигать продукты, которые являются не только собственностью конкретных предприятий, а носят коллективный характер, затрагивают интересы различных акторов. Этому посвящены исследования С. Картерса, Н. Шпильман [5] и Э. Берхам [6]. Раскрывая характеристики тех или иных региональных брендов, У. Орт с соавторами обращает внимание на значимый эффект, который они оказывают не только на развитие бизнеса, туризма, но и на другие сферы, делают регион привлекательным, узнаваемым [7].

Как фактор создания, продвижения бренда идентичность исследуется в работах классиков маркетинга территорий, брендинга⁴.

Исходя из понимания взаимосвязи брендов территорий и теорий регионального развития, ученые ведут дискуссии на междисциплинарном уровне не только вокруг того, как эти бренды приносят инвестиции, но и как влияют на процессы в политике, социальной сфере, культуре⁵ [8]. Концепция брендинга территории не концентрируется только на самом бренде, а мыслится шире – как «процесс управления репутацией и имиджем места», на чем настаивают Дж. Алмейда и Л. Кордоза [9].

Не менее активно предпринимаются попытки разработать классификацию брендов региона, например, фиксируя наличие «superior place branding» («превосходный брендинг мест») и «inferior place branding» («плохой брендинг мест») [10], «place brand identity» («идентичность бренда мест»), в том числе формируемую в социальных медиа [11; 12].

В российской науке устоялось понимание того, что «...имидж страны складывается из имиджа ее больших и малых регионов»⁶. Большую роль в понимании взаимосвязи брендинга и идентичности сыграли прикладные исследования, в том числе работы Д. В. Визгалова⁷.

В настоящее время исследовательский фокус активно направлен на изучение территориальной (региональной) идентичности, которая рассматривается с точки зрения ее мобилизационного потенциала [13].

Брендинг территорий как процесс управления изучается в политологическом аспекте. Территориальную идентичность И. С. Семененко определяет как «укорененность в системе самоидентификаций человека, особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории»⁸. Группой ученых Адыгейского государственного университета осуществляется анализ ресурсов региональной политики идентичности для развития позитивного взаи-

⁴ Aaker D. A. *Building Strong Brands*. New York : Free Press, 1996. 380 p.; Anholt S. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. New York, 2007. 134 p.; Dinnie K. *Introduction to the Theory of City Branding* // *City Branding: Theory and Cases*. New York, 2011. 239 p.; Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер [и др.]. СПб., 2005. 376 с.

⁵ Hankinson G. *Rethinking the Place Branding Construct* // *Rethinking Place Branding: Comprehensive Brand Development for Cities and Regions*. Cham : Springer International Publishing, 2014. Pp. 13–31.

⁶ Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / И. А. Василенко [и др.]; 2-е изд., доп. и перераб. М. : Экономика, 2012. С. 93.

⁷ Визгалов Д. *Брендинг города*. М. : Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.

⁸ Семененко И. С. *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание. М. : Весь Мир, 2017. 992 с.

модействия российской национальной, региональной, этнической идентичностей в поликультурных регионах⁹. Очевиден также рост исследований в области этнокультурных аспектов брендинга исследуемых регионов [14–16].

Можно говорить о двух подходах к анализу современных исследований на стыке идентичности и брендинга. В рамках первого Э. А. Митина с соавторами рассматривает идентичность как инструмент брендинга территорий [17], а с позиции второго – М. В. Назукина и Е. Ю. Тарасова исследуют бренд как инструмент формирования территориальной идентичности [18]. В контексте нашего исследования понятия «регион» и «территория» рассматриваются как тождественные.

В решении данной дилеммы для нашего исследования мы определили позицию, что бренд региона на первом этапе формируется на основе маркеров региональной идентичности, далее представители региональной власти осуществляют деятельность по оформлению и продвижению идей вовне. Политическая и символическая элиты конструируют конкурентоспособный бренд региона, являющийся концентрированным выражением региональной идентичности, а далее сильный бренд участвует в укреплении идентичности.

Материалы и методы. Эмпирические материалы включают в себя количественные данные массового опроса, проведенного в октябре – ноябре 2023 г. в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике и Республике Дагестан, и качественные (нестандартизированные интервью с экспертами, $n = 17$). Выборка квотная, с контролем несвязанных признаков пола, возраста и типа поселения (город – село): $n = 464$ в Адыгее, $n = 455$ в Кабардино-Балкарии, $n = 502$ в Дагестане. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. В целях уточнения и углубления информации проводился экспертный опрос «исследователей» (представители академического сообщества) и «практиков» (деятели региональной власти из сферы цифрового развития, туризма, экономики). При реализации исследования использовался принцип триангуляции.

Эмпирический материал систематизирован в виде трех кейсов, раскрывающих особенности развития регионов, представления жителей об их уникальности, а также структуру идентичности населения регионов на основе данных, полученных в ходе массового опроса. Сравнение кейсов позволит определить общие основания конструирования брендов регионов в контексте региональной политики идентичности на Северном Кавказе, в том числе с учетом мнения экспертов. Ряд ученых делает акцент на исследовательском и аналитическом этапах брендинга региона, предполагающих «комплекс количественных и качественных исследований общественного и экспертного мнения, суммирует результаты по выявлению идентичности территории»¹⁰. Проведенный анализ позволит выявить потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности.

⁹ Политика идентичности: региональные практики и векторы развития / З.А. Жаде [и др.]. Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2022. 132 с.

¹⁰ Котлер Ф. Маркетинг менеджмент... С. 210.

Методологический дизайн исследования построен на использовании сравнительного анализа и междисциплинарного подхода. Анализ образа будущего регионов, новых возможностей регионального брендинга для формирования и укрепления национальной идентичности осуществлялся в рамках теории социального конструктивизма. На основе концепции многоуровневой идентичности, построенной ранее авторским коллективом, установлено нелинейное взаимодействие этнокультурной, региональной и национальной форм идентичности¹¹.

Результаты исследования. *Кейс Республики Адыгея.* Республика Адыгея – субъект Российской Федерации, входящий в Южный федеральный округ. По данным Росстата, население региона насчитывает 497 985 чел. Этническая структура населения Адыгеи представлена русскими (58 %), адыгами (25 %) и иными (более 100) национальностями. При этом регион характеризуется социокультурным разнообразием, стабильной политической ситуацией и спокойным характером межэтнических отношений. В настоящее время Адыгея – аграрно-индустриальный регион, обладающий большим потенциалом для развития туризма. В 2023 г. республика вошла в топ-3 лидеров по экологическому благополучию; в топ-5 направлений приключенческого туризма; в топ-10 самых красивых мест для осеннего отдыха; в топ-10 регионов с качественными дорогами; в топ-10 регионов по реализации федерального проекта «Формирование современной городской среды»; в топ-50 регионов по привлекательности развития и инвестиций в санаторно-курортную отрасль. Такие позиции в общенациональных рейтингах очевидным образом включают брендинговую политику в число ресурсов, необходимых для устойчивого развития региона.

Представления об уникальности. По мнению 48,9 % респондентов, уникальность Адыгеи состоит в особых условиях комфортного проживания, сохранении этнических традиций (42,7 %), отсутствии межнациональных конфликтов и добрососедских отношениях (31,3 %). Выделены такие позиции, как дружелюбие и открытость людей (29,7 %), развитие туризма (27,2), безопасность жителей (26,5), стремление к сохранению уникальной природы (23,1), здоровый образ жизни и развитие спорта (20,7 %).

Будущее своей республики респонденты связывают, в первую очередь, с комфортностью проживания (35,4 %). Адыгею как центр туризма с сильной экономикой, привлечением инвестиций и притоком туристов, работников из других регионов и стран видят 28,1 % респондентов.

В образ республики, ее узнаваемость включены различные региональные бренды. В таблице 1 представлены топ-10 региональных брендов, которые в наибольшей степени отражают уникальный образ республики.

Респондентам также был задан открытый вопрос «О чем Вы прежде всего вспоминаете, когда думаете о Вашей республике?». Самые популярные ответы: природа, горы, Лагонаки, туризм, культура и традиции, сыр адыгейский.

¹¹ Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления : коллектив. моногр. / под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. М. : РФО ; Майкоп : Изд-во АГУ, 2015. 192 с.

Т а б л и ц а 1. Региональные бренды Адыгеи, %¹²
 Table 1. Regional brands of Adygea, %

Бренд / Brand	Доля / share
Сыр адыгейский / Adygea cheese	81,0
Плато Лагонаки / Lagonaki Plateau	75,8
Ансамбль народного танца Адыгеи «Нальмэс» / National Dance Ensemble of Adygea "Nalmes"	71,3
Адыгейская соль / Adygea salt	70,4
Фестиваль адыгейского сыра / The Festival of Adygea cheese	68,0
Адыгейский государственный университет / Adygea State University	63,0
Национальный музей Республики Адыгея / National Museum of the Republic of Adygea	58,0
Майкопская вода / Maikopskaya water	56,0
Исхак Машбаш / Ishaq Mashbash	56,0
Пивоваренный завод «Майкопский» / Maikopskiy Beerhouse	52,1

По мнению экспертов, каждый регион должен быть предметом для гордости, у каждого должно быть что-то выдающееся, но, в любом случае, каждый регион должен понимать, чем он очень выгодно отличается от всех остальных, и ассоциировать себя с этим. Жители Адыгеи гордятся, в первую очередь, природой, ее красотой, людьми. Регион видят развивающимся и процветающим, отмечают хорошую инфраструктуру, конкретно г. Майкоп, такие позитивные качества, как дружелюбие, открытость, воспитанность людей. Важное место отводится культуре, прежде всего гордятся традициями (гостеприимства, уважения к старшим, этическим кодексом адыгэ хабзэ).

Идентификационные процессы. В контексте исследования потенциала брендинга важно выявить специфику идентификационных процессов в регионе. В структуре идентичности жителей Адыгеи чаще всего проявляются этнический (65,1 %), поколенческий (63,3), профессиональный (57,9), религиозный (56,6) и локальный (50,6 %) уровни. Эти идентичности находятся в актуализированном состоянии: человек демонстрирует их в процессе повседневных социальных практик. К «ситуативным» уровням идентичности, которые человек демонстрирует в зависимости от проявления тех или иных контекстов и дискурсов, как показывает опрос, относятся российская национальная, кавказская, политическая и региональная идентичности.

Было обнаружено, что маркер «родная земля, территория, природа» занимает приоритетную позицию как при идентификации с гражданами страны (выбрали 80,6 % респондентов), так и с гражданами своей республики (81,4 %). Большинство опрошенных в качестве максимально консолидирующего маркера на уровне России (82,1 %) и региона (73,4 %) отмечают «русский язык». Определяя свою российскую национальную идентичность, жители Адыгеи в качестве консолидирующих маркеров отмечают культуру, обычаи, праздники (76,5 %)

¹² Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам проведенного исследования.

и историческое прошлое (73,4 %). Для респондентов также важны общие государственные символы (71,8 %), ответственность за судьбу страны (71,2), общие государственные цели (69,2 %).

Объединяющими параметрами региональной идентичности респонденты также назвали праздники (77,0 %), ответственность за судьбу своей республики (73,3), общую историческую судьбу (71,1), общий характер, менталитет (66,5), общие проблемы региона (73,4) и общую религию (56,7 %).

Одним из косвенных индикаторов российской национальной идентичности является выбор идеи, которая может объединить россиян, сплотить их во имя общей цели. Опрос экспертов-исследователей показал, что нарастающие внешние и внутренние риски, с которыми сталкивается наша страна, «способствуют ускорению или может даже где-то искусственно акселерированному, но все-таки неизбежному вызреванию национальной идеи, вокруг которой мы должны сплотиться». Необходима «даже не просто идея, а некая идеология, которая выводит нас на понимание страны как чего-то единого, сплоченного, которая способна в перспективе преодолеть разрывы дискурсов».

Опрос жителей Адыгеи показал отсутствие преобладания какой-либо одной идеи: 17,0 % респондентов выбрали идею личного благополучия каждого гражданина; 15,3 – развития собственного региона с целью благополучия всей страны; 14,7 – идею справедливости и равенства всех; 12,5 % – объединение народов с целью развития экономики и решения глобальных проблем безопасности. Эксперты-практики (представители органов власти республики) делают акцент на справедливости и уважении к человеку.

Обобщая данные массового и экспертного опросов и отвечая на основной вопрос нашего исследования, отметим, что целостного сложившегося бренда Республики Адыгея еще нет. Однако абсолютно очевидны источники его формирования – это те представления жителей об уникальности региона и маркеры, по которым жители идентифицируют себя с республикой. Среди них – высокий уровень комфорта при сохранении этнических традиций.

Кейс Кабардино-Балкарской Республики. Кабардино-Балкария расположена на северных склонах центральной части Большого Кавказа. Население республики составляет 903 300 чел.¹³ В регионе кабардинцы, русские и балкарцы составляют более 90 % населения. В сфере экономики развиваются производство продуктов питания, строительных материалов, туризм, курортная индустрия, машиностроение.

Респонденты наиболее остро ощущают невысокий уровень жизни и дохода населения (61,3 %). Подтверждают эту оценку и данные агентства «РИА Рейтинг»: по среднедушевым доходам населения за II квартал 2023 г. Кабардино-Балкария находится на 73-м месте из 85¹⁴. В число проблем входят следующие: влияние родственных связей, кланов на экономику и политику (41,1 %), отсутствие перспектив для молодежи (48,7), безработица (35,3), коррупция, бюрократизм (29,7 %).

¹³ Кабардино-Балкария в цифрах (2023): краткий статистический сборник [Электронный ресурс]. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/3959> (дата обращения: 03.01.2024).

¹⁴ Рейтинг регионов по доходам населения – 2023 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг : сайт. 2023. 16 окт. URL: <https://riarating.ru/infografika/20231016/630251260.html?ysclid=lr315m9u69680972137> (дата обращения: 30.12.2023).

Представления об уникальности. По мнению респондентов Кабардино-Балкарии, в большей степени отличают республику от других регионов следующие характеристики: комфортная для проживания территория (48,4 %); сохранение этнических традиций (47,2); дружелюбие и открытость людей (35,5); развитие туризма (28,1); отсутствие межнациональных конфликтов и добрососедские отношения (25,3 %).

Общественное мнение по поводу образа республики в будущем разделилось на тех, кто видит Кабардино-Балкарию как комфортный, экологичный регион (33,5 %), центр туризма, экономически развитый (30,3), безопасный (18,7), и регион, где сохраняются этнические традиции (11,6 %).

По данным Роспатента на ноябрь 2023 г., в Кабардино-Балкарии зарегистрировано всего 2 бренда – минеральная вода «Хабаз» и «Малка»¹⁵. Однако в регионе развиваются и другие бренды. В таблице 2 представлены топ-10 региональных брендов Кабардино-Балкарии, которые, по мнению респондентов, отражают уникальный образ республики.

Т а б л и ц а 2. Региональные бренды Кабардино-Балкарии, %

Table 2. Regional brands of Kabardino-Balkaria, %

Бренд / Brand	Доля / Share
Эльбрус / Elbrus	88,1
Голубые озера / Blue Lakes	79,4
Долина нарзанов / Narzan Valley	74,5
Верхняя Балкария / Upper Balkaria	74,3
Балкарские хычины / Balkarian Nychins	73,3
Джилы-Су / Jilly-Su	72,1
Чегет / Cheget	71,5
Чегемское ущелье / Chegem Gorge	70,7
Кайсын Кулиев / Kaisyn Kuliyeв	68,9
Ресторан «Сосруко» / Sosruko Restaurant	58,2

Эльбрус, Голубые озера, Чегемское ущелье, хычины также стали лидерами в списке брендов-победителей конкурса «Топ-1000 культурных и туристических брендов России»¹⁶.

На открытый вопрос «О чем вы прежде всего вспоминаете, когда думаете о вашей республике?» чаще всего фиксировались следующие ответы: природа (горы, Эльбрус), дом, семья, родные, вкусная еда, хычины, традиции и обычаи, а также дружелюбие. Респонденты испытывают чувство гордости природой, историей, культурой, миром и спокойствием в республике, человечностью, дружелюбием жителей Кабардино-Балкарии.

¹⁵ Роспатент. Субъекты Российской Федерации, для региональных товаров которых зарегистрированы географические указания (ГУ) и наименования мест происхождения товаров (НМПТ) [Электронный ресурс] // Роспатент : сайт. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/sources/regional-brands/regional-brands-map> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁶ Список победителей конкурса «Топ-1000 культурных и туристических брендов России» [Электронный ресурс]. URL: https://livingheritage.ru/files/Список_победителей_конкурса_ТОП_1000.pdf?ysclid=lr4pu2essu738851300 (дата обращения: 02.01.2024).

Идентификационные процессы. Структура многоуровневой идентичности жителей Кабардино-Балкарии представлена актуализированными этнической (69,7 %), религиозной (66,3) и поколенческой (63,1 %) идентичностями. Наличие солидаризации по этнорелигиозным основаниям отражает существующую традиционалистскую ориентацию в выборе объектов идентификации.

Опрос свидетельствует, что самый высокий показатель ситуативности идентичности в Кабардино-Балкарии оказался у российской национальной. В то же время ее общий уровень (91,3 %) выше, чем в среднем по России [19]. Региональная идентичность в актуализированном состоянии находится чуть чаще, чем в ситуативном, особенно это характерно для молодежи 18–29 лет и для людей старше 60 лет.

В качестве консолидирующих факторов российской национальной идентичности наиболее значимы «родная земля, территория, природа», «общее государство», «русский язык» (в порядке убывания интенсивности оценок). Наравне с русским языком выбирают ответственность за судьбу страны. Данная характеристика является маркером гражданской идентичности, по мнению Л. М. Дробижевой, «отличной от национальной идентичности»¹⁷. Региональная идентичность базируется на следующих маркерах: с большим отрывом – «родная земля, территория, природа», «родной национальный язык» и «ответственность за судьбу республики». Последнее свидетельствует о сохранении тенденции – заметного «гражданского» уклона в идентификационной матрице Кабардино-Балкарии.

Выявление консолидационной основы через общую идею показало, что для большинства (более 60 %) она складывается вокруг набора следующих базовых идей: справедливости, равенства всех; личного благополучия каждого гражданина; дружбы народов, их единения в целях сохранения культуры; развития региона для благополучия всей страны.

Эксперты в ходе опроса предложили следующие объединительные идеи: «мы должны цивилизованно... доказать, что у нас свой путь... и воспользоваться периодом определенных ограничений как возможностью»; «опора на универсальные фундаментальные общечеловеческие ценности, которые нитью ведут к религии, законодательству, госполитике развитых стран»; «ценность сотрудничества, кооперации, инклюзии для людей должна быть очевидна: когда люди видят, почему они должны объединяться и что-то вместе делать, а не когда их сверху объединяют и консолидируют ради какой-то цели».

В итоге можно говорить о Кабардино-Балкарии как о регионе, еще не сформировавшем собственный бренд, однако находящемся в ситуации необходимости его конструирования, в том числе в силу значимого еще с советских времен туристического потенциала. По мнению экспертов, источник идеи бренда – в народе, он не может формироваться только «сверху», административным путем: «...каждый должен принять этот бренд для себя, каждый должен решить, хочет ли он быть носителем этого бренда». Как и в Адыгее, устойчивы характеристики комфортности региона, особое внимание к этническим традициям, значительно превалируют представления о природной уникальности республики. При этом

¹⁷ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 38.

велика значимость религиозного фактора, его консолидирующей роли на уровне региона, хотя он в Кабардино-Балкарии и уступает этническим основаниям солидаризации. Жители республики демонстрируют сильную гражданскую идентичность, как на уровне страны, так и региона: гражданская активность, ответственность за страну и регион являются показателями этого. Идеи, которые способны объединить всех россиян, лежат в плоскости представлений о справедливости, равенстве и благополучии.

Кейс Республики Дагестан. Дагестан – самая южная республика России. Население составляет 3 209 781 чел.¹⁸ Регион является самым многонациональным с неповторимым этническим разнообразием. Благоприятные природно-климатические условия и уникальные культурно-исторические памятники создают возможность для развития туризма и формирования уникального образа республики на карте России.

В рейтинге регионов по качеству жизни по данным на 2021 г. Дагестан занимал 69-е место¹⁹. В республике не удовлетворяется запрос на комфорт (высокие показатели неудовлетворенности инфраструктурой, качеством дорог, компетентностью власти). По большинству социально-экономических показателей в расчете на душу населения регион отстает от среднероссийского уровня, по уровню бюджетной обеспеченности и обеспеченности объектами социальной инфраструктуры – занимает низкие позиции среди субъектов Российской Федерации [20].

На фоне имеющихся социально-экономических проблем наблюдается активизация сферы туризма²⁰. В этой связи экспертами отмечается высокий запрос на создание качественной инфраструктуры в Дагестане: «За последние два года наблюдается строительный бум, в то же время не развита дорожно-транспортная инфраструктура, благоустройство территорий». При этом они отмечают, что среди значительной части населения Дагестана существует внутреннее сопротивление развитию туризма, в котором видят угрозу религиозным ценностям. Еще один позитивный показатель – это безопасность. По данным рейтинга регионов по преступности в 2023 г., Дагестан занимает 3-е место в числе регионов с низким уровнем преступности²¹. Фактор безопасности оказывает влияние на восприятие региона внешней аудиторией, с ним связано развитие внутреннего туризма.

Представления об уникальности. Дагестан от других регионов России отличается в большей степени сохранение этнических традиций (44,3 %), значимая роль религии, активность религиозных деятелей и организаций (41,6), дружелюбие и открытость людей (41,3 %). Подчеркивается активность жителей, готовность к созданию собственного благополучия своими силами.

¹⁸ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан – Население [Электронный ресурс]. URL: <https://05.rosstat.gov.ru/naselenie?ysclid=lrtdto05emy843437062> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁹ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2021 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг : сайт. 2022. 15 февр. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html?> (дата обращения: 25.12.2023).

²⁰ Туризм [Электронный ресурс] // Росстат : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 25.12.2023).

²¹ Рейтинг регионов по преступности [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг : сайт. 2022. 31 окт. URL: <https://riarating.ru/infografika/20221031/630231852.html?ysclid=lqba2gs2lq880307928> (дата обращения: 25.12.2023).

В оценках респондентов выявлено, что настоящее они определяют в основном в категориях этничности и религиозности, а в будущем Дагестан видят как центр туризма с сильной экономикой, привлечением инвестиций и притоком туристов, работников из других регионов и стран. Это также отмечают эксперты: с одной стороны, значительная доля дагестанцев опасается, что произойдет размывание традиций вследствие развития, с другой – отмечается высокая предпринимательская и экономическая активность, направленная на достижение собственного материального благополучия.

По данным на ноябрь 2023 г., зарегистрированы следующие географические указания и наименования места происхождения товара Дагестана – «Дербент», «Дагестан», «Кизляр», «Кубачи», «Кизлярский нож». Однако список региональных брендов шире. В таблице 3 представлен топ-10 региональных брендов Дагестана, которые, по мнению респондентов, отражают уникальный образ республики.

Т а б л и ц а 3. Региональные бренды Дагестана, %

Table 3. Regional brands of Dagestan, %

Бренд / Brand	Доля / share
Расул Гамзатов / Rasul Gamzatov	87,2
Дербентская крепость / Derbent Fortress	82,2
Сулакский каньон / Sulak Canyon	81,5
Нарын-Кала / Naryn-Kala	77,0
Бархан Сары-кум / Barkhan Sary-kum	75,0
Дагестанский урбеч / Dagestan Urbech	75,8
Гуниб / Gunib	75,0
Кубачи / Kubachi	74,3
Али Алиев / Ali Aliyev	73,2
Водохранилища Дагестана / Reservoirs of Dagestan	71,7

Чаще всего респонденты, думая о республике, вспоминают о природе (горы, море), перечисляют такие качества и чувства, как гордость, гостеприимство, дружелюбие, также говорят об исламе, традициях, упоминают Расула Гамзатова. Гордятся дагестанцы больше всего культурой, точнее, духовностью, религией и традиционными ценностями (в том числе этическим кодексом намус). На второй позиции – спортивные достижения, народы Дагестана и природа (горы, море).

Эксперты также выделяют в качестве региональных брендов Дербент и Сулакский каньон; Расула Гамзатова единодушно считают «гением места», который воплощает образ Дагестана. Очень важное значение отводят роли русского языка и связанным с ними символам: «в Дагестане сложился позитивный образ русского человека. Памятник русской учительнице может быть брендом благодарности и уважения к ее просветительской роли, ценности русского языка». Согласно опросу, значимыми в сознании дагестанцев являются понятия «предки», «корни», «родное село», «родина». При этом обращает на себя внимание особое ностальгическое отношение к советскому прошлому.

Эксперты полагают, что в Дагестане еще нет идеи, которая могла лечь в основу бренда региона и которую можно было бы успешно «продавать» как

коммерческий продукт, и которая бы максимально объединяла дагестанцев. Однако происходит активное движение в этом направлении, чему в немалой степени способствует нацеленность на развитие туризма.

Идентификационные процессы. В Дагестане проблема укрепления российской национальной идентичности также актуальна [21; 22] и при этом сопряжена со значительной степенью ее «ситуативности». По уровню сформированности она уступает религиозной и региональной идентичностям. О роли религиозного фактора в текущей ситуации говорят все эксперты. Происходит исламизация молодежи, укрепление позиций исламского духовенства, что отодвигает на второй план традиционную этническую культуру народов Дагестана.

По результатам проведенного нами исследования, конфигурация идентичностей по степени интенсивности оценок выглядит следующим образом: этническая, религиозная, региональная, локальная и российская. Однако если взять в расчет их актуализированное состояние, то ситуация меняется: религиозная, этническая, локальная, региональная, российская.

Определяющим идентификационным основанием региональной идентичности в Дагестане является такой маркер, как «общая религия» (69,7 %), на втором месте – «родная земля, территория, природа» (68,5), далее – «родной (национальный) язык» (59,1 %). Таким образом, этнокультурные маркеры лежат в основе региональной идентичности. В то же время в публичном дискурсе используются понятия «дагестанцы», «народ Дагестана», «жители республики», не выделяя этнических групп. Это говорит о стремлении региональной власти к деполитизации этничности и укреплению среди дагестанцев республиканского самосознания.

В отличие от Адыгеи и Кабардино-Балкарии, Дагестан не рассматривается как регион, комфортный для проживания; ценности комфорта, экологии, здорового образа жизни далеко не первостепенны для дагестанцев. В то же время в последние несколько лет произошел мощный прорыв в привлечении российских туристов. Это серьезный повод для переосмысления политики брендинга региона. Одним из стержневых направлений брендинга, по мнению экспертов, может стать «горный туризм, что потребует “серьезной инфраструктурной проработки”».

Обсуждение и заключение. Важным условием и ресурсом брендинга регионов является позитивная и устойчивая региональная идентичность, которая влияет на привлекательность республик. Сравнительный анализ кейсов позволил определить как специфические, так и общие основания конструирования брендов Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана в контексте политики идентичности в северокавказском регионе. Эти основания могут быть верифицированы через комплекс связанных показателей: маркеры региональной идентичности, уникальные региональные бренды, портфель идентичностей.

В Адыгее исследование маркеров региональной идентичности показывает сильные позиции такого индикатора, как «праздники», которые основаны на этнических традициях (например, фестиваль адыгейского сыра). Это в том числе объясняется ситуацией удовлетворенности состоянием основных сфер жизни, комфортности проживания в республике. Анализ существующих в регионе региональных брендов показывает уклон в сторону традиций национальной кухни.

Например, адыгейский сыр – самый узнаваемый региональный бренд Адыгеи. В этом продукте и его бренде заложены следующие идеи: вкусно, полезно, быстро в приготовлении, имеет этнический колорит, традиционный продукт, натуральный, популярный во всей стране. Какие-то из этих идей должны быть включены и капитализированы в бренде республики.

Особенностью портфеля идентичностей в Адыгее является сильная позиция этнической идентичности наряду с поколенческой и профессиональной. Этническая идентичность находит выражение в брендах любых национальных республик. Поколенческая идентичность не может игнорироваться при конструировании бренда, так как поиск общих ценностных приоритетов и идеалов у различных поколений позволит заложить в бренде непротиворечивые основы для общей российской идентичности. Профессиональные идентичности являются косвенным показателем состояния экономической сферы в регионе и могут быть учтены при конструировании бренда: например, чтобы были понятны друг другу работники и инвесторы.

В Кабардино-Балкарии анализ маркеров региональной идентичности показывает преобладающее значение такого индикатора, как «родная земля, территория и природа». В конструировании бренда региона данный индикатор может быть выражен через такой яркий природный объект, как Эльбрус, являющийся важнейшим для региона символическим ресурсом, усиленным естественной уникальностью и поэтическим бэкграундом. Потенциал Эльбруса на сегодняшний день недостаточно использован в брендинге региона. При конструировании бренда региона необходимо учитывать значимость, вес того или иного уровня идентичности. Для Кабардино-Балкарии такими являются этнический, религиозный и поколенческий. Такое соотношение наиболее популярных идентичностей позволяет говорить об этно-религиозной составляющей и традиционных смыслах, важных для жителей и способных высветить основной образ-идею региона.

В Дагестане в число лидеров идентификационных оснований региональной идентичности входит такой маркер, как «общая религия». В качестве нематериального актива она конвертируется в идею традиционности и консерватизма. Реализуя брендинг региона, надо понимать, как вплести этот маркер в создаваемый образ, при этом удерживая баланс со стремлением региона к активной предпринимательской деятельности и развитию туризма. Анализ существующих в республике региональных брендов показывает силу личности Расула Гамзатова и его поэтических образов, а также Дербента как исторического города-памятника. Этническая, религиозная – самые популярные идентичности жителей республики. Встраиваясь в бренд Дагестана, они весьма органично могли бы отражать его традиционный уклад, а достаточно сильные региональная и локальная идентичности способны усилить бренд за счет высокой лояльности и внутренней солидаризации вокруг него.

При конструировании брендов должны быть учтены и выявленные в ходе нашего исследования общие для Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана маркеры региональной идентичности: отношение к родной земле, природе, территории, ценность культурных, этнических традиций, языка, добрососедских отношений и отсутствия межнациональных конфликтов. Наличие таких

общих смыслов и ценностей, заложенных в бренды отдельных регионов, будут позитивно воздействовать на российскую национальную идентичность в связи с их универсальностью.

Сильным объединительным потенциалом в исследуемых регионах обладают региональные бренды – природные объекты. Для исследуемых республик это горы (плато Лагонаки – в Адыгее, Эльбрус – в Кабардино-Балкарии, Сулакский каньон – в Дагестане) и их символический ресурс. Горы, с одной стороны, – это среда, веками определяющая образ жизни, хозяйственный уклад, качества личности, менталитет. С другой стороны, на настоящем этапе горы обладают инновационным потенциалом, связанным с туристической индустрией, являющейся драйвером развития региональной экономики и, как следствие, повышения качества жизни.

По единодушной оценке экспертов, российская национальная идентичность в целом в стране до конца не сформирована, поэтому столь важно, чтобы региональные идентичности были вписаны в ее контур, делали ее более устойчивой. Для этого необходимо при конструировании брендов регионов обязательно учитывать то, что сближает и позитивно оценивается региональным сообществом и не противоречит ценностям и смыслам, лежащим в основе российской национальной идентичности. Если в области материальных объектов (например, природные объекты, национальные промыслы и ремесла), которые отражают уникальность региона, можно их выделять, подчеркивать, конкурировать, вынося их идеи в бренд, то в нематериальной, духовной сфере, наоборот, искать максимальные точки соприкосновения, то что нас объединяет.

Основываясь на концепции многоуровневой идентичности, можно утверждать, что узнаваемые и позитивные бренды регионов не рассматриваются как явления фрагментации российского общества, а укрепляют как региональную, так и российскую национальную идентичность, так как формируют комплекс представлений об уникальности, разнообразии регионов, чувство гордости за свою страну и консолидируют российское общество. В перспективе результаты исследования лягут в основу рекомендаций.

Полученные результаты и сформулированные на их основе выводы полезно учитывать органам региональной власти при принятии решений по брендингу регионов.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на поиск оснований надрегиональной идентичности – северокавказской. Она может быть рассмотрена как инструмент конструирования бренда северокавказского пространства и укрепления российской национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3. С. 442–458. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>

2. Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>

3. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2>
4. Аксенова О. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. 2019. № 1. С. 9–17. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/6192> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Charters S., Spielmann N. Characteristics of Strong Territorial Brands: The Case of Champagne // Journal of Business Research. 2014. Vol. 67, issue 7. Pp. 1461–1467. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.07.020>
6. Berham E. Translating Terroir: The Global Challenge of French AOC Labeling // Journal of Rural Studies. 2003. Vol. 19, issue 1. Pp. 127–138. [https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(02\)00052-9](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(02)00052-9)
7. Using Attribution Theory to Explain Tourists' Attachments to Place-based Brands / U. R. Orth [et al.] // Journal of Business Research. 2012. Vol. 65, issue 9. Pp. 1321–1327. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2011.10.027>
8. Lucarelli A. Place Branding as Urban Policy: The (Im)political Place Branding // Cities. 2018. Vol. 80. Pp. 12–21. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.08.004>.
9. Almeida G.G.F.d., Cardoso L. Discussions between Place Branding and Territorial Brand in Regional Development – A Classification Model Proposal for a Territorial Brand // Sustainability. 2022. Vol. 14. Article no. 6669. <https://doi.org/10.3390/su14116669>
10. Gulisova B., Horbel C., Noe E. Rural Place Branding from a Multi-level Perspective: A Danish Example // Place Branding and Public Diplomacy. 2021. Vol. 17. Pp. 231–248. <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00204-8>
11. Helmi J., Bridson K., Casidy R. A Typology of Organizational Stakeholder Engagement with Place Brand Identity // Journal of Strategic Marketing. 2020. Vol. 28, issue 7. Pp. 620–638. <https://doi.org/10.1080/0965254X.2019.1593224>
12. Taecharungroj V. User-generated Place Brand Identity: Harnessing the Power of Content on Social Media Platforms // Journal of Place Management and Development. 2019. Vol. 12, issue 1. Pp. 39–70. <https://doi.org/10.1108/JPMD-11-2017-0117>
13. Михайлов В. Т., Рунге Й. Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
14. Гаджалова Ф. А., Магомедов А. Д. Дагестанские гастрономические бренды (курзе, чуду, хинкал): названия, этнокультура, современное бытование // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2022. № 85. С. 23–29. URL: <http://vestnikdnc.ru/issues/Article/3804> (дата обращения: 25.12.2023).
15. Кешева З. М. Бренды Кабардино-Балкарии в информационном пространстве как фактор социокультурной и экономической привлекательности региона // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 2 (45). С. 50–55. <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2020-2-45-50-55>
16. Горлова И. И., Коваленко Т. В., Науменко В. Е. Историко-культурное наследие Республики Адыгея как ресурс этнокультурного брендинга территории (концептуальные основы формирования зонтичного бренда) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 3 (264). С. 234–244. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.3/6363/234-244.pdf> (дата обращения: 25.12.2023).
17. Митина Э. А., Калькова Н. Н., Ярош О. Б. Бренд-идентификаторы как инструмент территориального развития // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8, № 1. С. 134–143. URL: <https://re.volsu.ru/archive/articles/index.php?ID=1153> (дата обращения: 25.12.2023).
18. Назукина М. В., Тарасова Е. Ю. Опыт брендинга российских республик: вариативность институционализации этнокомпонента // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 1. С. 40–48. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-40-48>
19. Рыжова С. В. Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 156–177. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7>
20. Муллахмедова С. С., Муллахмедов Х. С., Гаджиев Н. О. О прогнозе социально-экономического развития Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 12. С. 80–88. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-12-80-88>

21. Адиев А. З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.) // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 136–142. <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6>
22. Шахбанова М. М., Мургузова З. М., Шихалиева Д. С. Этническая идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности и индикаторы ее воспроизводства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 1 (254). С. 136–148. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.1/6238/136-148.pdf> (дата обращения: 25.12.2023).

REFERENCES

1. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D. The North Caucasus: Factor Analysis and Forecasts of the Regional Situation Dynamics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):442–458. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.442-458>.
2. Drobizheva L.M. Russian Identity: Discussions in the Political Space and Dynamics of Mass Consciousness. *Polis. Political Studies*. 2018;(5):100–115. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>
3. Avksentyev V.A., Aksyumov B.V. “Identities Portfolio” of the Youth of the Southern Russia after 12 Years. *Sociological Studies*. 2022;(7):76–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2>
4. Aksenova O. Strategy of Russian Regions Development: Official Version. *Vlast (The Authority)*. 2019;(1):9–17. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/6192> (accessed 25.12.2023).
5. Charters S., Spielmann N. Characteristics of Strong Territorial Brands: The Case of Champagne. *Journal of Business Research*. 2014;67(7):1461–1467. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.07.020>
6. Berham E. Translating Terroir: The Global Challenge of French AOC Labeling. *Journal of Rural Studies*. 2003;19(1):127–138. [https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(02\)00052-9](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(02)00052-9)
7. Orth U.R., Stöckl A., Crouch R.C., Joëlle B., Cavicchi A., Faraomi M., et al. Using Attribution Theory to Explain Tourists’ Attachments to Place-Based Brands. *Journal of Business Research*. 2012;65(9):1321–1327. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2011.10.027>
8. Lucarelli A. Place Branding as Urban Policy: The (Im)Political Place Branding. *Cities*. 2018;80:12–21. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.08.004>
9. Almeida G.G.F.d., Cardoso L. Discussions between Place Branding and Territorial Brand in Regional Development – A Classification Model Proposal for a Territorial Brand. *Sustainability*. 2022;14:6669. <https://doi.org/10.3390/su14116669>
10. Gulisova B., Horbel C., Noe E. Rural Place Branding from a Multi-Level Perspective: A Danish Example. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2021;17:231–248. <https://doi.org/10.1057/s41254-021-00204-8>
11. Helmi J., Bridson K., Casidy R. A Typology of Organizational Stakeholder Engagement with Place Brand Identity. *Journal of Strategic Marketing*. 2020;28(7):620–638. <https://doi.org/10.1080/0965254X.2019.1593224>
12. Taacharungroj V. User-Generated Place Brand Identity: Harnessing the Power of Content on Social Media Platforms. *Journal of Place Management and Development*. 2019;12(1):39–70. <https://doi.org/10.1108/JPM-11-2017-0117>
13. Mikhailov V.T., Runge J. Identification of Individual. Territorial Communities and Social Space: an Attempt of Conceptualisation. *Sociological Studies*. 2019;(1):52–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
14. Gadzhalova F.A., Magomedov A.D. Daghestan Gastronomic Brands (Kurze, Chudu, Khinkal): Names, Ethnoculture, Modern Existence. *Herald of the Daghestan Scientific Center*. 2022;(85):23–29. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnikdnc.ru/issues/Article/3804> (accessed 25.12.2023).
15. Kesheva Z.M. Brands of Kabardino-Balkaria in the Information Space as a Factor of Socio-Cultural and Economic Attractiveness of the Region. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. 2020;(2):50–55. <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2020-2-45-50-55>
16. Gorlova I.I., Kovalenko T.V., Naumenko V.E. Historical and Cultural Heritage of the Republic of Adyghea as a Resource for Ethnocultural Branding of the Territory (Conceptual Framework for the Formation of an Umbrella Brand). *Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”*. 2020;(3):234–244.

(In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.3/6363/234-244.pdf> (accessed 25.12.2023).

17. Mitina E.A., Kalkova N.N., Yarosh O.B. Brand Identifiers as a Tool of Territorial Development. *Regional Economy. South of Russia*. 2020;8(1):134–143. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://re.volsu.ru/archive/articles/index.php?ID=1153> (accessed 25.12.2023).

18. Nazukina M.V., Tarasova E.Yu. Branding Experience of Russian Republics: Variability of the Institutionalization of the Ethnic Component. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(1):40–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-40-48>

19. Ryzhova S.V. Ethnic Identity and Tolerance in a Multicultural Society: An All-Russian Perspective and Research in Kabardino-Balkaria. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*. 2023;11(4):156–177. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7>

20. Mullakhmedova S.S., Mullakhmedova H.S., Gadzhiev N.O. About the Forecast of Socio-Economic Development of the Republic of Dagestan. *Regional Problems of Transforming the Economy*. 2020;(12):80–88. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-12-80-88>

21. Adiev A.Z. Russian Identity in Dagestan (According to the Surveys of 2016–2019). *Sociological Studies*. 2021;(4):136–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6>

22. Shakhbanova M.M., Murtuzova Z.M., Shikhalieva D.S. Ethnic Identity of Urban Population of Dagestan in Structure of Social Identity and Indicators of its Reproduction. *Bulletin of the Adyghe State University. Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*. 2020;(1):136–148. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.1/6238/136-148.pdf> (accessed 25.12.2023).

Об авторах:

Киреева Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0888-896X>, Researcher ID: GXM-8362-2022, klushina@list.ru

Куква Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9944-029X>, Researcher ID: N-5425-2018, Scopus ID: 56245776200, otvs_priem@mail.ru

Ляушева Светлана Аслановна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, руководитель лаборатории социологической диагностики Адыгейского государственного университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7249-8846>, Researcher ID: GXZ-9879-2022, Scopus ID: 56646605500, slyausheva@list.ru

Жаде Зурьет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, руководитель лаборатории этнокультурных проблем Адыгейского государственного университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7888-8885>, Researcher ID: GPX-0497-2022, Scopus ID: 57190442726, zhadezura@yandex.ru

Ильнинова Надежда Александровна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4626-5947>, Scopus ID: 56819006800, nady_i@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

И. В. Киреева – разработка концепции статьи; сбор и анализ эмпирических данных; подготовка кейса по Дагестану; подготовка начального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

Е. С. Куква – разработка концепции статьи; сбор и анализ эмпирических данных; подготовка кейса по Кабардино-Балкарии; подготовка начального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

С. А. Ляушева – разработка концепции статьи; сбор и анализ эмпирических данных; подготовка кейса по Адыгее; критический анализ и доработка текста.

З. А. Жаде – разработка концепции статьи; подготовка кейса по Адыгее; критический анализ и доработка текста.

Н. А. Ильинова – разработка концепции статьи; сбор и анализ эмпирических данных; подготовка кейса по Кабардино-Балкарии.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 06.03.2024.

About the authors:

Irina V. Kireeva, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Sociology, Adyghe State University (208 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0888-896X>, Researcher ID: [GXM-8362-2022](https://orcid.org/0000-0002-0888-896X), klushina@list.ru

Elena S. Kukva, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Sociology, Adyghe State University (208 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9944-029X>, Researcher ID: [N-5425-2018](https://orcid.org/0000-0001-9944-029X), Scopus ID: [56245776200](https://orcid.org/0000-0001-9944-029X), otvs_priem@mail.ru

Svetlana A. Lyausheva, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Chair of Philosophy and Sociology, Head of the Laboratory of Sociological Diagnostics, Adyghe State University (208 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7249-8846>, Researcher ID: [GXZ-9879-2022](https://orcid.org/0000-0001-7249-8846), Scopus ID: [56646605500](https://orcid.org/0000-0001-7249-8846), slyausheva@list.ru

Zuriet A. Zhade, Dr.Sci. (Polit.), Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science, Head of the Laboratory of Ethnocultural Problems, Adyghe State University (208 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7888-8885>, Researcher ID: [GPX-0497-2022](https://orcid.org/0000-0002-7888-8885), Scopus ID: [56646605500](https://orcid.org/0000-0002-7888-8885), zhadezura@yandex.ru

Nadezhda A. Ilyinova, Dr.Sci. (Philos.), Head of Chair of Philosophy and Sociology, Adyghe State University (208 Pervomayskaya St., Maykop 385000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4626-5947>, Scopus ID: [56819006800](https://orcid.org/0000-0003-4626-5947), nady_i@bk.ru

Contribution of the authors:

I. V. Kireeva – development of the concept of the article; collection and analysis of empirical data; preparation of a case study on Dagestan; preparation of the initial version of the text; revision of the text.

E. S. Kukva – development of the concept of the article; collection and analysis of empirical data; preparation of a case study on Kabardino-Balkaria; preparation of the initial version of the text.

S. A. Lyausheva – development of the concept of the article; collection and analysis of empirical data; preparation of a case on Adygea; finalization of the text.

Z. A. Zhade – developing the concept of the article; preparing a case on Adygea; finalization of the text.

N. A. Ilyinova – development of the concept of the article; collection and analysis of empirical data; preparation of a case study on Kabardino-Balkaria.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript

Submitted 17.01.2024; revised 26.02.2024; accepted 06.03.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и iThenticate

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);

2) Материалы и методы (Materials and Methods);

3) Результаты исследования (Results);

4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков,*

таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конце рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *iThenticate* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.
2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. П. Гординой*.
Перевод *С. В. Голованова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-85159 от 23 апреля 2023 г.

Подписано в печать 14.06.2024. Дата выхода в свет 28.06.2024. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 16,57. Тираж 1 000 экз. 1 завод – 150 экз. Заказ № 304. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *E. P. Gordina*.
Translation by *S. V. Golovanov*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-85159 of 23 April 2023.

Signed to print 14.06.2024. Date of publishing 28.06.2024. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 16.57. Number of copies: 1,000. Print run 1: 150 copies. Order No. 304. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.